

Григорий Дикштейн

Мы дети погонь и агоний
стихи, песни, очерки

Харьков
«ФОЛИО»
2001

ШАЛЬНОЕ НАСЛЕДСТВО

Поэтам зарубежья

К добру новостей на хвосте не приносит сорока,
Туда, где до срока ни зла , ни беды не избыть...
Язык Александровский Пушкина, Галича, Блока,-
Не дай же нам, Боже, в густой суете позабыть!

Подобно России, глумливо не «ботать по фене»,
С экрана, с амвона, со сцены, устами детей...
Храни тебя Бог, дорогое моё поколение,
Соль шестидесятых из добрых, наивных людей...

Мы тайну постигли в «кириллицы» знаков вязаньи,
Из праха и пепла порой вырастающий стих...
Как некто сказал: «Не в изгнании мы, а в посланьи...»
Златые осколки российской культуры спасти.

Спаси и сплести из крапивы для братьев крылатых
Одежду , что облик и душу из плена долой!
А руки в ожогах – не высшая в мире расплата,
Спасённое слово и большего стоит порой!

Стило не роняй, по старинке царапай бумагу,
Из Даля , из дали, из памяти мысли кайлом
Добудь, донеси, изложи пару строк или сагу,
И если сумеешь, наполни добром и теплом...

Сначала слова, а потом по ладам на свирели:
Дыханье для звукорождения побереги
Вот зёрна созрели, слепые волшебюно прозрели...
И большего счастья придумать себе не моги!

Лагерное

*Памяти Бориса Чичибабина
в день его 75-летия*

Я не копал подземный ход,
Мне сам, давно не идол,
Без блата, но и без хлопот
Начальник “ксиву” выдал.

Себе не веря и ему,
Под жерлом пулемёта,
Я разорвал руками тьму
И... вышел за ворота.

Я там с рождения сидел,
Ходил в родную школу,
Детей растил, выросел, седел
И даже пел крамолу...

Хлестнул по морде красный флаг,
Дохнуло перегаром...
И я увидел свой барак
Охваченный пожаром.

Шел день вчерашний по пятам,
Тревожил болью жгучей...
И все же дом остался там,
За проволокой колючей.

Я вроде сам себе не враг,
Чего ж, когда мне плохо,
Я вспоминаю тот барак
И электричек грохот...

Грязь перепаханных полей,
Дома по крышу в дыме...
Соц. лагерь памяти моей
С чужими и родными.

01.09.98

БЫТЬ

Моей дочкеЭллочке

Быть! Если и не вмоготу!
Быть выше дешевых амбиций!
С серебряной ложкой во рту
Родиться и не возгордиться,
Плеснуть на бумагу сонет,
В быту разрываясь на части,
И веровать: в жизни участие -
Вот главное! Прочего нет!
Быть выше досужей молвы,
Оправдывать предназначенье,
Быть необъективным, увы,
Кроя золотое сеченье,
В смешеньи коррид и карет
Секрет ожидания и счастья
Найти! Ибо в жизни участие -
Вот главное! Прочего нет!
Уже родниковой воды
Не видно под радужной пленкой,
Вбивают копыта орды
Талант, как ребенка в щебенку!..
И узок рассвета просвет,
Пока нас тасуют на масти...
И все-таки в жизни участие -
Вот главное! Прочего нет!
Быть ! Это и яда глоток,
И реквием гордой когорте,
Расплавленной магмы поток
В опасно непрочной аорте,
И к битве зовущий корнет,
Свобода, презрение к власти!
И все это в жизни участие!
Вот главное! Прочего нет!

28 мая 1987

Десять лет спустя...

Эллочке

Так “быть”, или проще - “не быть?”
Амбиции - жизни дороже...
Завидев знакомые рожи
В себе всепрощенье убить?
Замри! Не бросайся на ДОТ*,
Ретивых спасать от напасти!
В том счастье, что в жизни участие
С иньими, всего, эпизод!
Глоток родниковой воды
Заменит шипучая “Cola”,
И хором заглушено соло
Без помощи бывшей орды.
Способные ученики
И здесь нас тасуют на масти
От жажды какойнибудь власти,
Не вследствие, а вопреки.
Не просто узлы разрубить
Едва уцелевшей когорте...
Опасно непрочной аорте
По-прежнему хочется быть!
И если призыв не забыт,
Я очень надеюсь на это,
Не опыт университета,
А мой до конца не избыт.
А значит нам “быть”! Даже тут!
Где жизнь есть не мёд и не пряник...
Рожденный летать да воспрянет!
А крылья... авось прорастут...

28 мая 1997г.

*ДОТ – долговременная огневая точка (воен.)

Арифметика

Арифметика судьбы
Кое как у нас сложилась...
Отнялось и поделилось,
Не без классовой борьбы...
Умножения черёд.
По исписаной тетрадке
Деревянные лошадки
Скачут задом наперёд.
Затихает дробь копыт,
В столбик выстроились даты...
Там, где жили мы когда-то,
Гомон, песни, чай кипит...
На полтинник сыт и пьян...
Чем богаты - тем и рады.
“Аты баты шли солдаты”...
Через море-океан.
Что-то новое куём
Бесконечно и упрямо...
Вдруг вчера напомнил маму
Дочкин временный объём.
Всё расчисленно... Итог
На весы с размаху бросим...
Май... и цифра 28...
Вкусный бабушкин пирог
Стал твоим... Пусть будет слаже
Вкус его на много лет
А итог... Итога нет...
Что же дальше? Жизнь подскажет.
Арифметика, она
Разжестокая наука.
Год плюс год - такая штука...
Был тоннель, ан вдруг стена.
Нынче надо всё успеть,
Всё понять без исключенья...
Здравтвуй, наше продолженье!
Здравтвуй ныне, здравтвуй впредь!

28 мая 1998

Потеря

Рае Кригер

Долетит ли глас до неба
Полон дрожи от корней?
Мне кусок ржаного хлеба
Горше стал и солоней.
Он забудется едва ли,
Вкус солёного куска...
Ах, кого мы потеряли!
Где такого отыскать?

В доме дымно... Время дышит
Посреди планеты всей...
Под какой стенают крышей
Голоса моих друзей?
Ни Америк , ни Австралий
Не колышет боль моя...
Ах, кого мы потеряли!
Знашь ты и знаю я...

Из реки Его напьёмся
Да помолимся Ему...
И струны едва коснёмся,
Ты поймёшь, и я пойму.
Обделили, обкорнали,
Окунули в холода...
Ах, кого мы потеряли...
Видит Бог, не навсегда!

До чего же нас мало!

До чего же нас мало на свете
Понимающих музыку слов!
Мы иного созвездия дети
Созидатели снов и основ.
На заре запряженная тройка
Нынче бодро встречает закат...
“Солнцедаром” пропахшая стойка
Под локтями у наших ребят.
Тех, кто тенями рядом маячат,
Кто до светлых деньков не дожид...
Там над ними берёзки не плачут,
Хоть бы камешек кто положил!
Как подумаю, нету охоты
Попрекать, или что то делить...
Это волки степные - койоты
Не умеют грехов замолить.
Мы ж помолимся нашему Богу,
Очищаясь слезой и постом.
Он, авось, не осудит нас строго,
Всепрощающим тронет перстом.
Оглянусь - и всего-то нас горстка,
И на ту нехватает добра...
До чего же мне пусто и горько
И с утра раздувают ветра
Пыль метелей, недобрую славу,
Дым погашенного очага...
Мы покинули чудо-державу,
Где до смерти четыре шага...
Толь близка она , толь далека мне,
Там где прошлого свет, или след.
Фотография мамы на камне,
До которой две тысячи лет...

апрель 1997.

Крепи ряды, шестидесятник

Мне тошно горбиться уныло,
Тропу привычную торя...
На той дороге столько было!
Да сплыло... честно говоря.
Мы знали и шинель, и ватник,
И пропаганды грязной лай...
Крепи ряды, шестидесятник,
И резвость мысли не теряй.

Когда в рядах сквозят потери,
Бывешь паникой объят,
Когда безумные постели
Иную музыку таят,
Пегас, увы! резвей, чем всадник, -
Сжимая повод – удержиись!
Крепи ряды, шестидесятник.
Ты ж знаешь, это просто жизнь.

Одета Правда иль нагая, -
На встречу с нею уповай.
И сотню истин постигая,
«Им несть числа», - не забывай!
Первопроходец и десантник,
Рискни, как прежде, за двоих!
Крепи ряды шестидесятник,
И не роняй знамён своих...

Давно пора беречь друг друга...
Я по себе уже сужу.
Как просто вылететь из круга!
Как просто пропахать между!
Огонь души – добра рассадник,
Он есть, но прячется в золе...
Крепи ряды, шестидесятник.
Нас так немного на земле.

Не для каждого

Мы и сеятели и пахари,
Околачиватели груш,
Колдуны, чародеи, знахари,
Врачеватели нежных душ...
Чуя сердцем их и печёнкою,
Каждый стон их и каждый вздох.
Наши песенки - дело тонкое,
Не для каждого, видит Бог!
Впору плакаться да аукаться, -
Так нас мало, ну просто смех!
Достучаться б, а не достукаться,
Докричатся б до тех, до сех...
То ли это Всевышним велено,
То ль написано на роду...
Сколько мусору перемелено
С жемчугами в одном ряду!
Пусть ворчат, что из пальца высосано,
И смеются, что нагишом...
Как пропето, да как написано...
Лишь бы трогало до кишок!
Взоры к небу немому подняты,
Пальцы судорогою свело...
И живём до конца непоняты,
Приземлённые НЛО.

Володе Л.

Вечер жизни с глазами мутными
Мелким дождиком моросил...
К юбилеям приходим мудрыми:
Много опыта, - мало сил...
Пусть ещё обжигают взорами,
Погоди, зовут, оглянтсь!
Но... Стареть надо с теми, с которыми
Вместе прожита наша жизнь...

Так устроены мы... У прошлого
Притяженья большой запас.
Гениального, злого, пошлого...
Наворочено столько в нас!
Нам ли быть на расправу скорыми,
Словно вырвавшись из тенет?
Нет... стареть надо с теми с которыми
Обижаться охоты нет...

Нам ещё по ночам ворочаться
Позывные лова любви.
И неймётся душе, и корчится
Недопрожитое... Живи!
Погоди, не спеши с укорами
Загрустив уголками глаз..Нет..
стареть надо с теми которые
До сих пор ещё любят нас...

Может мы себя напрасно тратили?

Может мы себя напрасно тратили,
Ошалев от песен и стихов?
Подались приятели в предатели,
В судьи, не отмывшись от грехов...
Камень отогретый под одеждою -
Враг Иерусалимовой стены...
Узок круг, и тешимся надеждою
Не услышать выстрел со спины.
Отчего ж душа моя в печали вся?
Бражничали, пели... Все свои...
Я понять поступки их отчаялся,
Выбит из привычной колеи.
Прошлому свечу поставил тонкую,
Неумело "кадиш" прочитал,
И ушел с гитарой да котомкою.
Всё тщета и духа нищета.
Время из углов метелью вымело
Музой облюбованный приют,
Вечностью засеянное вымерло,
Там иное сеют и куют...
Разшумелись оборотни, тати ли...
Мы найдём укрыться с кем и где!
Подались приятели в предатели...
Не покинь их, Господи, в беде!

Ностальгия по детству

Этот маленький мир в смутном перечне лет...
Открывая клавиш, приготовимся к священнодействию.
Пой, пастуший рожок. Я стою среди сжатых полей,
И тревожит, и жжет ностальгия по детству...

Боже, сколько утрат мой усеяло путь!
Впору тризну справлять по такому шальному наследству...
Но приходит не зло, а прозрачная, светлая грусть
И святое тепло ностальгии по детству...

Нам второго дыхания близость слышна,
Жизнь крута и лиха, сколь пред нею ты не раболепствуй!
Третья молодость - дым, ибо молодость только одна,
Остальное - плоды ностальгии по детству...

Этот маленький мир в смутном перечне лет...

ГОЛОСОМ ЗВОНКИМ

Голосом звонким и голосом сорванным
Пойте и в такт, и не в такт.
Мы, словно в тесном вагоне, спрессованы
Песней в надежный кулак.

Припев:

Выпито, вылито или разругано
Песни святое вино,
Но для того эта песня придумана,
Чтоб ее пели со мной.

Песней границы и межи распаханы:
Падайте, зерна-слова!
Двери души перед песней распахнуты,
Если душа не подвал.

Припев.

Дырами ртов над потертыми струнами
Песней упрись в горизонт.
Чувствуешь как под рубахами грубыми
Души поют в унисон?

Припев.

Песня моя, работающая Золушка,
В поле ни свет ни заря...
Если взойдет хоть единое зернышко,
Значит, живем мы не зря!

Припев.

Реминисценция

*"Пора, мой друг, пора!
Покоя сердце просит!.."*

А.С. Пушкин

"Пора, мой друг, пора!
Покоя сердце просит!.."
Пускай других уносит
В романтику игра.
Пускай другим и крест,
И слава, и Голгофа,
Коньяк и черный кофе,
И блага все окрест!

Мы мудростью полны:
У лестниц есть перила,
Чтобы надежней было,
Держаться мы должны.
Давно пора б учесть:
Надежность - не надежда,
Она и прочим между,
И не про нашу честь...

"Пора, мой друг пора..."
Кричит во мне усталость.
Досталось, что осталось –
От бублика дыра...
Но свет из той дыры,
Поэтому безбожно
Гасить неосторожно
Осенние костры!
Пускай и дым, и чад,
И горькая в стакане,
И эта, что обманет,
Хоть жметя у плеча,
Зато душа светла.
И запах странствий дальних,
И вместо дум печальных
Лишь пепел да зола!

Нужен тот, кто нужен...

*"... Нужен тот, кто нужен,
нужен, когда нужен,
нужен, пока нужен..."*

А. Алексин

Несправедливость к нашим старикам,
К их сбивчивым речам нетерпеливость...
В общении суета и торопливость...
За все, придет пора, воздастся нам.

А молодость по-своему права...
Когда-нибудь, перед заходом солнца,
Все это нам почувствовать придется,
И вспомнить очень горькие слова:

Припев:

Нужен тот, кто нужен,
Нужен, когда нужен,
Нужен, пока нужен,
Вот удел каков...
Ветром дом остужен,
Одинокий ужин...
Что бывает хуже позабытых стариков?

И было так всегда, во все века,
И не найти ни слова оправданья!
Так где ж оно, взаимопониманье
Детей, отцов, юнца и старика?

Мы, называя друга "стариком",
Однажды огорченно замечаем,
Уходит тот, кто в нас души нечаял,
И в дружбе, значит, действует закон.

Припев:

Нужен тот, кто нужен,
Нужен, когда нужен,
Нужен, пока нужен,
Вот удел каков...
Ветром дом остужен,
Одинокий ужин...
Что бывает хуже позабытых стариков?

Я учусь доброте...

Я учусь доброте, а для этого жизни, пожалуй, не хватит,
Можно только хотеть, а ведь надо, дружище, еще совершать!
Жаль, что мы не из тех, кто бездумно легко раздает, или тратит,
Оттого-то взлететь за фантазией не успевает душа...

Было богом дано пять хлебов накормить тех, кто руку протянет,
А душою одной ты попробуй, поди, целый мир одарить,
Но кому суждено, из реки милосердия черпайте горстями,
И любовью земной научитесь скорее друг друга любить.

В целом мире зима. Поделитесь теплом, словно коркой последней.
В этих разных домах мы чужие по клеткам квартирным живем,
Не сойти бы с ума одиноким средь звуков пирушек соседних...
На далеких холмах первый снег упадет на сухое жнивье.

Я учусь доброте, а для этого жизни, пожалуй, не хватит...

О, где вы, гиппократы-авицены...

О, где вы, гиппократы-авицены,
Когда нас оглушивают цены
По чердаку и ниже живота?
Сгорает синим пламенем диета,
В которой то да сё, но больше это,
Да жаль на ЭТО денежка не та.
Но хлеба мы имеем больше нормы,
И формы наших женщин - это формы,
Которыми отрадно обладать,
Наощупь отвергая подозренье
Про недoves на душу населения,
Как будто это взглядом не видеть!

О, где вы, авицены-гиппократы?
У нас беда: духовные кастраты,
Грохочущий по жизни порожняк...
И понапрасну ожидает чуда,
Как мясо позабывшая посуда,
Наш полубуржуа-полубедняк,
Свободу в телевизоре выдавший,
Затурканный, отставший, не познавший
Ни прав своих, не полнокровных книг.
Он первым ощущает перемены
И в кошельке ощупывает цены -
Тот уровень, которого достиг.

А вот идейный враг - эксплуататор.
Он реформатор, ценорегулятор.
Он соки жмет, да так, что пар валит!
А соки продает в любой аптеке...
Но мы-то слава Богу, не ацтеки.
И соки пить нам совесть не велит.
Мы думали спасут кооперативы,
Но как зачать, не сняв презервативы
С излюбленных загубленных идей?
Все можно оправдать, и даже цены...
Но выйдет Афродитою из пены
Неущемленный вор и богатей.

Укормленный до рвоты птичьим млеком,
Он деловым зовется человеком,
И, не в пример начальству, - деловой...
Зато до сих у нас в номенклатуре
Блатных и подставных - дурак на дуре,
Что машут головой, как булавой...
А наша болтовня - в кармане фиги...
Когда падут словесные вериги,
Найдется выход не в прямой кишке,
Что столько лет была дорогой к цели.
И как это очнуться мы посмели,
Доселе не уложится в башке!

Баллада о тополях

Снег в июне... Что это такое?
Бездорожье метель замела.
Тополинное семя лихое
Гонит ветер. Дорога бела.

Неподвластны ему, непокорны
Хлопья белые над головой...
Тополями обижена дворня,
Топорами вонзается в корни,
Пустыри зарастают травой.

Не цветите, родные, не надо!
К небу руки тяните свои...
Тополей молодых колоннада
Вся укутана снегом стоит.

"Не цветите"... Кто это прикажет?
Продолжение жизни в цветущем...
Ну а ствол покачнется и ляжет,
Ну а ствол содрогнется и ляжет,
Уронив семена на лету..

Но недаром то семя летает,
Презирая замах топора,
И опять тополя вырастают,
Снова семя разносят ветра!

Тополя провинились быть может?
Я, ладонь прижимая ко лбу,
Умоляю: О, дай же им, Боже!..
Заклинаю: О, дай же им, Боже,
Среди равных не хуже судьбу...
1976

Грёзы

Кот лениво выгнет спину,
Я в халате цвета беж
Чинно шествую к камину,
То ли в брюках, то ли без...
У огня сижу часами,
Палкой угли ворошу,
Иль с прикрытыми глазами
В кресле так полулежу...
Или дога в сад осенний
Ночью выведу гулять,
Или выйду в воскресенье
Глупых девок "охмурять",
Иль в охотничьей избушке,
Пулей лося одолев,
С шаловливою пастушкой
Жарим дичь на вертеле!
Чтоб, явившись к полуночи
В Дом Любви, к мадам Руже,
Ляпнуть там промежду прочим:
- Ах, спасибо! Я уже...
А потом напиться чаю...
Нет! Шампанского на льду!
Полежу я... Поскучаю...
На работу не пойду!

Зрелость

Если откровенно (по-иному не хочу),
Пелось вдохновенно, да откликнулось печально,
Если недопонял я - то, видимо, чуть-чуть,
А недосказал, так уж наверно, не случайно...

Если пережил сомнений горький перегар,
Если, наконец, сказалось, как хотелось,
Если отличить умею друга от врага, -
Кажется, все это называют зрелость...

Если эта зрелость не звенящая труба,
Если факты жизни откровенно грубы,
Если постоянно получаю по зубам, -
Значит, у меня есть, слава Богу, зубы...

Если голос хриплый, ну а помыслы чисты,
Если зерна слов моих взошли тревогой,
Если вижу, что в обойме меньше холостых, -
Значит, все в порядке... Ну и слава Богу!

Если это так - я не жалею ни о чем,
Если это так - я не смогу иначе...
Просто наша Лета в русле Осени течет...
Листья опадают... Кто ж по листьям плачет?

Желтые аллеи - это ж только до весны!
Падающий лист не провожаю взглядом...
А душа моя - она почти без седины...
И другой судьбы я не хочу, не надо!

Оптимистическая

Ценю этот воздух, листву и кору,
И грубый асфальт, и жука на ладони,
Люблю эти мятые лица в вагоне,
Веселую давку люблю поутру!
Толкаюсь, живу, об костры обжигаюсь,
Смеюсь, задыхаюсь в дыму сигарет,
И крики люблю петухов на заре,
И в хлебную корку зубами вонзаюсь,
Живу каждой клеткою, кредо мое -
Любое движенье: полет, восхождение...
Кончина приходит без предупреждения,
Но жизнь - это жизнь, а не куцый паек!

Она полновесна, не жалкий обмылок...
Живу и надеюсь, дышу глубоко,
И снова люблю широко и легко,
Как будто мне душу дождями омыло!
И все, как рукой, если песня рекой,
Излечит мою и чужую обиду,
Ведь злиться умею я больше дая виду,
Я жгуче люблю, и любить мне легко
Людей, облака, уходящее лето,
И скрежет трамвая, и эхо лавин...
Чуть больше я женщин люблю, чем мужчин,
Но это понятно, и дело не в этом...

А время лихое закрутит - держись!
И болью сожмет, словно тесной одеждой,
Но, брошен пращою Любви и Надежды,
Я камнем врываюсь в лохматую жизнь!
И снова люблю, об костры обжигаюсь,
Смеюсь, задыхаюсь в дыму сигарет,
И крики люблю петухов на заре,
И в хлебную корку зубами вонзаюсь,
Живу каждой клеткою, кредо мое -
Любое движенье: полет, восхождение...
Кончина приходит без предупреждения,
Но жизнь - это жизнь, а не куцый паек!

1967

Баллада о звездах

Когда покаты и чисты
небес лиловые холсты,
Души откроем монастырь...
О, как скрипучи эти двери!
Льет, неподвластная судам,
свет Вифлеемская звезда.
Под ней предательство, вражда...
А как в нее хотелось верить,
Еще до снятия с креста!

Испей глоток свободы, брат!
В крови дворянской белый плат...
Души откроем каземат...
О, как скрипучи эти двери!
Гнила тиранова узда,
но, как на шее борозда
Черна "Полярная звезда"...
А как в нее хотелось верить,
Еще до Страшного суда!

А если жизни грош цена,
в рубцах и рубище спина,
Души откроем арсенал...
О, как скрипучи эти двери!
И, умирая сотни раз,
мы со звездою промеж глаз
Благословляли звездный час...
Ах, как в него хотелось верить
И не извериться хоть раз!

Подслеповатый звездный рой
увлек блистательной игрой,
В ночь телескоп души настрой...
О, как скрипучи эти двери!
Как горек верности обет...
Через мираж двух тысяч лет
Идет звезды погасшей свет...
А как в нее хотелось верить!
Но ни звезды, ни веры нет...

1979

Средь авансов и долгов

Средь авансов и долгов в день и грустный и веселый
Не печите пирогов, не крошите разносолов,
Обратясь к лицу лицом (при параде ли, в халате)
Перекинемся словцом, выше нету благодати.
Нам еще не по годам пить снотворное экрана
И тоску по проводам, искаженную мембраной,
Мы еще не у черты, нам подарены мгновенья:
Безоглядность правоты и к душе прикосновенья!
За нее теперь гуртом, а вчера-то, могикане,
Мы ловили воздух ртом, как рыбешки на кукане,
Мы молились облакам, уходящим к Абакану:
«Дайте силы родникам, помогите, облака, нам!»
Пьет родимая страна, доведенная до точки...
Там - колючая струна, там - дыханье "одиночки";
В кабинетах упыри, а идеи - в саркофаге,
В паутине алтари, а душа ушла в бумаги...
Виноватых пруд пруди, да от этого не легче,
Песню комкают в груди птицы певчей и не певчей.
Обворованы судьбой, среди страшного молчанья,
Тихо тянем вразнобой: "Утоли мои печали"...
Не о том, что, мол, кипит где-то разум возмущенный,
А что злобы не копит "просвещенный возвращенный"...
Сколько ж пылью чердаков непроветренных гордиться?
Не пора ли без оков нашим душам возродиться
Средь авансов и долгов?

1980

"Не сотвори себе кумира..."

Не сотвори себе кумира из огорчения души.
Несовершенностью грешит шитье осеннего мундира.
Печаль и боль обнажены,
А утешенью нет цены...

С листа сыграет ветер Листа, как обезумевший скрипач...
Спешим по ниточкам удач и камешкам избитых истин,
Храня волнение и страсть,
Не дай им, Господи, пропасть!

Пока метели не созрели, пока хандрой мы не больны,
Пока еще не холодны ни поцелуи, ни постели,
И мы щедры еще пока –
Поклажа возраста легка...

Не сотвори себе кумира из огорчения души.
Несовершенностью грешит шитье осеннего мундира.
Печаль и боль обнажены,
А утешенью нет цены...

21 июня 1941

Еще грызем на лавочках
Подсолнухов плоды,
На фортепьянных палочках
Чернильные следы,
И не кружится сажица,
И дышится легко,
А главное, что кажется:
До смерти далеко...
Еще не слышно грохота,
Живет спокойно Брест,
Еще дрожит от хохота
Кинотеатр "Прогресс",
И небо не расколото,
И в мире тишина...
Лишь завтра скажет Молотов:
Война...
Еще не грязь осенняя
И жив мой старший брат,
Еще без затемнения
Москва и Ленинград,
И "зареве закатное" -
Красивые слова,
И девочка блокадная
Пока еще жива.
И в наших играх немцами
Не названы враги,
Еще в печах Освенцима
Лишь хлеб да пироги...
От Кушки и до Диксона
Такая тишина!
И песня не написана
"Священная война"...
Еще в умах не вяжется
Бессилие полков,
И кажется, всё кажется
До смерти далеко...
И зеленеют кронами
Каштаны у Днепра,
И почта похоронные
Еще не разнесла,
Еще бинты все белые,
Покою полон дом...
Но ничего не сделаешь
Чтоб не было ПОТОМ...

1978

Памяти поэта

А.А. Галичу

Чужая даль не стала ближе,
Вблизи чужей она вдвойне...
О, эти лондоны-парижи,
Где наши беды не в цене!
Куда ни кинь: по-волчьи с волком!
Ах, до свиданья, до свида...
Ушел как будто ненадолго,
Да оказалось - навсегда...
А там они глухи и немые:
Пивные, улицы, быстро...
Им чужды наших песен темы -
Не тот фасад, не то нутро...
Душа в толпе - в стогу иголка,
Беда изгоя - не беда!
Ушел как будто ненадолго,
Да оказалось - навсегда...
Длинна рука преступной воли,
Горька навязанная роль,
А что один не воин в поле -
Смолчавший, радуйся, изволь!
Всплеснуть руками - много ль толку?
Вся боль до Страшного суда!
Ушел как будто ненадолго,
А оказалось...

Декабрь 1977 - январь 1978 гг.

Другу

Как ты живешь, мой бывший друг,
Который больше мне не друг?
Переходя из лета в осень,
Мы меньше сеем, больше косим,
И тем друзей сужаем круг!

Как ты живешь, мой старый друг,
Ужели без сердечных мук?
Ты мне не враг, на том спасибо,
Мост из ошибок хил и зыбок,
И тем друзей сужает круг...

Как ты живешь, мой лучший друг?
И кто кому не ко двору?
Ты мне никто... Как это просто!
Твой дом не крепость, это остров!
И тем друзей сужает круг!

Как ты живешь, мой бывший друг,
Который больше мне не друг?
Переходя из лета в осень,
Мы меньше сеем, больше косим,
И тем друзей сужаем круг!

...И ОТЗОВЕТСЯ ЭХО

Ю. Визбору

И был закат неярк,
А женщина добра,
Вода - и та из рук ее послаще...
К чему тогда подарок
Апостола Петра -
Небес врата, распахнутые настежь?
Он не решен, таланта
Волшебный интеграл,
Шагреновый клочок на божьих пальцах...
Играйте, дилетанты,
Полуночный хорал,
Пока смычок не выпадет из пальцев.
Невиданная роскошь
По нашим временам
Себя дарить бездумно и беспечно.
Пока куется грошик -
Истлеют письма, мена,
А до зари и путь истает Млечный!
Плач скрипок недалече,
Да стали мы глухи,
Даруй, Господь, утерянное внове!
Пускай сольются речи,
И песни, и стихи.
Среди тревог, предательства и крови.
И отзовется эхо,
А женщина вздохнет,
Бесценному глупец назначит цену,
И на земле прореха
Травую прорастет,
Но это не конец и не измена!
С усердием предтечи
За обод не лови,
Дней колесо несется, дальше - пуще!
Да будут полны встречи
Приязни и любви,
И голосов ушедших и живущих...

Разбито иллюзий корыто...

Разбито иллюзий корыто.
В лопатке - обиды копьё.
Я к людям с душою открытой -
Они же гвоздями в нее.
Я к людям по утренним росам,
Не видя заборов и стен...
Они же, подобно Христу,
Распяли меня на кресте...
И нет неутешных любимых
У кровью забрызганных ног.
Все мимо, все мимо и мимо...
Все мимо, а кто же со мной?
Закатом умыта дорога,
Очнулись цветы на лугу...
Ну снимут... Ну сделают богом...
Но богом я быть не смогу!
Я не всепрощающий идол
За пламенем желтым свечи.
Я, болью растерзанный, видел
Того, кто прошел и молчит!
Снимайте! Не бойтесь отмщенья.
Я трижды сквозь это прошел...
К другому уйду поколенью
И снова с открытой душой!

1967

Лето убегает

Голоса глухи, они примета:
Полоса стихии трафарета.
Блеф не убеждает, мы надеждою полны!
Только урожаем на потери
Тонко выражаем недоверье...
Лето убегает, не прощаясь, из страны.

Боли головы - невинный фактор -
То ли горе выдохнул реактор,
То ли забивают кол на Красной, у стены.
Слава миражам, чинам - Бастилья!
Над сынами ржавчина насилья...
Лето убегает, не прощаясь, из страны!

Задарма стезя! Прошу покорно,
Но дурманит запах хлороформа...
Где то вальс сыграли недалекой старины...
Если ты и я уроним руки,
Ветры на своя вернутся круги...
Лето убегает, не прощаясь, из страны...

Июль 1988

Янайцы*

Не стоит заламывать пальцы...
В России с недавних давен
Живут поживают янайцы,
Одно и паршивых племен.
И внешне янайцы как люди,
Не хуже еврейцев, поди!
Они и партейцы и судьи,
Но, главное, наши вожди.

Как особи, держаться кучей.
Питаются из закровов.
Но мучит изжога и путчит
Властителей наших умов.
Упрямством берут, не упорством,
ИсПугом, а сила не в нем...
ЯзОвительностью, КрючкоВтворством,
Указом, броней и огнем...

Зазнались однажды янайцы,
И вышел конфуз, а затем
В дверях прищемили им пальцы,
Да только беда, что не всем.
В них барство, в них панство, в них байство,
Хоть громом рази их с небес...
Янайцы взрастили янайство
В питомниках ка пэ эс эс.

На почве, удобренной нами,
Делами, телами, мозгой,
Янайцы паслись табунами
И нынче с мошною тугой.
Они за границей - китайцы,
Кубинцы, а мы - фраера...
И ходят, и ходят меж нами янайцы
Огромных армад фюрера.

Живут они в книжках нетленных
У памяти нашей в чести.
Они в хромосомах и в генах, -
Не вывести, не извести.
Хожу по вагонам, граждане,
Болтаюсь, подобно щепе...
Подайте же на содержанье
Под стражею Гэ Ка Че Пе!

19-23 августа 1991 года

* Главе путча 1991 года Г. Янаеву с неуважением посвящает автор.

ИГРАЙТЕ ТИХО, ФЛЕЙТЫ

Булату Окуджаве

Моё сердце горюет и сетует.
Моя память от боли седа...
А Поэт себе с Богом беседует,
Впрочем, он это делал всегда.
Голос тихий по-прежнему слышен нам.
Города, океанов слюда, -
Всё внизу... А они о возвышенном!
Впрочем, он это делал всегда.
Весь распахнут с Любовью и Ревностью,
Вечной книги листает года,
Поражая своей откровенностью,
Впрочем, он это делал всегда.
Чтоб сегодня знакомою улицей,
Там, где новой беды невода,
С Александром Сергеичем прогуливается...
Впрочем, он это делал всегда...
Средь великих... Им руки не тискают...
А душа и светла, и горда,
Всё поёт, не юлит, не заискивает,
Впрочем, он это делал всегда...
Юный Моцарт со скрипочкой старую
Рядом с ним улыбнётся с небес...
А гитара... Да Бог с ней с гитарою...
Он Поэт и с гитарой и без...

Крылья клеенные воском

Снова черная полоска
Нацарапана судьбой...
Крылья, клеенные воском,
Не удержат нас с тобой.
Да и сколько может длиться
Обескрыленный полёт?
Ах, как хочется разбиться,
Только городость не даёт...
Сила тяжести не шутит,
Пропадаем ни за грош!
Тлеет страсти парашютик,
И костей не соберёшь...
Ты, измученная бытом,
Я - тобой, и не спасти.
Ты летишь на нераскрытом,
Я - на тлеющем. Прости...
Всё смешается...О, Боже!
Состраданье и позор.
Но вмешается, быть может,
Полоумный режиссер.
Запасной раскроет купол
В тот решительный момент!
Нарру end - совсем не глупо,
Дай нам, Боже, Нарру end...

Натурщица

Кораблик наш причалил к тихой пристани.
Любовь уходит, так ведётся исстари...
И рано или поздно болью выстрелит,
Привычкой её не заменить.
В черты твои я, вглядываясь пристально,
Любимую выискивал неистово...
Расстались мы, метелями освистаны,
Приличие пытаюсь сохранить...
Скрипели доски старые причальные
И в память о былом, не от отчаянья,
Дарил я розы алые и чайные,
Любовь реанимируя свою.
Банальны и пусты слова прощальные,
Стоят чисты постели нелегальные,
Шампанское и скатерти крахмальные
Не трону, не спою, не разоплю...
Не долго был я гением и праздником,
Как просто оказаться быта узником!
Когда холсты пылятся по запасникам,
Не тянет живописца на плэнэр...
Модель недорисованная "классиком",
Позирует, возможно, одноклассникам,
То ль страстотерпцам, то ли сладострастникам,
Но небосвод по-будничному сер...
Кораблик наш причалил, сходни брошены...
Разлукою мы, нет! не огорошены,
Обидные слова и те изношены...
Вези меня, телега бытия!
За рамой жизни судьбы перекошены,
Погашены, до срока уकोшены,
Пылятся оправдания неспрошены,
Размытая двоится колея.

Небезгрешно, дружище, желанье запретного плода.
Ни черешня, ни вишня - любовь утоляет печаль...
Непогода... а осень опять не с парадного входа,
И убор её пышный, увы, не надолго...А жаль...
Лето стало вдовою и осень от горя ослепла,
Лист наградой златою, случайным прохожим медаль...
Что ему человек с головою припудренной пеплом!
Незаметны герои, так было и будет...А жаль!
Вот суровая прачка-зима...Да воздастся по чину,
Люду, злаку и овощу не фимиамы курия...
Но Хозяйка-Судьба для печали отыщет причину...
А пора листопада закружит, завьюжит...А зря!
На пороге зимы потеряться - минутное дело!
От сумы да тюрьмы, от бесцельной дороги паси...
Это, Господи, мы: ум-за- разум да брэнное тело,
В царстве Света и Тьмы, подскажи, помоги, пронеси...

Это будет не завтра...

Это будет не завтра дружок,
Мы закончим пробег марафонский,
И затихнет вдали топот конский,
Пропоёт свою песню рожок.
Наши ноги лизнёт океан,
Призывая привыкнуть к раздолью,
Жаль, что раны, омытые солью,
Говорят о наличии ран.
Пробил час костерок разложить,
Календарь, и часы, и газеты,-
Всё в него, что бы значило это:
Просто некуда больше спешить.
И в тяжелых бокалах вино
Будет плавно, как лодка качаться,
И не будут мгновения мчаться,
Впрочем, это уже всё равно!
Мы друг другу грехи отпускать
Будем, главы склоняя седые.
Позабыв, что мы не молодые,
Нас любимые будут ласкать...
Это всё мы получим потом:
Океан, и вино, и подругу...
А пока мы несёмся по кругу,
С разукрашенным пеною ртом.
Дай нам, Господи, силы терпеть
И тянуть нашу лямку с улыбкой,
Эту жизнь не считая ошибкой,
Пусть не всю, а хотя бы на треть!
На бегу успевая свершить
Всё... Что ж станет когда-то наградой?
Память сердца... цветы за оградой...
Но до этого надо дожить!

Возраст такой

Инструменты потом,
Наши души сначала настроим...
В унисон, а не то,
По старинке, по верной струне
... Вот и муза в твой дом
Заглянула женой ли, сестрою,
И дохнуло теплом,
И аккорд прозвучал в тишине.
Всё бежим да спешим,
Не до песен, день узок, день тесен...
Нынче - сбыт за гроши,
У вчерашнего - слёзы блестят...
Коль в игре согрешим -
Извинят почитатели песен,
Но фальшивость души
Ни тебе, и ни мне не простят...
Видит Бог, как и я,
Существуешь не хлебом единым
Пусть земля не твоя,
Но по сути - она-то одна...
Дочки и сыновья
В заблужденьях страны не повинны,
Где из грязи в князья-
Там богатству иная цена
Ну, давай, дорогой,
Подыграй не спеша «под сурдинку»...
И строка за строкой
Песня двинется, нам непервой...
Не печалься, стой!
Ведь полтинник - всего серединка,
Это возраст такой...
Он не худший, клянусь головой!

Юбилейная

Пересыхающий ручей
Страстей растраченных безбожно,
День из досадных мелочей,
Тень оплывающих свечей,
И то, чего вернуть не можно...
Пороховницы не пусты,
Но проверяются всё реже,
Горят последние мосты,
Страницы свежие чисты,
Лицо беззлобно время режет...
Нет тех, кто стал травой давно,
Листвою, дымом, облаками...

Привыкнуть к старости - смешно,
Что суждено - совершено,
Мой мальчик, этими руками...
Мой соплеменник, мой собрат,
Там внутривенно и подкожно,
О, непреложный постулат!
Любовей ложный аромат
И то, чего вернуть не можно...
Там счастья дни наперечёт,
И оттого ещё прекрасней!
Ещё куда-то нас влечёт,
Уже по пальцам воск течёт,
Огонь не гаснет...

Храните, милые!

Валерию К.

Звенят наполненные кубки,
Уже обиды прощены...
Но отношенья слишком хрупки,
Как тетива напряжены.
Тонки связующие нити,
Амбиций ветер лют и дюж.
Храните, милые, храните,
Легкоранимость наших душ.

Бог даст, заботой окружены
Придут грядущие года.
Что мы, увы, несовершенны,
Пугает мысль иногда.
Не вечно солнцу быть в зените
Во времена обвальных стуж...
Храните, милые, храните,
Незащищенность наших душ.

Пока законы чести святы
Для пира сдвинуты столы,
Пока скругляют наши даты
Сомнений острые углы
И вязь имён не на граните,
Я Вам кричу, ещё кому ж?
Храните, милые, храните,
Неповторимость наших душ.

Камень августа

Моей жене

Драгоценный камень августа:
Золотистый бережок...
Ты носи его, пожалуйста,
Пусть тебя он бережёт.

Вытесняя страхи липкие,
Отгоняя сон плохой,
Растворяя тени зыбкие
В час полуночный глухой.

Золотистый камень-капелька,
Вкус «антоновки» и цвет,
Детства давнишнего яблоко,-
Ничего в нём вроде нет.

Всё что внешне – то вторичное,
Об ином я говорю:
Чудо – дело очень личное,
Я тебе его дарю.

Золотистый камень августа
Без проставленной цены,
А в него легко и запросто
Наши жизни вкраплены.

И от августа до августа
Пальцем тронув невзначай,
Ты носи его и радуйся,
И меня не огорчай.

10 августа 2000 года

Жизнь всегда надеждами беременна.
Понимая истину сию,
Мне легко и трудно одновременно
Вам дарить признательность свою.

Чувствуя и кожей и подкоркою,
Доверяюсь слову и делам,
Делящих со мной минуту горькую,
Словно хлеб последний пополам...

Жить бы да плоды фантазий пестовать,
Собирать советников в Фили...
Это Время как-то соответствовать
Лучшему, что Вы во мне нашли.

Нет, не рядовому, всепогодному,
А тому, что с тайною «на ты»...
И сродни приходу новогоднему,
Празднику невидимой черты.

По дороге на работу и обратно

Неволи пуще нет охоты...
К себе бесжалостно жесток,
Сквозь дебри сладостной дремоты,
Семь светофоров до работы,
Через мосток и на Восток.

Там лес – подобие сюрприза ,
Цветное влажное тряпье,
Давно готовый для стриптиза.
Там осень примеряет ризу,
Одежду рваную её.

Печально полнится тетрадка,
Пока огарок не погас,
Пока ни валко и ни шатко
Бредёт рабочая лошадка
С немодным именем Пегас.

Поднимет ветер листьев стаю,
Одну из самых грустных стай...
В поре сединной обитая,
Я тоже тихо облетаю,
Но ты, мой друг, не облетай!

Пускай витает запах стужи,
Вползая в щель из-под двери,
И впору плакать обнаружив
Что облетаем ни снаружи,
А почему-то изнутри.

И там, на этом поле брани,
Уже лютуют холода.
Любви сияющие грани
Видны сегодня, как в тумане,
А завтра сгинут навсегда...

Надежда, Вера и форпосты
Добра... Забытая латынь!
Мы отрекаемся так просто
От почитания погоста
И от языческих святынь.

Не нам сомнения Пилата:
Чужой распятый или свой!
Беспечны, как Москвы палата,
Там, где пристанище Булата
Занесено сухой листвой...

Если косы дождей

Если косы дождей целый век расплетает и вертит
Над промокшей землею озябшее небо давно,
Приходите ко мне, пойте добрые песни и верьте:
Есть Любовь и Надежда, а третьего нам не дано.
И не страшно знакомые стены надолго оставить,
Если рядом друзья, где мы будем, не все ли равно!
Наши души надежными, прочными свяжем мостами,
Из Любви и Доверья, а третьего нам не дано.
Ну, а если - на нашей планете все может случиться -
От огня и от дыма сердцам горячо и темно...
Только раз умирать, лишь бы жили деревья и птицы,
Есть Любовь и Свобода, а третьего нам не дано.
Если косы дождей целый век расплетает и вертит,
Над промокшей землею озябшее небо давно,
Приходите ко мне, пойте добрые песни и верьте:
Есть Любовь и Надежда, а третьего нам не дано.

1975

Еще не кончен бал

Вот жизненный запас: шагреновая кожа,
Огарок восковой оплавленной свечи...
Не стоит унывать, у глаз морщины множа,
Еще не кончен бал, и музыка звучит...
Пока толкают нас любовные томленья
И мучает вопрос: мы счастливы иль нет?
Горит в огне души минутное сомненье...
Еще не кончен бал, и не погашен свет.
Пусть времени резец скользит по нашим лицам,
Мы в царствии теней не числимся пока.
Хоть искорка одна живая сохранится,
Еще не кончен бал, и осень далека!

Шансонье

Жоржу Брассансу

Окончился сеанс. Как время пробежало...
Мне песни пел Брассанс, французский Окуджава.

Мсье Жорж, поставьте пальцы на лады,
Над Вашей старой трубкой тает дым,
Струна звенит светло и серебристо...
Мсье Жорж, поставьте пальцы на лады,
Над Вашей старой трубкой тает дым
И песенка веселого флейтиста.

Ах, чем же нам сродни страдания чужие?
Мгновения и дни мы вместе пережили...

Мсье Жорж, чужого горя в мире нет,
Над Вашей старой трубкой дымный след,
Слова звучат естественно и чисто...
Мсье Жорж, чужого горя в мире нет,
Над Вашей старой трубкой дымный след
И песенка веселого флейтиста.

О, мсье, на кой Вам ляд казалось бы, все это?
Да, видно, о-ля-ля! Поэты есть поэты!

Мсье Жорж, над старой трубкой облака
Растают, как барьеры языка,
Звук под ладонью теплой и бугристой...
Мсье Жорж, чужого горя в мире нет,
Над Вашей старой трубкой дымный след
И песенка веселого флейтиста!

Пиаф

Судьба ее и дом,
И ствол ее и корни
Среди седых камней,
Где смертью смерть поправ,
Полвека горький ком
В своем катает горле
Парижский воробей
По имени Пиаф!
О, сколько нужно сил,
Чтоб пережить бессилье!
Пока горит свеча,
О, бог ее, Шансон,
Коль дал уж, так спаси
Ее большие крылья
На худеньких плечах
Moiaenu parisien!
Так было! Возлюбя,
Голодные, босые,
Все, кто не без сердец,
Добро в щепоть собрав,
Молились на тебя,
Парижская мессия,
Воробышек, птенец
По имени Пиаф!

Только музыка

Разленились городские голуби:
Все им носят зернышки в горсти...
Голубятники, отчаянные головы,
Нынче не особенно в чести...
Наши озабоченные женщины
Стали озабоченней вдвойне,
Полубоги венценосные развенчаны, -
Только музыка в цене!
Без природы музыка стреножена:
Ей бы лес и поле в колосках,
Чтобы сердце, птичьим гамом растревожено,
Отозвалось грохотом в висках...
Сосны оянтаренные кренятся,
Беды остаются в стороне,
Знаю: здесь любые деньги обесценятся, -
Только музыка в цене!
Жизнь, ты удивительно убогая,
Если нету песни за душой...
Муза с музыкой идут одной дорожкой,
Двигают кистью и карандашом...
Гонит ветер горькие сомнения,
Словно дым по выжженной стерне, -
Но придет и тихо скажет вдохновение:
Только музыка в цене...

Когда ты маленькой была...

Когда ты маленькой была,
В садах черёмуха цвела
И путь казался бесконечным...
Он ночью становился Млечным,
Когда ты маленькой была...
Когда ты маленькой была,
Друзья теснились у стола,
“Иных уж нет, а те далече”...
А вечер был ещё не вечер,
Когда ты маленькой была.
Когда ты маленькой была,
Нас речка светлая несла.
Тогда в одной мы лодке плыли...
И души наши не делили,
Когда ты маленькой была!
Когда ты маленькой была,
Мы не держали в доме зла,
Тебе иной желая доли,
А я не знал сердечной боли,
Когда ты маленькой была...
Когда ты маленькой была,
Пятак ложился на “орла”
И маслом вниз кусок не падал...
Нам так немного было надо,
Когда ты маленькой была...
Когда ты маленькой была...

Мое взрослое дитя

Крутит жизни шестеренка
Обе стрелки на часах.
Снова тонко у ребенка,
Вся в обидах и слезах.
То срастется, то порвется,
Болью век укоротя...
Что-то нам с тобой нейдет,
Мое взрослое дитя.

Снова корочкой лимона
Огорчит Фортуна нас...
Жаль, игра в Пигмалиона
У тебя не удалась.
Что поделаешь, не мрамор
Человеческая суть.
Я то думал: будет рама,
А картину как-нибудь!

И живем, себя измерив
От Сенеки до "Му-му",
Я в тебя, как прежде, верю,
Даже страшно самому!
В гордость верю и в удачу,
И, над буднями взлетя,
Верю, будет все иначе,
Мое взрослое дитя...

И листочкам и кореньям
Я надежду посулю.
Ты в сомненьях? Без сомненья
Я люблю тебя, люблю...
Даже став звездой падучей,
Из последних сил света,
Я тебе пошлю свой лучик,
Мое взрослое дитя...

Май 1994

«...на круги своя»

Миг у времени взаимны
Ни за грош и ни за тыщи
Не вернуть, считали оба,
Разомкнув объятий круг...
Просчитались видно мы ...
Вот стоим на пепелище,
Но ещё дымится обувь
От касанья тел и рук.

Разве в битве за покой
Боль была не настоящей?
Той разлуки горькой клетка –
Золотой металлом?
Мы глотаем дым с тобой,
Тот, который мёда слаще...
Жалко, падает монетка
Решкой чаще, чем орлом.

Страсти голос урезонь...
Час былому в Лету кануть,
Коль под этой нежной кожей
До сих пор таится боль.
А подпепельный огонь
Может просто сердца память?
Время судит много строже
Недоигранную роль.

Время судит... Но азарт
В продолженьи лицедейства.
Сбросив прочь камзол дырявый,
Тронув кружев бахрому,
Сокрушается Моцарт,
Будто Гений и Злодейство
Несовместны... Боже Правый!
Но мне верится ему..

Оркестр

Играйте тихо, флейты,
Кларнеты и гобои,
Не надо шумной меди,
Не надо гулких кож...
Печалиться умеете,
Болезнь чужою болью -
Прекраснее на свете
Призвания не найдешь.

Волшебник-капельмейстер
Светло и вдохновенно
Плетет руками сети
Прозрачные, как дождь,
И все невзгоды вместе
Погибнут в них, наверно, -
Прекраснее на свете
Призвания не найдешь...

Глухи в груди органа
Осенние рыдания,
Похожие на ветер,
Вгоняют души в дрожь,
Но дарит эта гамма
Любовь и состраданье -
Прекраснее на свете
Призвания не найдешь!

Неточке

Сосны-ели скрипели
У огня в темноте...
Я еще с колыбели
Помню песенки те.

Фортепианная кара
Тяжела, не мила!
Ох, и долго мне гитара
Не по росту была...

Дома брошенный гарбидж -
Подо мною страна,
Та, где ждет меня Барби
(И не только она).

Прилетели и сели,
Проколов облака...
Ох, и долго мы не пели
Песни нашего полка...

Полосатому флагу
Утром школа моя
Повторяет присягу,
Вместе с нею - и я.

Мне с гитарой не скучно
По знакомым следам,
Если пальцы послушно
Побегут по ладам.

1994

Прощанье с летом

Горячей и черной картошкой печеной согрей ладошки.
Мы, с летом прощаясь, в огонь затухающий дров подбросим.
Зима опрокинет на ветви нагие снегов лукошко,
Наверно, лишь завтра, сегодня ж хозяйка - осень...

До первого снега поладим мы с нею, до первой вьюги.
И птицы поспеют рябины спелой отведать россыпь.
И горечь рябины, как горечь обиды, на дальнем юге
Тоской их наполнит и нашу напомним осень...

Как тесно сидим мы, дыханьем единым наполнив песни!
Они не молитвы, но ими налиты сердец колосья.
Все тяготы буден - что было, что будет - делить бы вместе.
Но смолкла гитара, лишь облачко пара... Осень...

Горячей и черной картошкой печеной согрей ладошки.
Мы, с летом прощаясь, в огонь затухающий дров подбросим.
Зима опрокинет на ветви нагие снегов лукошко,
Наверно, лишь завтра, сегодня ж хозяйка - осень.

1975

Молитва

Пылится в музеях иконная вера.
А что же взамен, если пусто внутри?
Лишь трезвая память, как высшая мера:
Чужому чужое, увы, не болит...

Мне видится тайна в пустующем небе,
Пусть боль неудачи видна наперед,
Молю о спасеньи, как просят о хлебе:
О, Господи, дай мне... А он не дает...

Раздавлен тоскою, обманут любовью,
Отринут, отвергнут, осмеянный всласть...
Трава мне постель, бугорок - изголовье,
О, где ж ты, Всевышний, не дай мне пропасть!

Душа утомилась... Дошла до предела...
Молитвенным бредом себя излечу.
Сломаю в коленях упрямое тело...
И вою, и плачу, хриплю и кричу:

Мне видится тайна в пустующем небе,
Пусть боль неудачи видна наперед,
Молю о спасеньи, как просят о хлебе:
О, Господи, дай мне... А он не дает...

1982

Седые угли у пруда...

Седые угли у пруда,
С миндальным запахом вода,
Цыган случайный табор...
И черви-kozyри осин
Переплывают неба синь
Из августа в сентябрь...
Лучей неярких дозы мы
Подарки делим, до зимы
Не сетуя о лете...
Считаем: осень далека!
Теряем горькое "пока",
Обманываясь этим...
Шинельным вздыбится сукном
За свежесмытым окном
Пейзаж на листьях павших...
В мытарстве временных утех
Нам до смешного мало тех,
Ни разу не предавших!
Полны любви еще вчера,
Вдали качнулись кивера,
Распахнуты ворота...
И горький тянется обоз,
И месяц падающих звезд
Исчез за поворотом.
По темно-синим рекам жил
Гоняет сердце миражи, -
Спасенье от напасти,
От мглы расхлябанных дорог,
От вечных дум, спаси нас Бог,
В осеннее ненастье!
Пока связующую нить
Нам удастся сохранить
И песенка не спета,
И манит жизни кутерьма, -
Что осень! Это ж не зима...
Но, все-таки, не лето...

31 августа 1985

Элегия

Отмыли креолки причину успеха -
Непрочную охру загара,
Дожди пеленою и проще уехать
На пляжи, пропахшие йодом.
И долго без толку метаться, как эхо,
Под флером хмельного угара,
Где пулей шальной пробита прореха
На сером плаще непогоды...

Опальные кроны сжигают короны,
пыльное золото кружев
Печально природа на землю уронит,
Прощально коснувшись перстами...
Малиновым звоном над миром бездонным
Осенняя музыка кружит,
И дату ухода под вечности полог
Ни писарь, ни Бог не проставил...
А листья, как люди, боятся ухода,
Их времени ветер срывает...
И люди, как листья, - они в непогоду
Теснятся и жмутся друг к другу...
Эоловы лютни поют о свободе,
Которая только пугает,
Насилье, ненастье и долгие годы,
Как ливни, размыли дороги...
Забиться под крышу? Укрыться зонтами?
Забиться до светлого часа?
Иль яхтою белой навстречу цунами
Разламывать волны большие?
Не ливни погасят решимости пламень,
Не быт, не мундир и не ряса...
Все то, что не сделали силою с нами,
То тихое время свершило...

Камыши

Дней прошедших листья вороши,
Пряной прелой прелестью пьянея,
Что я вспоминаю? Камыши...
Воду, лодку легкую над нею...

Камыши лениво, неспеша,
О своем бормочут и судачат.
И о чем поют они и плачут,
Бархатные стрелы камыша?

Я хочу дождаться и дожить,
Отложить дела, с водою первой
Вновь уткнуться лодкой в камыши,
Как в плечо надежды или веры...

Город засыпает в этажах,
Дребезжат последние трамваи,
Заполняйте памяти провалы,
Ласковые песни камыша!

Ценит человек по камню шаг,
И вершины холода и зноя,
Но когда душа болит и ноет,
Слышит тихий голос камыша...

Слышит только шепот камыша...

1973

Удача

Прорехи дней латая, лет бурных череда
За прошлое звала меня к расплате,
Прощеньем молодая, горячая звезда
Мне душу отогрела на закате.
Нет, я не избалован явленьями ея,
За то и перепала милость эта,
Тобой татуирован, удача бытия,
Отчаянно-случайная комета.
Бренчат оружием будни, а толку-то в мечтах!
Все хрупко, неудобно, а с тобою
И ангельские лютни, и песни при свечах,
И юности звезда на голову...
Печать на листьях прелых оленьего следа,
А холода - иных забот примета...
Пылает ошалело закатная звезда -
Осколок удивительного лета.

1990

Длинная ночь

Всю ночь мелькание теней,
От фар на стенах след нечеткий...
Я дней перебираю четки,
А ночь от этого длиней.
И снег за окнами валит,
Обиды старые бинтует...
А память, как она бунтует!
А память, как она болит!

И что прошло - не изменить,
И пережить нельзя иначе.
Не станет проигрыш - удачей,
А во вчера - не позвонить!
Но можно сопереживать
И тем уменьшить боль потери,
И за гнилой холстиной двери
Ключом заветным открывать.

И даже смерть тогда не все!
А ночь - лишь только до рассвета...
И как прозренья мысль эта
В себе спокойствие несет.
Чеканит время имена,
Свои орлы, свои решетки,
Я дней перебираю четки,
А снег идет, а ночь длинна...
Всю ночь мелькание теней...

Две души

Посвящается И.

Две души, летая по свету,
На один легли порог,
На такую щедрость, Господи,
Я надеяться не мог!
Не судьба глядела в щелочку,
Ангел целился не в бровь...
Я не мальчик, ты - не девочка,
Так откуда вдруг любовь?
Море жизни зло и весело
Бьет соленой-слюдяной,
Мне тебя в объятия бросило
Этой терпкою волной.
Плыл навстречу жарким облаком
Губ агатовый цветок...
Тело пахло спелым яблоком,
Плавно падал потолок...
Без вина меня пьянящая
Нежной жилочкой у лба,
Разве часто настоящие
Чувства дарит нам судьба?
Адской плоти наваждение,
Ты светила, мне даря,
Наши встречи - во спасение!
Так мы думали... А зря...
У любви изнанка грустная, -
Это знали ты и я,
Оттого-то видно хрустнула
Наша углая ладья.
Клетка сгубит, но не до смерти...
Птицу сгубит птицелов....
А тебе спасибо, Господи!
За последнюю любовь...

1994

Романс прощения

Я стою возле скромной обители,
Где так редко друг друга мы видели...
Почему Вы меня так обидели?
Для прощанья объяття пусты...
Горькой влагой наполнив омуты,
Вы однажды ушли не из комнаты,
А из жизни моей перекомканой,
За собою сжигая мосты.

День меня заслонит, вечер искоренит
В разговорах банальных, неискренних.
Ночь вернет, расколов отчужденья гранит,
Вас ко мне до рассветной звезды...
Там бывшее едва обозначится,
Загорюется Вам и заплачется,
И обратно вернуться захочется,
Но горят за спиною мосты...

Я брожу возле скромной обители,
Где бывали и мы - небожители...
Вы себя у меня похитили,
Ворот узок и стены тесны!
Не понять, не простить, не вычеркнуть,
Из души не стереть и не вычерпать!
Только выстоять бы, только вытерпеть...
Впрочем, Вы мной уже прощены...
.....
Впрочем, Вы мной давно прощены!

1994

Благословил сентябрь выстрел

Благословил сентябрь выстрел и...
Сезон охотничий открыт.
Печально с птицами и листьями
Душа над миром воспарит.
Не отпускай ее, хорошая,
На дальний берег ледяной,
Как наше крохотное прошлое,
Погасло лето за спиной.

О, сердца бедное суденышко,
Печали налито свинцом!
Я отдаюсь тебе до доньшка
И все же выгляжу скупцом.
Пробит навывлет этой мукою,
За что - не помню, но прости...
Запахли лестницы разлукою,
Которой не перенести.

Не дай нам, Боже, образумиться
И поискать судьбы иной,
Все потихоньку образуется
С тобой, родная, и со мной...
Мы Новый свет откроем заново,
Такие выберем края,
Где ни тропы, ни следа санного,
А только ты и только я!

1994

В который раз

"Распалась связь времён..."
В. Шекспир

В который раз: ... "Распалась связь времен"!
Переходя в иное измеренье,
Менялось подозренье на прозренье,
Был новый день вчерашним опален.
Обмана черно-белый мотылек
Мне сел на грудь, вращая карим глазом,
И проклял я тебя, теряя разум,
И слов прощенья отыскать не смог...

Живу пока, но липкая тоска
Терзает изнутри и жжет, и гложет...
Я памятью скольжу по нежной коже,
По нерву от соска и до виска!
Качают семибальные шторма
И ломом ударяются о днище
Моей любви... Холодный ветер свищет...
О, прошлое, сводящее с ума!

Ни звука: ни прости и ни прощай!
Как будто совершен побег из плена...
Лишь запах серы, серости и тлена,
Грядущей безнадежности печаль.
Я отлучен, и тела не неволь,
Но уйду не весь, меня частица
В тебе живет, таится и теснится
В ресницах закипающая боль.

1995

Отпусти меня, любовь!

Ты ждала меня в полдень и полночью,
Ты звала меня ночью и днем...
Мне загнать коня - не горе, мой Солнечный,
Мне обнять тебя - и Бог с ним, с конем!
До тебя пол-сотни верст - не окраина,
Силы по ветру - и то не беда...
А беда, что не моя, что украдена,
Хороша дорога, да в никуда!
Хороша душа пока не изношена,
А сломается - крести не крести...
Отпусти меня, любовь, по-хорошему...
Отпусти меня, любовь, отпусти!
Да простятся мне грехи до заклания,
Напевай мои стихи, напевай,
Мы невольники стихии желания,
Дни летучи, дни лихи - поспевай!
Зазнобило, занесло от усталости,
Машет по ветру весло, воду бьет!
А любовь не ремесло, в этой малости
И упрятаны все тайны ее!
Я во рту катаю слово-горошину,
И неловкое роняю: прости!
Отпусти меня, любовь, по-хорошему,
Отпусти меня, любовь, отпусти!
.....
Отпусти меня, любовь, слово брошено!
Распусти, моя любовь, невода...
Я прошу тебя, любовь, по-хорошему:
Отпускать меня не смей никогда!

Мы не те...

А любовь покидала не вдруг:
За оградой осеннего сада
Оставалось тепло ее рук,
На сорочке губная помада...
Подозрений долбит долото,
Мир сужается ушком игольным.
Кем я был? Стал никем, стал никто,
Но от сладкого бремени вольным!

Припев:

На дыбы поднимают коней
Марша звуки - разлуки предтеча.
Говорят, чем дорога длинней,
Тем желанней короткая встреча...
Но в обманно-пустой темноте
Все банально-печально-туманно.
Я не тот, ты не та, мы не те...
И вообще, из другого романа.

Свет зеленый в окне - он не мне,
Эти тени сомнений - оплата
За часы собиранья камней
Из текущего на пол агата.
Сквозняками захлопнута дверь,
На пол гулко летит штукатурка!
Ни проклятьям, ни клятвам не верь!
Дом сгорел, а пожар от окурка...

Припев.

Мы и лад потеряли и клад,
Но, виват, эти тыщи не ищем.
Был вчера я безмерно богат,
А сегодня завидую нищим.
Не пятак укатился, звеня...
Так любимых терять - несерьезно!
Ведь тебе нехватает меня,
Мне - тебя, но печалиться поздно!

Припев.

Форос

Дружище, ты помнишь тот самый апрель?
Травую асфальт пророс,
Мы были моложе, мы были добрей,
Приютом нам был Форос.
Там держит обрыв валуны на весу,
Суровые камни и пляжей нет,
Там белой рукою маяк на мысу
Холодное море разглаживает.
А берег скалистый прекрасен и дик,
И сладок костерный дым...
Мы искренне верили: все впереди, -
Так верится молодым.
Там держит обрыв валуны на весу,
Суровые камни и пляжей нет,
Там белой рукою маяк на мысу
Холодное море разглаживает.
Там песни дарили нам по два крыла,
Костры раздвигали ночь,
Там время, ладонью касаясь чела,
Морщины стирало прочь!
Там держит обрыв валуны на весу,
Суровые камни и пляжей нет,
Там белой рукою маяк на мысу
Холодное море разглаживает.
А сколько прошло? Да совсем пустяк!
Но ты мне задай вопрос:
Куда бы нам двинуть сто лет спустя?
Я выдохну: "На Форос",
Где держит обрыв валуны на весу,
Где камни суровые, пляжей нет
И белой рукою маяк на мысу
Холодное море разглаживает...

Февральский романс

Сошли остатки снега у обочин,
Ушел февраль и сходит мир с ума...
Непрочно примиренье, лед непрочен,
Да и весна сомнительна весьма.
Но тает ночь и птицы прилетают,
И я на волю чувства отпущу...
Зима от потепленья умирает, -
Я жить хочу!
Летит скворец на дальней пашни запах.
Уже ветра на части небо рвут,
И самолеты тянутся на запад,
И манят и курлыгут и ревут...
На оглушенье жизни невзирая,
Живу и песней горло полощу...
Костер скупой свободы догорает...
Тепла хочу!
Сезон любви потерями порочен,
Да и озон спасает мир едва.
Непрочно примиренье, лед непрочен,
И непрочны признаний кружева!
Во мне иная музыка играет,
Мгновеньем приучая дорожить...
Зима от потепленья умирает,
Мы будем жить!

1992

Мы снова имена переставляем...

Посвящается памяти Е. Клячкина

Мы снова имена переставляем
И что ни день меняем адреса...
Собаки провожают нервным лаем
Тень колеса.

Выбрасывай ключи от бывшей жизни,
Которой, оказалось, грош цена...
По равнодушной к горестям отчизне
Идет война.

Все прошлое в "надежде и оплоте",
От поздней дальнорюкости видней...
Я ранен ржавой пулей на излете
Из прошлых дней.

Волна сердито берег облизала
И бросила тугие невода.
Земля обетованная спасала -
Но не вода.

Вот парусом сожженного корвета
Срывается последняя листва.
И все же наша песенка не спета -
Она жива.

И голос, он еще на что-то годен,
Звучит, не исчезая без следа...
Но уходя мы все-таки уходим
Не навсегда!

Январь 1995

И случилось так...

И случилось так: не было весны, лето не настало...
Птицы бились в такт грудью до крови в грязное стекло.
Не лечился страх запахом сосны, острием металла,
Осенью в кострах ворохи травы судорогой свело.

Судорогой свело горе от утрат, от потерь без счета,
Каторгою злой показались вдруг ласки на вранье...
Душу унесло под трубящий храп в брюхе самолета,
Но лицо плыло, как спасенья круг в черной польнье...

В черной польнье утопи, Господь, все мои печали!
Да взойдут над ней свечи тополей, а беда - дотла!
Подари коней, дай и дух и плоть, чтоб в седле качали,
До ночных огней песни среди полей - а любовь ждала...

А любовь ждала. И пришла весна, и настало лето
С медом на столах, с горечью травы, запахом сосны...
И растаял страх в беспокойных снах и зачем об этом?
Слезы на стволах, и от синевы комнаты тесны...

1984

Прячет облако-сморчок...

Прячет облако-сморчок валидольную таблетку,
Сердце - алый кулачок изнутри колотит в клетку,
Вес воздушного столба изуродует осанку,
Загремят по желобам осадки...

Аритмичен путь и пульс, в колеснице сивый мерин
Тащит осень, ну и пусть! Потихоньку лицемерим...
Мир, похожий на вокзал, ожидающий посадки...
Кто-то волю даст слезам... Осадки...

И застиранный пейзаж лишь зима отбелит, прачка,
Оживляет вернисаж день погожий, как подачка,
Патентованная грусть, как твои объятия сладки...
По прогнозам (ну и пусть!) осадки...

Речка лета

Посмотри на жизнь проще.
Знай, тому когда-то быть...
Ох, поманит перевозчик
Речку Лету переплыть.
Переплыть да распрощаться.
Недопетой песни ком
Проглотить и расчитаться
Пятаком под языком.

Наша Муза в перьях тощих
С нами пьет событий яд.
Что скучаешь, перевозчик,
На границе бытия?
Там забот смешная малость,
Да немногим по плечу:
Чтобы что-то оставалось,
Чтобы помнили чуть-чуть...

Шевели веслом, печальник!
На уключины дави...
Я, пока ты не причалил,
Все о Жизни, о Любви.
Ничего-то дальше нету.
Детский смех и птичий гам
Только здесь... За речкой Летой
Трын-трава по берегам...

Посмотри на жизнь проще...

Не искушай

(Прощанье с летом 1989-го)

Не искушай календаря
Непочитаемые даты...
Там в униформе мешковатой
Томится узник сентября.
На бездорожье тьма. Безбожно
Коней исхлестаны бока...
О, как предчувствие тревожно
Зимы, невидимой пока.

Не искушай календаря,
Без боя тающее войско...
Часы стекают мягче воска
И счет ведем "от фонаря".
Когда обманываться тошно,
Цена прозренья велика...
О, как предчувствие тревожно
Зимы, невидимой пока.

Не искушай календаря
Ряды, магические числа,
Хрипит кукушка, время вышло,
Охоту кличут егеря...
Уже опомнились подкожно
В тебе летящие века...
О, как предчувствие тревожно
Зимы, невидимой пока.

1989

Мои седины не судимы

Мои седины не судимы -
отбой покою.
Какое счастье быть любимым
и быть с тобою!
Так получилось изначально,
Что мы не вместе...
Ведь ты нашлась совсем случайно,
В ином созвездьи.

В огне любви горят сомненья,
А не поленья.
Грехопадение - не паденье,
А воспаренье.
У Рубикона жребий брошен.
Конец похода.
Как этот улей растревожен!
Он полон меда...

Судьба подарит испытанья,
Мы им - проклятья...
Пока горит огонь желанья,
Прочны объятья.
Любовь у юности беспечна
И клятвы лживы...
У нас все будет бесконечно,
Пока мы живы.

Чего бояться зим?

Алле С.

Чего бояться зим?
Гляди, в разгаре лето!
Поедем налегке
И будем ко двору...
Давай притормозим
У дома с желтой лентой
На трепетной ольхе,
Звнящей на ветру.

Ты душу не дразни,
Сгоревшая Итака,
Она и так в огне,
Не плачу ни о ком...
Давай притормозим.
И добрая собака
Залижет раны мне
Шершавым языком.

Пусть не горит камин
И снег давно растаял,
Но зелень так легка
И светлое окно...
Давай притормозим
Нам души залатает
Хозяйкина рука,
Улыбка и вино...

Чего бояться зим?
Гляди, в разгаре лето!
Поедем налегке,
Там будем ко двору...
Давай притормозим
У дома с желтой лентой
На трепетной ольхе,
Звнящей на ветру.

1993

От себя не убежишь

Убегу всего-то лишь
От измучившего быта,
Все шлагбаумы закрыты,
Но дышать не запретишь.
И, на все махнув рукою,
Ну не к счастью, хоть к покою!
Убегаю, но не скрою:
От себя не убежишь...
Душу не усторожишь.
Не сдержать звезды паденье.
Судеб тонкое сплетенье
Не распутаешь, шалишь!
К сентябрю качнулось лето,
Что пропето - то пропето.
Жаль, осталось только это:
От себя не убежишь...
Без любви не воспаришь.
Голос страсти тише, глуше,
Коль обманывает души
Страшный омут: гладь да тишь...
Без меня колдуйте сами
Над песочными часами,
Под любыми небесами
От себя не убежишь...
Убегу всего-то лишь
От измучившего быта,
Душу не усторожишь.
Без любви не воспаришь.
От себя не убежишь...

1987

Осень идёт...

Осень идет, не ждет, не просит,
Жнет, плодоносит, косит судьбой...
Изредка взгляд прощальный бросит
То темно-серый, то голубой.
День заарканит, ночь закружит,
Стужей остужит, сманит гульбой.
Боже, мне взгляд твой небесный нужен
То темно-серый, то голубой...
Осень... Спешу, дышу тревожно,
Счастлив возможности любой,
Перехватить неосторожно
Взгляд темно-серый иль голубой!
К памяти вящей, мир кроящий,
С ума сводящий нас с тобой:
Все проходящее - настоящий
Тот темно-серый, тот голубой.
И среди буден, будь что будет!
Глупости бубен над головой,
Что-то забытое разбудит
Не темно-серый, так голубой!
Лето беспечно, но не вечно
Жизни колечко над трубой...
Жалко, конечно... Но все конечно -
И темно-серый, и голубой...

1990 г.

Снова канул день...

Снова канул день, как в воду,
Затянуло воду льдом.
Жизнь, как по столу колода,
Даже верится с трудом.
Все печали хороводят,
Эта женщина уходит,
Только песня не о том...

Смолкнут грозы в водостоке,
Смолкнут сплетни и вранье,
О, как двое одиноки
В одиночестве своем!
А виновен, а в ответе
Только третий, только третий:
Кровь его и плоть ее.

Это следствием причины
Сгоряча не назови.
Знаешь, трудно для мужчины
Рядом жить и делать вид...
А ее душа в скитаньях,
Будто ищет оправданья
Неоправданной любви...

Снова канул день, как в воду,
Затянуло воду льдом...

Клеопатра

Приходи, Клеопатра, в короне иль так, без короны...
Все сомненья, волненья, слова отчужденья развей!
Приходи Клеопатра, мятежные центурионы
Не посмеют коснуться и края одежды твоей!

Приходи, Клеопатра, еще не отравлена ядом,
Не познавшая Рим, но любившая сына и власть,
Приходи, Клеопатра, другой мне царицы не надо...
А за смелость прости, просто в душу заноза впиалась...

Приходи, Клеопатра, все просто, не будем лукавить!
Был Антоний, да вышел... Ему, страстотерпцу, поклон!
Приходи, Клеопатра, задорно стуча каблуками,
Улетает ваш «Боинг», пройдите, царица... в салон.

.....
Приходи, Клеопатра, в короне иль так, без короны...
1982

Забывать, забывать...

Забывать, забывать...
Вдоль памяти столбы забить,
Огородить,
И Свет, и Тень
Сплести в плетень из лучших дней,
Где все о ней
Кричит во мне
Лишь нет! и нет!
В тревожном сне,
Кошмарном сне,
Где храп коней,
Туман и чад,
Коптит свеча...
Прощай, прощай...
Все дни сомкни...
Пускай они с подножки вниз,
Пускай они...
Боль ласки там,
На алтаре...
Ее оставь по лоскутам...
Пускай лежит...
Не вороши!
Вот две души,
но их не сшить...
Их было две,
И нет теперь:
Блеснул просвет,
Закрылась дверь...
Забывать, забывать...
Одним рывком –
и из судьбы!
Зачем любить?
Остановить
Все поезда на полпути,
Сойти... Уйти...
Слова... слова:
Ты не права," –
Но больно рвать...
Гудит молва...
Пришла печаль,
И от плеча,
Как взмах пращи:
Прощай... прощай...

1972

Зимний менуэт

Эта скудность, неприютность,
Неба мутность, талый снег...
Притяженья обоюдность
С безрассудностью утех,
Беспросветность от порога -
Вроде нечем дорожить...
Помоги мне, ради Бога!
Помоги мне, ради Бога,
Эту зиму пережить.

Кольца злобы - негде пробы!
Дом в ознобе перемен,
И спасенья у кого бы?
Да особо сладок плен...
Дань весома, даль полога,
Опасайся ворожить!
Помоги мне, ради Бога!
Помоги мне, ради Бога,
Эту зиму пережить...

Воспаренья и паденья
С исступлением пера,
Оперенье вдохновенья,
Стон адамова ребра...
Косо кроена дорога,
Не порвать, не перешить...
Помоги мне, ради Бога!
Помоги мне, ради Бога,
Эту зиму пережить...

Где угодно: приворотно
И на доньшке зрочка,
Явно, тайно, принародно
В дымном чреве кабачка...
Ах, какая безнадега!
День, замри! Куда спешить?
Помоги мне, ради Бога!
Помоги мне, ради Бога,
Эту зиму пережить!

1990

Весенняя цыганочка

Огонек лампыды зыбок...
Руки тонкие твои
До краев наполнят кубок
Терпкой страсти на двоих.
Что пытаться до рассвета
Дать безумному совет!
На полоске света с веток
Льет в лампаду лунный свет...
Кабы кони, да цыгане,
Да лихая колея!
Кабы ветры не стегали,
Мы б хмелели б под стогами...
Ты неволюшка моя!
Ты неволю-волю-волюшка моя!
Свет стекает ртутной крошкой
С обнимающей руки,
Стынут лунною дорожкой
Позади материки...
Ночи кратки, губы кротки,
Подари мне ночь и день!
Жаль, что дому сумасбродки
Я двоюродный плетень...
Кабы кони, да цыгане,
Да лихая колея!
Кабы ветры не стегали,
Мы б хмелели б под стогами...
Ты неволюшка моя!
Ты неволю-волю-волюшка моя!
Но лампыды свет не вечен...
Я отчаянно шепчу:
Ничего, еще не вечер,
Туже вожжи накручу...
Память плетью ветки голой
По заснеженным щекам,
А любовь - почти крамола,
И вся жизнь - по пустякам!

Месяц, желтый пароходик...

"Мой милый, что тебе я сделала?"

М.Цветаева

Месяц, желтый пароходик,
На привале и в походе
Плавню по небу проходит,
Отмеряя жизни путь.
Вид меняем по погоде,
Одеваемся по моде,
Ничего не происходит.
Милый, сделай что нибудь...
В темных бочках вина бродят,
В горы сильные восходят.
Изменяем все в природе,
И, куда ни заглянуть,
Кто-то с кем-то счета сводит...
Между нами только вроде
Ничего не происходит -
Милый, сделай что ибудь...
Измени планет вращенье,
Сделай будни - воскресеньем,
Или лето, на Крещенье
И верни, что не вернуть...
Карты спутаны в колоде,
Мутный диск на небосводе.
Ничего не происходит!
Милый, сделай что-нибудь!

Наши встречи нелюдимы...

Наши встречи нелюдимы,
Наши речи неделимы,
Наши слезы несудимы,
Лучше не брани...
Та трава давно пропала,
Та листва давно опала,
Той любви грозит опала...
Боже сохрани!

Наши козыри в облаве,
Наши головы не в славе,
Наши пастыри не в праве -
Кто же, кто в чести?
Та молва давно забыта,
Та душа давно пропита,
Та любовь слезой умыта...
Господи, прости!

Наша воля - не победа,
Наша доля не отпета,
Наше счастье без ответа,
Вот оно! Вкуси!
Но слова - дождем по крыше,
Но страдания не колышат,
А любовь на ладан дышат...
Господи, спаси!

Листок из альбома

Кровит надрез заката - это я,
Ты - стук колес, мой поезд уходящий,
Сожженная страница "жития",
Олешек убегающего счастья...
Как мы его: и словом и рукой...
Печален глаз испуганного чуда,
Гони его, а я, дружок, не буду
Ни действием, ни мыслью, ни строкой...

Прощай, олешек, извини,
Не поминай ни злом, ни бранью.
Я безоружен. Ты плени,
Но отпусти порою ранней.
В меня нацеленный зрачок
Из лета - хуже пистолета.
Сквозь неба синего клочок
Летит свинцовый пулячок.
Удар. И песенка пропета...

Уймись, незатихающая боль.
Уже смешно надеяться на чудо.
Король без королевства - не король!
А взорванный очаг - осколков гряда.
Золу его попробуй сохрани..
Убей меня в себе, но дай присниться.
Уныла жизнь, когда б не оны дни,
И день, как век. И не дано забыться...

Прощай, мой милый дурачок.
Какая песенка пропета!
В меня нацеленный зрачок
Из лета - дуло пистолета.
Прощай, прекрасная зима,
И преисполненные страсти
Два этих трепетных холма...
Не дай мне Бог сойти с ума...
Прощай, дружок, прощай и здравствуй!

1991

Ворожея

Что гадать, ворожея!
Брось ненужную затею.
Все равно я не сумею
Отодвинуть острия.
Зря душою не криви,
Выпадает, как ни странно,
Будто полные карманы
Нерастраченной любви.
Что гадать, ворожея,
Что мусолить зря колоду?
Ты глядела, словно в воду,
Где видна судьба моя...
Зря на слове не лови,
Посыпая солью раны,
Видишь, полные карманы
Нерастраченной любви!
Нагадай, ворожея,
Хорошо бы, чтоб не мимо,
Буду ль я еще любимым?
Где она, любовь моя?
Словом душу не гневи,
Обмани меня туманно...
Видишь, полные карманы
Нерастраченной любви...
Что гадать, ворожея,
Что мусолить зря колоду...

1988

Ожиданье любви

Нетерпенья во мне притаившийся зверь
Окольцован, стреножен, пристыжен...
Но обласкан и в жизни пристыжен,
Зверь иной - вышибающий дверь.

Искушенья, в капканы свои не лови!
Не по мне убеждений потеря.
Сокрушаясь, надеясь и веря -
Я живу ожиданьем любви!

Пламя спит под золою уснувших страстей,
Ненакормлено жертвенной пищей.
В одночасье и принц я и нищий,
Раб сомений различных мастей.

Мудрый опыт веков, сколь угодно язвы,
Но душа оправданий не ищет!
На развалинах, на пепелище,
Я живу ожиданьем любви...

Подо льдами набухшие вены земли,
У природы весны ожиданье...
День грядущий - ее оправданье,
Сверхтерпение мне ниспошли!
Я все вынесу. Пламя беснуйся, реви,
Обжигая пейзаж пасторальный.
Пусть непонятый, пусть огнепальный, -
Я живу ожиданьем Любви!

1979

Вот еда да постель...

Вот еда да постель:
Зерна да солома.
Утром солнца клинок -
Вечером - звезда!
Где-то снег да метель, -
Чем же худо дома?
Где-то тонкий ледок,
Зябкая вода...

Припев:

А я рвусь да кричу;
Голосом стенаю:
Ох, задуют свечу,
Ох, ударят влет!
Но сорвусь, полечу,
А куда - не знаю!
Жаль далече лететь клетка не дает!

Чует птичью судьбу
бедное сердечко!
Ешь да пей, спи да пой,
Клетку не ломай!
Отпустите рабу,
Разожмись, колечко!
Воля - случай слепой,
Птичка - не зевай!

Припев.

Что глядишь, птицелов,
Глаз кроваво точишь?
Сетки, клетки, силки
На живую боль...
Хочешь песни без слов?
Губы в пиве мочишь...
Разожми кулаки,
Птицу не неволь!

Припев.

1990

Колдунья

То свищу и в ус не дую,
То ищу я, сам не свой,
Ту колдунью молодую
С беспечальной травой.
К ней любовь выходит боком,
Соком глупости кружит.
Глаз зеленый с поволокой,
Ненароком ворожит.

Припев:

Трын-трава, разорви-трава, позабудь-трава,
Не болей-трава, поумней-трава, одолей-трава.
А на склоне моих звонко прожитых лет
Успокой-трава успокоит меня.

Закипай в посуде зелье,
С заклинаньями в дымах,
Дурью маются с похмелья,
Я, прости Бог, от ума.
Ум не дым, выходит боком,
В царстве глупости людской.
Глаз зеленый с поволокой,
Поколдуй и успокой.

Припев.

В колдовстве твоих очей и
В горьких травах на лугах,
Тайна вечности Кощея...
Разве жизнь не дорога?
Коротка и быстротечна
С пряным зовом естества...
Где-то папоротник вечный,
Расцветет для колдовства.

Припев.

Под чаёк

Осень ранняя - не осень,
Только ярче колера...
Чай грузинский 38
Вроде пили мы вчера.
Чайник вывел 100 мелодий,
Вот чайника-письмецо...
И его подносит вроде,
Нам всамделишный кацо!

Самогонку славит Выборг,
Вкус вина - Омар Хайям,
И у нас достойный выбор,
Но мы больше по чаям.
На столах напитки дразнят,
Только многим невдомёк,
Что и в будни мы и в праздник
Славим дружбу под чаёк.

Нарезай пирог слоёный
Мой хороший человек,
Друг любезный чай зелёный
Нам заварит, как узбек.
С чаем, детка, всё иначе!
Чай он, как тебе сказать...
Если крепкий и горячий -
Поцелуй, ни дать ни взять!

Осень - ранняя не осень,
Только ярче колера...
Чай грузинский 38
Вроде пили мы вчера.
Самовар кипел пузатый
Много зим и много лет...
Пили б мы пятидесятый,
Но такого чая нет.

Музыканту

Касайся клавишей души
Легко, торжественно и нежно,
Тогда легко и безмятежно
Границы или рубежи
Преодолеешь не заметив,
Не ощущая массы лет...
О! Это музыки секрет,
Мы пастыри её и дети.
Люблю гармоний волшебство,
Органа бурю, плач гобоя...
И если музыка с тобою
Живет желаний естество
Намного дольше, чем в убогой
И сытой глупостью глуши...
Касайся клавишей души
И, с Богом, в дальнюю дорогу.
Ты алгеброй не проверяй
Ни лет своих, ни песен звуки...
Талант - загадка для науки,
Изведай творческие муки
И никого не повторяй!

P.S.

(Из цикла "Письма")

Уже не отрада прохлада,
Что делать! Живём в октябре...
Уходим из сада... Досада
На летний горячечный бред.
За Летою лето растает
Совсем. На ином берегу
Ни дней ни ночей не хватает,
Событий листва облетает,
А праздники - все на бегу...

Бесценна весёлая крона
У клёна под нашим окном.
И смена сезона законно
Оплачена этим руном.
Что ж кони храпят у обрыва
Минут стременами звеня?
Прощанья слова торопливо
Глотаем... А черная грива
Серебрянней день ото дня...

И кружит нас Новое время,
И в спину толкает - вперёд!
А выбора вечное бремя
Давно не даёт а берёт.
Уже недосуг разбираться,
А сходу никак не понять,
Уж слову пора отозваться...
Не поздно ль?... Поехали, братцы!
Чего на пороге стоять...

Дорога разбита... Копыта,
Колёса и лисьи следы...
Кареты корыто умыто
Дождями вчерашней беды.
По свету разбросаны... Где та
Надежда на встречу у нас?
Лишь нет на приветы запрета.
Блестят на запястьях тенета...
А свидимся ль? Может, Бог даст.

Любовь бесгрешной не бывает

И локти сбиты и колени...
Гляжу, с бедой наедине,
Как судьбы разных поколений
Несутся с веком наравне.
По сердцу гладью вышивает
Сомнений ржавая игла...
Любовь бесгрешной не бывает,
Она всегда такой была.

Уже тобою очарован,
Ручей становиться рекой.
Я уплыву татуирован
Экклезиастовой строкой.
Все судят и не понимают
Чужих невзгод, чужих потерь!
Любовь бесгрешной не бывает,
Какою мерою ни мерь.

За горькой истиной в погонях
Наш суд над нею так нелеп!
И как рисунки на ладонях,
Нет одинаковых судеб.
На чувства разум уповаает
И честь пытается спасти...
Любовь бесгрешной не бывает,
Прости нас, Господи, прости!

Узнай же сердце по заплатам,
О, Вездесущий Имя Рек!
Пусть назовёт Любовь развратом
С душою черной человек.
Листву последнюю срывает
Зима разлуки холодна...
Любовь бесгрешной не бывает,
Но, слава Богу, есть она!

Как хорошо часов не наблюдать,
В глаза глядеть, какая б ни забота...
Увы! От счастья отвлекает что-то.
Как хорошо часов не наблюдать.

Счастливые неделя, месяц, год,
И ночь, как миг...Чтоб дале не иначе!
Вы их и не заметили? Тем паче!
Счастливые неделя, месяц, год...

И да не оскудеет чувств ручей!
И мёд речей прольётся не напрасно...
Остановись мгновенье! Ты прекрасно!
И да не оскудеет чувств ручей.

Пока не зима...

Советы и сонеты незрелые ещё,
Держи, пока зима не осерчает.
Нам листьев эпюлеты ложатся на плечо,
Быть осень золотою обещает...

Ценою не смешною тревогу на челе
Упрячем, хоть ни в чем не виноваты...
Когда зовёт струною помощница в чехле,
То Штаты эти вроде б и не Штаты...

Опять синица мчится журавлику взамен,
Трещит бюджет, но кто об этом знает!
Читает наши лица чудак-абориген
И ни фига опять не понимает!

Год в ереси уверясь, ушёл - ни дать, ни взять...
Но не заменит каждый день другого,
Да снизойдёт, надеюсь, на души благодать...
А это, братцы, стоит дорогого.

Декаденский романс

Обыденность тесна и сутки неизменны,
Да смолоду не всяк печалится тому...
Осколком дня весна закату вскрыла вены,
Смятение неся и сердцу и уму.

Там ворожкой сонет, по лицам отрешенным,
Уже вершит побег вдоль времени реки...
Ужели тайны нет в колене обнаженном,
Во взгляде из-под-век, в касании руки?

Пора благодарить дни сладостных мучений,
Кроить иную снасть, иные платья шить...
Не страшно повторить ошибки увлечений,
А страшно осознать, что их не совершить.

Перезревает плод несбывшихся желаний,
Полузабытых слов, отчаянной любви...
Но ветренный восход, врачует утром ранним,
Вручает мне весло, и лодку... и плавви!

По рекам и лесам, и по горячей плоти,
Вновь пеньем тетивы пространство огласить.
Но полно... знаю сам, что пуля на излёте...
Повалит, но увы! не сможет поразить.

И чаще задышу, а пиррова победа
Ни сердцу, ни уму, так надо полагать...
Зря к зеркалу спешу избавиться от бреда,
Но зеркала в доме не научились лгать.

Стужа

У земли мороз по коже,
Небо строже, солнце строже,
Зябко ёжится прохожий -
Дело к стуже...
Травы осенью линяют,
Воздух грустью опьяняет,
Холод нас разъединяет -
Что уж хуже?

И разжаловано лето:
Желтых листьев эполеты
Грузит осень на корветы,
Топит в луже...
Холоднее станут встречи
И согреть ладони нечем,
Сквозняками гасит свечи -
Это к стуже...

Я-то думал: мы всё те же...
Только глубже стали межи,
И завьюжит и заснежит, -
Так-то дружже!
И уходит дружба эта,
Как прошло-пропало лето...
Не печалуйся, не сетуй -
Это стужа...

1974

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Фортуны «баловень», порою сам не свой,
Спешу из ряда вон, стою в одном ряду...
И если даже в доме мастер часовой,
Мы все со временем немного не в ладу.
Оно железный метроном, оно вода,
Оно песок, нас стирающий до тла,
Оно, бездушное, уходит в никуда,
Свое отмерив навсегда... и все дела.
Оно и лекарь не особенно какой,
А косметолог так и вовсе «не в дугу».
Чего ж мы гонимся за ним, забыв покой,
Чтобы исчезнуть там иголкой в стогу?
Кому то выпадет судьба оставить след,
Подобно в августе сгорающей звезде,
И это всё же не пожизненный обет
Слепою лошадию брести по борозде
Средь поколения потеряных во тьме...
В толпе, за стенами, а если повезло,
В лесах нетронутых... Но в тронutom уме.
В бреду горячечном растрачено тепло.
Свой путь мучительно и трудно выбирать,
Не растранив ни страстей и ни идей...
И в мире призрачном найдя не потерять
Незаменимых и Единственных Людей.

Июнь 2000

Вчерашний день в плену веков
Прошёл, не ведая, что будет.
Не оправдает, не осудит
Друзей твоих или врагов.
Там стол накрыт и полон дом,
Там споры яростно клокочут,
И обе бабушки хлопочут
Над рыбой скованною льдом...

Но для троянского коня
Уже наструганные доски,
Глаза круглы, а шутки плоски
И злы у завтрашнего дня...
А у вчерашнего шатёр
И берег в белозубой пасти
Волны, смывающей напасти,
Те что останутся - в костёр!

Родной родному дел не «шьёт»,
Но будет “завтра” у Кавказа:
Медя в облике абхаза
Опять детей своих убьёт...
“Вчера” устроено хитро.
Там было всё... Какая жалость!
Что к бочке мёда примешалась
Не ложка дёгтя, а ведро...

Так каждый выбрал для себя:
Дорогу, Пастыря, Пророка,
Судить легко или жестоко,
Жить ненавидя, жить любя.
Вчерашний день у нас в судьбе:
Его законы и повадки...
Увы! И горько мне и сладко...
Пусть дёготь мне, - а мёд тебе.

1997

"Бойтесь данайцев, приносящих яйца".

*И. Ильф
(Записные книжки)*

Бьет времечко по темечку поласковой чуток.
Не девочку, а темочку ведет под локоток
К решительным сражениям, внушительным свершениям,
Вытаскивать жень-шенями увязший коготок.

И этим птичку лечит, а птичка во весь дух,
Что хочет, то щебечет, как-будто кот издох.
Актеры в этой драме с историей "на ты!"
С данайскими дарами есть кони... и коты.

А умница сутулится над роковым яйцом:
"Там зло! Оно проклянется и двинет нас торцом!
И забодает школами, судами, протоколами
И королями голыми, а пуще - в грязь лицом".

Поэты, технократы, чья память - решето,
Вы б рады в демократы, а прошлое на что?
Оно же по спирали свернувшийся питон
С данайскими дарами! Удавит, но потом!

Что деется! Надеяться ль на призрачный авось?
Все вдруг куда-то денется, глядишь в ладошке гвоздь!
Стремительны новации... Сомнительны овации
За реабилитации обглоданную кость...

Во-во! не надо б вякать, кричать, избличать,
А выкличут, не "якать", а тыкать на печать:
"Мол, Правда"... Этой даме хоть мир переиначь,
Все тычется с дарами... в окошко передач!

Бьет времечко по темячку поласковой чуток.
Не девочку, а темочку ведет под локоток
К решительным сражениям, внушительным свершениям,
Вытаскивать жень-шенями увязший коготок.

Жертвоприношение

Сообщают историки дошлые,
Размещая по полочкам прошлое:
Камикадзе - явление не пошлое,
А ракета с живым рулевым.
Хоть он жертва разбитой Японии,
Когда та пребывала в агонии,
Если плюнуть на все антимонии:
Мертвым - слава, легенды - живым.
Пусть он летчик и засапураенный,
Но борец и фанатик отчаянный,
Мчался к цели в кабине запаянной
И не мыслил дожить до седин...
Ну а наши в то время жестокое
Шли на немцев в отчаянном штопоре
(Их колонны и шили и штопали),
Вовсе не закрывая кабин.

Вот об этом припомнил невольню я,
Когда шли телеречи крамольные...
Как спикировал в краеугольные
Камикадзе в родной стороне!
Не качнулось огромное здание,
Все "зенитчики" знали заранее,
У расчета расчет и задание,
А у жертвы - мишень на спине...
И зенитки и зрители хлопали,
Камикадзе срывается в штопор и
Чует сердцем: один воин во поле!
А краснеет лишь телеэкран...
Воин-смертник - находка Японии, -
Неужели мы тоже в агонии?
Что ж мы замерли, как посторонние?
Камикадзе идет на таран...

Июль 1988

Уменью управлять собой хвала

Уменью управлять собой - хвала!
Воистину великое искусство.
Как держит йог бушующее чувство...
Мне повезло. Я не из их числа.
Опасно быть натянутой струной, -
Но в ней и голоса и отголоски...
Подмостков неотесанные доски
Вздвигаются волною подо мной.

Да! Я за необузданную страсть,
Пока мотор еще на что-то годен.
А страсть - она безвременно уходит,
Ей не указ ни деньги и ни власть.
В бесстрастии так просто упустить
Тот звездный час, что якобы обещан
Для битвы ли, для музыки, для женщин...
А по течению - можно не грести!

Уздой слабой не сдержать коней,
Без упряжи не сдвинуть с места плуга,
Не туг канат - канатаходцу туго,
Нет звука в ненатянутой струне!
И я хочу, рассудку вопреки,
Звенеть, себя ни капли не жалея,
Не дам в душе ослабнуть тетиве и...
Подкручиваю яростно колки!

Как мы отдыхали

Есть еще такая точка,
Где слетает оболочка
От горячего песочка,
От жары и от ветров,
И стремятся, словно к Мекке,
К морю люди-человеки,
Исцеляются калеки
Без аптеки, будь здоров!
Барахлишко собираем,
Окна-двери запираем,
День прошел уже ныряем -
Два прошло - забыли дом...
И, основ не попирая,
Грани вечные, играя,
Между умственным стираем
И физическим трудом.

Здесь ужасно жизнь смешная:
Нет ни Штатов, ни Синая,
И хранит страна родная
Нас ракетой и броней,
Демократией посильной
И заботою непыльной,
МЧЗги пудря необильной
Политической фигней.
Здесь татары не бунтуют,
Здесь эстонцы не бастуют,
За горилкой митингуют
Россиянин и еврей,
Разложив свои хурджины,
Варят лобно грузины,
Льются песни Палестины
Из соседних лагерей.

Дашь народу по патрону,
И народ опасен трону,
А от песен нет урону,
Песни - это не коран!
Их не стоит опасаться,
Солнце, море, тень акаций...
И к чему объединяться
Пролетариям всех стран?
Если есть такая точка,
Где слетает оболочка
От горячего песочка,
От жары и от ветров,
От житья без пестицидов,
Наркомании и СПИДа,
Без погромов, геноцида -
Три недели будь здоров!

Крым 1987

Водный слалом

В. Виноградскому

Проверь себя еще сегодня,
Хоть в первый раз, хоть в сотый раз.
Смотри, выходит слалом водный
На перекрестье новых трасс.
Одни у моря ждут погоду
(Стихия каждому своя),
А мы надеемся на воду,
В которой им не устоять.

Выдержит кто струи жгутом?
Пена, как белый дым...
Первым придет, кто обретет
Чувство живой воды.
Если твою "двинет" ладью
Камень в хрустящий борт -
Выхода нет, но спасжилет
Вынесет даже топор!

Кто послабей - роняет руки.
Один заезд - и был таков!
А наши нежные подруги
Заткнут за пояс мужиков.
Крутой волне бросает вызов
Весла отчаянный рывок.
Мы - это водный альпинизм.
Здесь проверяют: кто кого!

Выдержит кто струи жгутом?
Пена, как белый дым...
Первым придет, кто обретет
Чувство живой воды.
Если твою "двинет" ладью
Камень в хрустящий борт -
Выхода нет, но спасжилет
Вынесет даже топор!

Закат малиново окрасит
В реке кипящей валуны...
А если не осилим трассу -
Тогда, до будущей весны...
Проверь себя еще сегодня,
Хоть в первый раз, хоть в сотый раз.
Опять выходит слалом водный
На перекрестье новых трасс.

Если твою "двинет" ладью
Камень в хрустящий борт -
Выхода нет, но спасжилет
Вынесет даже топор!

Выдержит кто струи жгутом?
Пена, как белый дым...
Первым придет, кто обретет
Чувство живой воды.

Приморская

Моей жене Рае

Кому Талмуд, кому Коран,
Кому Христа учение,
Адриатическая блажь,
швейцарские сыры,
Флорида, Тихий океан,
Комфортности мучения,
Весь неосвоенный мираж
и звездные миры...

Мы меняем Черное на Черное,
Не меняя Черное на Белое,
Не меняя Белое на Красное,
Мы меняем Каспий на Азов!
Мы меняем тихое на бурное,
Сладкое - на горькое, неспелое.
Ясное до боли - на неясное,
Изучая прошлое с азов!

На что нам счеты и дисплей?
Простая арифметика!
Зарплата, премия, аванс
и скудный гонорар...
Когда нагрянет юбилей -
Отказывает этика:
Как мы пол-века ждали шанс,
не выпуская пар?

Принимая серое за красное,
Принимая черное за белое,
Мелкое до смеха - за глубокое,
Бедность - за сознательность низов!
Принимая тихое - за бурное,
Дальнее, неясное - за светлое,
Низкое, гнилое - за высокое,
Изучая пошлое с азов!

Кому деньга, кому талант,
Кому наследство крезово, -
Но ни гроша нам задарма
не подарил Господь...
Своим горбом на провиант
И на житуху трезвую, -
Лишь испытание ума
питает дух и плоть!

Мы меняем Черное на Черное,
Не меняя Черное на Белое,
Не меняя Белое на Красное,
Мы меняем Каспий на Азов!

Мы меняем тихое на бурное,
Сладкое - на горькое, незрелое.
Ясное до боли - на неясное,
Изучая прошлое с азав!

Не приносят утешенья
Ни молитвы, не гроши...
Что ни день - опустошенье
И карманов и души.
То ли нищим, то ли зеком
Поневоле тянешь срок,
И наврядли по сусекам
Наскребешь на колобок...

По газетам, по приметам
Что скрывать: не сдобровать..
И прощаться страшно с летом,
Страшно зиму зимовать.

Ни надежды, ни опоры
В царстве хаоса и тьмы.
Только споры, только ссоры,
Праздник мора и чумы.
И протянутую руку
Рвем зубами, словно псы...
То ли гибель, то ли муку
Бросит время на весы?

По народным по приметам
Нам не скоро пировать.
И прощаться страшно с летом,
Страшно зиму зимовать...

И скрипят в ночи телеги,
Плач и хлопанье дверей,
Беглецов полны ковчеги,
Стон чугунных якорей...
Крым пленен без Перекопа,
Пал Царицын без пальбы
И в руинах соц. Акрополь
Как знамение судьбы.

6 августа 1991 года

Судьба

Все проходит и пройдет
Поздно или рано.
И мгновение, и год
Из самообмана...

От столба и до столба
В поисках удачи,
Едет душечка Судьба
На понурой кляче...

Там разодрано седло,
Чепрачок не новый,
И пошли в металлолом
Звонкие подковы.

А душа! Да что душа?
У судьбины-душки
За душою ни гроша,
Нету ни полушки...

А на "нет" и нет суда, -
Но для жизни много,
Что на шее хомута
Нету, слава Богу.

От столба и до столба
В поисках удачи,
Едет душечка Судьба
На понурой кляче...

Танго с секретом

Выше гордо изломанных уст
Гнев эмалевым глазом косится.
И тела разделяет и лица
Этот пошлый жасминовый куст.
И к ногам упадают цветы...
Пожелай - брошу сердце поэта!
Только ты усмежнешься на это
И небрежно забросишь в кусты.
Припев:

Ужели отцвела
Любви моей отрава,
И шумная орава
Тот мусор подмела!
О, глаз твоих стрижи,
Два голубых испуга...
Заплачь, моя подруга,
Святой слезою лжи!

И хрипит на плече скрипача
Попугай с иронической мордой...
«Нет любви ни высокой, ни гордой,»
Каждый фантик - удар палача!
О, бумажный безжалостный фарс!
Проигравшему - в спину презренье
И гнетущее душу прозренье -
Моя глупость и в профиль и в фас.

Припев.

Вот и все. Открываю секрет...
Петь начну о цыганах, о тройке -
Получается о перестройке
То последний, то первый куплет.
Что поделать! Мозги набекрень...
Чем живется - о том и кропаем,
Может, перьями яму копаем,
Приближая решительный день...

Припев:

Ужели отцветут
Высокие надежды,
И "правые", как прежде,
Неправых заметут?..
Устроив на гроши
Последнюю обитель,
Заплачет победитель
Святой слезою лжи!

Случайный докладчик

Не оратор я, конечно,
Вот и выгляжу потешно,
Но, гляжу, во тьме кромешной
Вам картина не видна!
Докладаю в полной мере -
Много недо, мало пере...
И притом и в высшей сфере,
И у среднего звена.
Ты крутись и дыры штопай!
Не держись за стул под ... думай!
Призрак сколько над Европой
Потрясает организм?
Братья родные болгаре
Все награды посрывали,
Видно, легче без регалий
Обгонять капитализм!
Мы не рвемся быть богаче...
Вот пятак, - не надо сдачи!
Те, кто думает иначе,
Носят финское белье...
Мы когда-то на Мобуту
Не растратили валюту
Потому-то и обуты
И одеты не в свое...
Но не все! Такое горе,
Люди разных категорий:
Ты Егорий, я - Григорий,
Ты в машине, я - в пальто,
Ты все в Мекку, я - в аптеку,
Ты вот к греку через реку,
Я - к... родному человеку,
Ты в очко, я - в спортлото!
Справа гладим, слева гадим,
Здесь наладим, там разладим,
Тех отпустим, тех посадим,
Но разруху победим!
Чтобы было по другому,
Бьем рублем по дорогомому
Хламу и металлолому,
А что будет - поглядим!
Будем самоокупаться,
Будем в роскоши купаться,
Чтоб за нами не угнался
Слаборазвитый вампир!
Но мгновенных, между прочим,
Мы успехов не пророчим...
Мы ж фундамент не курочим, -
Мы порочим старый мир!

1989 г.

Лесные пожары

Коварный туман в грязно-сером бесплотном халате
Росы наглотался, но жажду не смог утолить,
И ужас над лесом качнулся, и меньшие братья,
На клочья сердца разрывая, скрывались вдали.

Лесные пожары... Безумная злая стихия
Накатит, оранжевым смерчем грозя и круша.
И слезы в глазах, и горячие губы сухие.
Но смерть не пугает - страшнее, коль нечем дышать!

И кто там считает! В огне муравьиные склепы...
Кто ноги унес, а иные, увы! не смогли...
И катится масса, глазища от ужаса слепы,
К воде, за которой живая полоска земли!

Лесные пожары... Коль страх изуродует души,
Обугленным кронам не скоро живое рожать!
Безумья туман набивается в горло и душит,
Но смерть не пугает - страшнее, коль нечем дышать...

По мертвому пеплу живое ступает пугливей,
Но шепот надежды наполнит несчастья юдоль...
Гроза полыхнет и обрушит живительный ливень,
До зелени смоем и ужас, и копоть, и боль...

Лесные пожары не спишут живые потери,
С ожоговой кровью от страха уже не дрожат!
Сражаясь с огнем, погибают и люди и звери,
Но смерть не пугает - страшнее, коль нечем дышать!

1979

Притча

Где маков поникших пламень, под глыбой - не на погосте,
В краю неподвижных мельниц Ветрище спит, мукомол...
Мололи там языками, поскольку муки ни горсти.
Приладил хомут умелец - вращал жернова осел.

Хватило видать умишка по кругу бежать нешибко,
Хоть плетка его хлестала и мукой была мука,
Одним пироги да пышки, другим - синяки да шишки...
(И брала и погоняла одна и та же рука).

То Троица, то Сочельник, то Масленица, то Пасха -
Шло время иное, ветер весь хлам переворошил...
Приехал трудяга мельник, запахло доской и краской,
Но лаял беззубый сеттер, и ослика тормошил...

А серый ходил по кругу без плетки и без упряжки,
Травой заросла дорога, отчаянно пел петух,
А ослик ходил по кругу, кряхтя и вздыхая тяжко,
Он свежей травы не трогал, считая за кругом круг.

Хотя он осел, а жалко: тварь Божья, боится плети,
И дело не в переменах, а в хлебе из той муки,
Которая из-под палки, а хлеб этот ели дети,
И стали они примерней, чем ослик, считать круги...

Мы ветром колеса вертим, но сеем покуда слабо,
А коль уж косою машем - не спите, перепела!
Да разве повсюду ветры? Дай Бог сквозняки хотя бы!
- О чем эта притча Ваша? Про мельницу... И про осла.

1986

Баллада о свежем воздухе

*"Вот вышли наверх мы,
а выхода нет..."*

В. Высоцкий

Наши койки прикованы между торпед.
По отсекам задраены люки.
Рваный след, уходящий под воду хребет,
И молчанья обет, и разлуки...
Ниже некуда! От ватерлинии
Отработанный воздух крутой...
Кислород перекрыт посредине и
Только рубка едва над водой.
Видят те, у кого перископы в руках,
Что над нами - известно не часто...
Здесь коррозия веры в винтах и в рулях
И пассивная масса балласта...
Может, поршни в цилиндрах заклинило
И удушье нависло бедой?
Кислород перекрыт посредине и
Только рубка едва над водой.
Задрожала обшивка, дробя миражи,
Оживают приборы - каналы,
Вот динамики паточкой радостной лжи
Захлебнулись на главном канале!
Мы идем!.. Но пока по инерции,
И с отравленной бьются средой
Кислорода блокадные порции -
Значит, рубка уже над водой?
Аллегорий отброшу эзопову смесь,
Знать, работа ее дармовая,
Если силою власти бесчинство и спесь
Свежий воздух нам перекрывают...
Правдоброты осыпаны инеем,
Боль сезона - озоновый бред...
Кислород перекрыт посредине, им
Дверь открыта, - но выхода нет!
Гром грохочет, и тучи свинцовый кулак
Снова может повергнуть в пучину,
Как подлодку, всплывающий архипелаг,
Стоит только придумать причину!
Сколько ж иситны за кривотолками?
На себе и на деле проверь...
Кислород приоткрыт, а надолго ли?
... Это наша забота теперь.

1987, май

Горькая песня

Сколько горечи в этом исходе!
О, судьба, ты щепя в плододовье.
Словно противореча природе,
Меч заносят ее палачи.
Ярки краски, талантливы кисти,
Но виски от тоски серебристей,
Дым уносит и пепел, и листья,
Дом забит и калитка стучит.

То ли Божья рука, то ли гены?
Мысли живы и чувства нетленны,
Но сжигает огонь перемены
Уцелевших в кошмарной ночи...
И взлетает испуганно птица,
Жалит дождь и горька паляница,
Из криницы воды не напиться,
И отчаянно счетчик стучит...

Много ль света в душе от огарка,
Чтобы жить неуемно и ярко?
Позади триумфальная арка,
День других поднимает на щит...
Уязвимы, гонимы, любимы,
Славя пули, которые мимо,
По земле, по золе - пилигримы, -
Прочь уходим и посох стучит!

Сколько горечи в этом исходе!
О, судьба, ты щепя в плододовье.
Словно противореча природе,
Меч заносят ее палачи.
Ярки краски, талантливы кисти,
Но виски от тоски серебристей,
Дым уносит и пепел и листья,
И испуганно сердце стучит...

1990

Исход

В извилины втиснутой туго
Нечаянный ужас потерь...
Давайте запомним друг друга
На миг, навсегда, на теперь,
Печали поделим, умножим
Текущие к морю ряды,
Сквозь пытки границ и таможен,
За хлебом, за счастьем, а может,
Вернее всего, от беды...
От мора, от землетрясений,
Последние из могикан...
По корню топор - во спасенье,
По лапе, попавшей в капкан.
О, страшная высшая мера -
В исходе увидеть исход!
Библейских равнин атмосфера,
Далекая чуждая вера,
Они не на день, не на год...
Чтоб время из памяти стерло
Могилы, слова, имена...
Нет, песня не лезет из горла,
Уж слишком большая цена!
Зло топчет цветы на газоне,
Свинцом наливая кулак...
Насилье гуляет по зоне,
И стая спешит от погони,
А мне не решиться никак...
Лехаим! С порога с откоса...
Лехаим! За каждым столом...
Стаканы стучат, как колеса,
И слышится эхо: шолом!
Пишите, звоните, вещайте
По радио и по Ти Ви...
Прощайте, прощайте, прощайте...
Гуд бай, адоним! Се ля ви!

1991

Попутная песня

Я тебя отпускаю на волю, как птицу из клетки,
Я тебя отпускаю, как цены на рынках страны,
Я тебя отпускаю, ведь падать от нижней отметки
Дальше некуда просто, а значит мы здесь не нужны...
Я тебя отпускаю, грехи отпускаю и душу,
Я тебя отпускаю, "прощаньем славянки" скорбя,
Я тебя отпускаю на море чужое и сушу,
Я тебя отпускаю и этим спасаю тебя...

Хрупкий мостик - нетвердая память,
И молитва у Плача стены...
Я остался, мне некуда падать...
Впрочем... это забота страны...

Я тебя отпускаю, как повод уставший возница,
Я тебя отпускаю, как ранней весной табун,
Я тебя отпускаю, но мнится, что будет мне сниться,
Уходящий по тонкому троссу к свободе Тибул!
Я тебя отпускаю, там тоже родные могилы,
Я тебя отпускаю, и там не чужая земля...
Я тебя отпускаю, мой милый, дай Бог тебе силы,
Чтоб семь футов под килем легло твоего корабля!

Хрупкий мостик - нетвердая память,
И молитва у Плача стены...
Я остался, мне некуда падать...
Впрочем, это забота страны...

Грузинская апрельская

От весеннего воздуха пьяные,
От спящей надежды глупы...
Это завтра курганы тюльпанные,
Это ночью объятья толпы,
Это поутру вымыслы вздорные,
Это днем словоблудья мура
Разукрасит лопаты саперные,
Рев моторный и прожектора.

На асфальте стекольное крошево,
На брусчатке алеет ... вода?
А свобода? Да что в ней хорошего!
Для народа свобода - беда.
Это в прошлом уютные дворики,
Где веселая вьется лоза.
Там не плачут над лужами дворники,
Не отводит Всевышний глаза.
Ах, живая вода оправдания!
Спи, Верховный, покуда весна...
Это ж ночью ее на заклатие,
Между прочим, отправит страна.

На асфальте стекольное крошево,
На брусчатке алеет ... вода?
А свобода... Да что в ней хорошего!
Для урода свобода - беда!

О, высокие наши фантазии!
О, дремучее наше житье!
О, влиянье скуластое Азии
И лихое коварство ее...
Это завтра паяцу овации.
Сон ума! "Золотая орда"...
Это после суды да кассации,
Где невинностью шляуха горда.

На асфальте стекольное крошево,
Над страной кружит воронье...
А свобода... Да что в ней хорошего,
Если люди боятся ее?

Май-июнь 1989

Свет мутных фонарей

Свет мутных фонарей за белой мошкарою,
Кибитка-пароход качается, плывет,
И на год постарев под грубою корою,
Без боли и забот душа земли живет...

Ей годы - словно миг, а нам - кусочек жизни,
Вмещающий в себя все изыски ума.
Так что, mon cher ami, мы посвятим Отчизне?
Над ней снега пылят... Зима, опять зима...

Что там за новым днем, за вялою пирушкой?
Где искренность сердец, звон сабель декабря?
Вон, пыльным январем, прошел ,сутулясь, Пушкин...
В груди его свинец, а черный плащ дыряв.

Уймите, дни, свой бег! Нам ни к чему поспешность...
Еще стоит тайга, и что ей до поры!
Ведь каждый новый век своих отыщет грешных, -
Кому - леса в снегах, а для кого - костры...

Ведь каждый новый год, как новая одежда,
Как двери в новый дом, как новая звезда,
Как Мессии приход, как робкая надежда...
Ну что ж... Мы обождем... Мы научились ждать...

1969

Ироническая цыганочка

Ах, дружище, день в дымище, ночь в тоске,
Коль на днище вдохновенье в котелке,
Без него, скажу я, суть дорог - пустяк!
Потому держусь до судорог в кистях.

Если молод - узок ворот, вязок быт...
Весил молот легче перышка б кабы!
С молоду тогда б любил и привечал
Слово, дух - они ж начало всех начал...

Что, брат, делать...
Любим девок, брагу пьем...
Губим тело, но души не предаем.
Слава, право, как отравы, ни к чему!
Боль - Христу, а вор Варава канул в тьму.

Не в Сорбоне лен, не в Бонне лебеда, -
Жаль не поняли, но это ли беда?
Не замызгать бы (вот где бы построжей)
Жирной музыкой вареники ушей!

Ах, дружище, день в дымище, ночь в тоске,
Коль на днище вдохновенье в котелке,
Без него, скажу: "И суть дорог - пустяк!"
Потому держусь до судорог в кистях.

Стынет дерево желаний

Стынет дерево желаний
Там, на краешке земли,
Сорняками оправданий
Все дороги поросли,
На пути лианы лени
И расчетливости лед,
И болота из сомнений,
Ни назад и ни вперед.
И, наверное, возможно,
Отречась от скоростей,
Жить спокойно, осторожно,
Без желаний и страстей,
Не ползти, не рвать одежду,
Не стремиться, не страдать,
Десять раз подумав прежде,
В результате "нет" сказать...
Боже мой, какая скука
Дни копить, как медяки,
А они потом без стука
Выпадают из руки...
За пятак на потной длани
Мне б серебряной руды,
Мне бы дерево желаний!
Только горькие плоды...
Как свеча сторать прекрасно,
Греть, как старое вино,
Хорошо бы не напрасно,
Впрочем, это все равно!
И душою возноситься,
Облетать и снова цвести!..
Дай нам, Боже, сохраниться,
Быть не хуже, чем мы есть...

Песня жаворонка

"... Жаворонок - страстная птица".

К. Каладзе

"Он вернется к нам, может быть птицею..."

А. Вознесенский

Так чем же ты, судьба моя, плоха?
На поле на своем. Не бит грозою,
Гнездо не запахали лемеха,
Лишь крылышки подрезаны косою.
Но пламя непогасшего костра
Гонимого неопалило зноем,
Лихие дел заплечных мастера
Птенцов не уничтожили весною,
От песенки, заброшенной в зенит,
Светлели неулыбчивые лица!
Легко катилась божья колесница...
А стадо?.. Колокольцами звенит...
Жует, не внемля! Что ему бои
На той опушке, у него под боком!
... Пернатые товарищи мои
Убитые лежат электрошоком.
А где-то нынче начался отстрел
Воркующих, токующих, свистящих,
И небо, почерневшее от стрел,
Спасти не в состоянии летящих!
Не страшно ли? Крылатая родня,
Дымя идет на бреющем полете...
И что с кого, пернатые, возьмете,
Отравленными глотками звеня?..
В отчаяньи срываюсь с высоты
К земле, одетой тополиным пухом...
... Живите дальше, черви и кроты,
Лишенные и голоса и слуха...
Я захлебнусь - осыпятся хлеба,
Погибнет лес в молчании убогом!
Мой голос, ни литавры, ни труба, -
Но в каждой ноте слышалось: тревога!
Так, если болью разрывает грудь,
Не каются ни птицы, ни поэты...
Им не спасти от разрушенья света,
Но чтонибудь! Хотя бы чтонибудь!

Июль 1980

Легенда о Мастере

М. Булгакову

С воспаленными глазами,
Обожженный примусами,
Неизвестный, но великий,
старой обувью пыля,
Сам своих печалей пастырь,
Шел Москвою грустный Мастер,
В кулаке сжимая никель
юбилейного рубля...
Снова точки нет в романе,
Снова рукопись в кармане
И шпагатиком пеньковым
мысли связаны "накрест"...
Шел дорогой бесконечной,
Тяготился жизнью вечной
И страдал, что бестоковы
и скитанья и протест!

Шла душа почти без тела
И, дивясь на это дело,
Пали духом, затужили
молодые мастера:
Не поднимет наших павших
Тьмы Магистр с Патриарших,
Не до нас нечистой силе
в мире света и добра.

Наши гнезда из бетона,
Сняв одежды из коттона,
Тоже греет Маргарита,
ни мертва и ни жива...
За стеною пьет украдкой
Прокуратор пятерчатку
И с пробитыми ладонями
вознесся Иешуа...
Улетел бесплотный гений
Через толщу испарений,
Плащ из полиэтилена,
из терновника - венок...
Но умелец - пеленгатор
Знал куда нацелить атом,
Мирный атом - он анатом,
Даже Бог ему - не Бог!
Снег валил из ниоткуда,
На полу осколков гряда...
Так с утра сулил удачу
день тридцатый февраля...
Сам своих печалей пастырь,
Шел Москвою грустный Мастер,
В кулаке сжимая сдачу
с юбилейного рубля...

Уже до предела натянуты жилы

"... Однако, радоваться рано..."

Б. Чичибабин

Уже до предела натянуты жилы,
Но с музыкой слово слилось...
Не хлебом единым мы живы!
За то и воздастся, авось...

Из праха и пепла не трижды, не дважды
Приходят друзья из вчера,
В них неутоленная жажда
Свободы, любви и добра...

Доселе выносит поток из тумана
Потомкам обломки судеб...
Воистину, праздновать рано,
Пора отрабатывать хлеб.

Не сонные клячи, а кони удачи
В упряжке, но держит кабак...
И хочется жить нам иначе,
Хотя и неведомо как...

По краю оврага из долгого мрака
Цепляясь за дымный ковыль,
Летим, а рубахи из страха
Упали в дорожную пыль...

Авось да Небось - чисто русские кони
Храпят без битья и кнута...
Мы дети погонь и агоний
С дымящейся пеной у рта...

А в остальном, прекрасная маркиза...
(экологическое)

Исчезли тучные стада, в колодцах мертвая вода...
Не принесет себе вреда ни кошка, ни паук, -
А мы гордынею полны от БАМа и до целины
На благо, якобы, страны не покладем рук.

Взорвать ошибок хлам -
Не хватит динамита!
Не шепчем по углам,
Но разве со вчера
Синдром приобретенного
Иммунодефицита,
Чернобыльское жито,
Озонная дыра?

То барабаня и трубя, то умиляясь, то скорбя,
Всё продаем из-под себя (потомки не простят).
Душеприказчики с небес к нам проявляют интерес,
И свищет песенку Прогресс про десят негритят:

"В одном по жилам кровь
Чернее антрацита,
В другом - белым бела...
Меняют колера:
Синдром приобретенного
Иммунодефицита,
Чернобыльское жито,
Озонная дыра".

Идут кислотные дожди, под стенкой корчатся вожди,
А кто-то шепчет: "Подожди!", - и трогает курок...
И я, четырежды учен, быть не сумею ни при чем,
И ни ковчег, ни утлый челн не заготовлю впрок.

Кому тяжелый рок,
Кому-то "Рио-рита"...
На всех один оброк
До смертного одра:
Синдром приобретенного
Иммунодефицита,
Чернобыльское жито,
Озонная дыра...

Рассказ о моём пороке или аллергия

Говорил мне педиатр Сережа,
Славка Трошин говорил ("академик"):
Мол, "Здоровье" журнал нехороший,
Жалко времени читать, а не денег.

Говорили - пусть читают другие...
Не послушался слуга - не иначе!
Там болячку отыскал: аллергию -
Извращенную чувствительность, значит.

Реагирует каждый по разному:
Тот глотнет пирамидон - морда красная,
Тот понюхает тайгу - сердце гирею...
Я ж спиртного не могу - реагирую!

Не изучена еще хворость эта,
Водка (доктор говорит) хуже яда!
Никакой тебе гарантии нету,
Ты не пей на всякий случай, не надо!

Может рожу покорежить прыщами,
Непорядок будет в главном вопросе...
Так "запудрили" мозги, застращали,
Что я даже пить на праздники бросил!

И с тех пор, как соберется компания,
Я на водку, коньяк - ноль внимания.
Всё статейки на память цитирую,
И спиртного ни-ни-ни! Реагирую!

Вот тогда пошли во всю пересуды:
Что он нервы бережет, или глотку?
Или, может, подослали "оттуда"?
Гляньте: лопает закуску без водки!

Я лечился: был у бабки-шептухи,
Четвертак на это дело не жалко!
Бабка травку мне дала... на спиртухе,
Я понюхал, и ушам стало жарко!

И от пива ем я только таранку!
И ругаю я ту бабку-поганку!
Пьет сосед денатурат днем и вечером,
Реагирует, когда выпить нечего...

А чего я убиваюсь - стенаю?
Потому что, разъезжая по свету,
То в Молдавию весной попадаю,
А то в Грузию зимою и летом!

По спиртному, хоть бери референта,
Вина даром, коньяки дорогие,
Дегустатора к такому моменту!
Я б и сам, но не могу: аллергия!

Но что слышал я на лекциях дивное:
Экология алергоактивная!!!
Я и плакал и смеялся до колики!
Поживите все, как я, - алкоголики!

1974

Баллада о перекраске

С юморком да с матерком
Зам. пом. ком. перед полком
По приказу (видно сразу!)
Выручает исполком:
Скоро праздник... Есть художник?
Шаг вперед. Исправишь холст.
Нужен основоположник.
С бородою. В полный рост.
Не судимый, из вождей
И творец больших идей.
Выходи, сержант Шапиро,
Отпуск властью командира
За мазню... Моли судьбу...
Хош рисуи, хош на "губу"...

Открывается ангар.
Предъявляется товар.
Видит живопись посланец
И теряет речи дар...
Трехметровая холстина -
На лазурных небесах
Культ личности причина
Вся в лампасах, вся в усах.
А улыбка - просто жуть!
Сапоги, наверно, "жмут".
Ты попей, сержант, лекарства,
Да малюй нам Карла Маркса.
На балансе все равно
Это пыльное панно.

Дали красок и кистей,
И подмогу всех мастей, -
Но недаром за ангаром
Полк непрошенных гостей.
Что малюет там безбожник?
Поглядели... Ничего!
Точно, основоположник!
Глаз его, и нос его,
Борода, пушистый ус,
Но... генералиссимус!
Что ж улыбки нет, Шапиро,
У хозяина мундира?
Знать, герою давних смут
Сапоги ужасно жмут...

Приближается октябрь,
А мазилка ляп да ляп!
От кощунственной задачи
Похудел да поослаб.
В "Чайке" катится начальство:
Предъявляй, брат, вернисаж!
Командир (не без бахвальства):

Вот Шапиро... Гойя наш!
А "шедевр" прибит к стене.
Глянул шеф - окостенел!
С трубкой автор "Капитала".
Это ж кисть наклеветала!
Сапоги из-под штанов...
Шапиров - не Глазунов.

Понаехало писак,
А скандал давно иссяк...
Ведь глядеть на пол-работы
Может, ведомо, не всяк!
У Шапиро есть невеста,
Отпуск даром не прошел.
Славный автор "Манифеста"
Нарисован хорошо...
Но всегда у полотна
Морда скептика видна:
Почему скорбит лицом?
Том в руке не тем концом...
Самиздат... Или талмуд...
Жмут сапожки все же, жмут!

Письмо в Чикаго

Авторучка стиснута до боли.
Вопли меланхолии в виске.
Вот я к вам пишу, чего же боле?
Но - на иностранном языке.

зади ледяная батарея,
Впереди холодная зима.
Мерзнут нерешительные, зрея,
Или сходят медленно с ума.

А Советы прямо с лета
Легким выездом грозят...
Ах, карету мне, карету!
Или ТУ-150.

Нам, увы, ни Рима и ни Вены,
Мы читаем, шансы упустив,
Что де пишет Пимен современный,
Фактами пугающей "АиФ"*?

Сверху замечания резонны:
Нечего пенять, что допекли.
Питеру, пардон, - жидомассоны,
Украине - "кляти москали..."

Быть в компании приятно,
Только, если нам хана,
Ох, покатится обратно
Эта мутная волна.

Я гляжу на паспорт мой советский,
Ибо мне иного не дано,
И, когда смешит меня Жванецкий,
Мне уже сегодня не смешно.

Если и стрелялись и "кололись"
Самые идейные борцы,
То кого спросить: за что боролись
Вроде б не наивные отцы?

Что отцы! Молчаньем Буша
Я как душем отрезвлен!
Буш, спасите наши души!
Ну хотя бы миллион.

Обнимая вас и ваших деток,
Мы "до скорой встречи" не кричим.
Жить нам для грядущих пятилеток.
Нам ковать от счастья ключи.

Нет преград на море и на суше,
Но не для людей, а для идей...
Скоро мир насилья мы разрушим,
И построим новый мавзолей.

А ребята-демократы
Не пошли на поводу...
Мы опять в отдельно взятой,
Как в семнадцатом году.

1989

* АиФ - газета "Аргументы и Факты"

Взгляд

Снова ветры возвращаются на круги своя,
И отчалить, и отчаяться спешит Одисей
Без оглядки, чтоб не стариться, недуги кляня...
Годы спицами сливаются, звенят в колесе.
Там, ушедшего до срока песен горестный хрип,
Сумасшедшая трава взрывает стены дворцов,
Гильзы стреляные, в окнах оранжевый гриб,
И распятие венчают терновым венцом...

Вера, поиски утраченных иллюзий, надежд,
Эра трезвости (оплачена рабом питания),
Рубежи, что обозначены верстой, для невежд,
А философу - ни бакена в реке бытия.

Там неспешное течение, там работа веслом,
В дельте мачты затонувших в черный час кораблей
И Сирены (эти песни без губительных слов)
Нынче ловят наши души в невода из рублей.

Слово по слову выкраивай свои паруса.
Ни апостолом, ни богом все равно не бывать...
Нам - весь мир, а Богу - Рай его без девок в овсах,
Без грехов светло и строго... Чего там скрывать:

Радость жизни - губы влажные, крутое бедро,
Поиск истины во лжи, а не во ржи (горек мед!)...
А в награду что - не важно: этим кисть, тем - перо...
Сладко вечности служить, да ведь не каждый поймет!

Снова ветры возвращаются на круги своя,
Кто отчалить, кто отчаяться спешит...

1985

Прощанье с летом 1992

В чемоданы, баулы все летние тряпки забросим,
Чай заварим погуще, встречая случайных гостей...
В телеокнах среди гула мелькнула тревожная осень,
Шоколадной улыбкой ведущей "Московских Вестей".

Время льется из рук, утешая ворчаньем прибоя,
Крымским краденым солнцем, морской живою водой,
Но грохочет вокруг, я не слышу сигнала отбоя,
Пахнет тленом, пылью, бедой, "Золотою ордой".

Лето косит... И к осени войско весьма поредет,
Музыкантам уставшим невесело марши играть,
А о здравьи страны - недоноска орда не радует,
Не рыдает над павшими. Где уж орде сострадать?

Многолетнее иго грядет и не видно победы,
Снова голы и босы, собрав урожай без потерь:
Это битвы проигранной странное страшное кредо,
Мудрецы на погосте, и разве нам легче теперь?

Жизнь покажется дном Антлантиды и Понтикопеи,
Только Богу известно Содом ли, Гомора грядет...
Я же ни барахлом, ни собой тобой торговать не умею,
В утешенье читая на перстне: "И это пройдет"...

В чемоданы, баулы все летние тряпки забросим,
Чай заварим погуще, встречая случайных гостей...
В телеокнах среди гула мелькнула тревожная осень,
Шоколадной улыбкой ведущей "Московских Вестей".

Харьков, сентябрь 1992

Прощанье с летом 2000

Мгновение в прошлое с песенкой канет,
Как мы, не об этом же речь.
Давайте свой облик оставим на память,
Коль чувства нельзя уберечь.
Улыбочка для группового портрета
Готова, а толку с того?
У тысячелетья последнее лето,
Последняя осень его...

Ты не к эпилогу, а просто в дорогу
Неспешно порывшись в судьбе,
В отборе нестрогом возьми понемногу
В котомку потомкам, себе:
Из детства ириску и память о близких,
Крамольные тайны бесед,
Потери и в списках, и на обелисках,
Награды вчерашних побед.

Закат, он по сути начало восхода,
Но третий петух прокричит,
Короткий остаток и века и года
Исчезнет в декабрьской ночи.
Там губы любимых раскрашены вишней,
Счастливых минут воровство.
Нам века конец отодвинул Всевышний...
Не всем... Это право его.

Мгновение в прошлое песенкой канет...

Сентябрь 2000

В добрый час!

Словно с чемоданом, со своей судьбой.
(Для неё носильщик не положен)
Мы границу века перешли с тобой
И ни виз не надо, ни таможен.
Словно в эмигрантах каждая семья,
Ибо век навеки покидает...
А снежинки-письма из небытия
Падают на землю и не тают.

Вечность под дугою, Миг на облучке...
Ни столба, ни полосы нейтральной.
Отчего же капля влаги по щеке
Прокатилась звездочкой астральной?
Трогай, друг любезный, дальше в добрый час!
Не меняй коней на переправе.
Навсегда исчезнуть – это не про нас.
Время нас на звёзды переплавит.

Мы бесценным грузом увезли с собой,
В генах сохранив и хромосомах,
Дорогих и близких радости и боль...
Память только с виду невесома.
Нам вослед команда нашего двора,
Что давно безгрешна и крылата,
Машет, а над нею юности сестра –
Песенка знакомая Булата.

Декабрь 2000 г.

Лоре

Перезвон из темноты.
Звездопад стучит по крыше,
Но не всем дано услышать,
Как умеешь это ты!
За аккордом, за строкой,
Слышать жизни отраженье,
Словно бури приближенье...
А покой? Он нам на кой?
Время, бешеный косарь,
Не мгновенья, годы косит,
И прощенья не просит...
Разве свечку на алтарь.
Вот ещё один виток
Из несбывшихся желаний.
Нам хватило испытаний
На две жизни, видит Бог!
Звук летит издалека,
Ничего, что мы не юны!
Ведь натянутые струны
О любви поют пока...
Тот напиток пригубя,
Дай нам Бог друг друга слышать...
То не дождь стучит по крыше,
Это звёзды для тебя!

Сороковник

Инночке

Сороковник, сороковник!
Кислый ягода-крыжовник,
На пути моём терновник,
И от глупости хмельной...
Светом внутренним подсвечен
В ожиданьи каждой встречи,
Сладко врѣшь: Ещё не вечер,
Ты один всему виной!
Сороковник, сороковник!
И бродяга и сановник,
Маяты моей виновник
И обманщик, и поэт...
То мне горько, то мне сладко,
Тают дни, как шоколадка,
Здесь загадка и отгадка:
Счастья завтрашнего нет!
Сороковник, сороковник!
Казановы однокровник,
Старой гвардии полковник
Коли жизнь не дорога!
То одаришь вдруг крылами,
То удержишь удилами,
То усадишь за столами
Рядом друга и врага...
Сороковник, сороковник!
Ты жестокий уголовник
И чувствительный любовник...
Отыгратья дай мне срок!
Ох, ты жизнь моя, жестянка!
Нагадала мне цыганка
День удачный спозаранку
И нетрезвый вечерок!

Завтра будем из прошлого века

Лоре

Лицедои, поэты, паяцы,
Менестрели, шуты, пилигримы!
Мне, наивному, верится, братцы,
Что друг другу мы необходимы...
Дайте руку... По брёвнам и сходням
Через бурного Времени Реку...
Мы беспечны и юны сегодня,
Завтра будем из прошлого века.

А Сегодня нас ловит сетями,
Из сомнений, обид и ненастья,
Бьется мир, воспалённый страстями,
За глоток эфемерного счастья.
Позади - необдуманность действия,
Впереди - тишина и аптека...
Только-только окончилось детство,-
Завтра будем из прошлого века.

Ах, какой изумительный вечер!
Разложу-ка пасьянс из былого...
Заменить фотографии нечем,
Только музыка, голос и слово,
За которыми лиц вереница:
То зарубка, то бакен, то вежа,-
Недожитых жизней страницы,
Эти песни из прошлого века.

И звучит отрешенно и странно:
Прошлый век! В нём моё поколение:
Города океаны и страны,
И горенье, сомненья, старенье ...
Я живу, в этом мире не лишний:
То Парнас, то Голгофа, то Мекка...
За Сегодня спасибо, Всевышний!
Завтра будем из прошлого века...

Двухтысячному

Перемешались корни и плоды
Событий уходящего столетья,
Все радости его и лихолетья,
И на расправу скорые суды...
И разума и чувства торжество,
Где гений и злодейство совместимы...
Как жадно мы любили и любимы.
Бывали ... И неважно кто кого.
Ещё чуть-чуть... Не замедляя ход
По вечности, по полю циферблата,
Во чрево игрового автомата
Потёртою монетой канет год.
Не выкидыш, а выигрыш суля,
Судьба перстами тронула колёса...
Но первым появился знак вопроса
И много позже рядом три нуля.
Всемирное свершилось воровство,
Мгновения похищены безбожно,
Увы! «А счастье было так возможно...»
Мы видно проворонили его...

Зоечке

Здравствуй, пора мудрых дней,
Длиных ночей, нереальных мечтаний...
Тени раскаяний и оправданий
К вечеру станут длинней.

Здравствуй, пора для души!
Ей, бедолаге, найдётся работа:
Доброе сеять и вечное что-то,
Или молиться в тиши...

Здравствуй, пора глубины
Непостижимого смысла и сути,
И поклоненья счастливой минуте,
Коей не сложим цены...

Здравствуй, пора, белых вьюг,
За ускользящей мыслью охота,
Память о прошлом на выцветших фото
Стаей уходит на юг.

Новогодняя

День короткий,
вечер длинный
И теней кордебалет,
Запах корки мандаринной
Из далёких детских лет...
Отголосок ностальгии
В этой ночи видно есть.
С Новым годом, дорогие!
Вас по пальцам перечесть!
Я тебя не укоряю,
Эмиграции река.
Я себя и вас теряю
Ни за понюх табака!
Оттого, что мы другие,
Вся изломана душа...
С Новым годом, дорогие,
Прежней жизни кореша !
Пусть по-новому невежда
Бьёт в свои колокола,
Лишь бы скромница-надежда
Вечно рядышком жила,
Да намеренья благие
Выстирала до седин...
С Новым годом, дорогие,
Он на всех у нас один.

Реальные фантазии

Рае К.

За случайным поворотом
Кран пожарный, столб фонарный...
По ступенькам, как по нотам,
Здравствуй, домик антикварный!
Вот знакомое крылечко,
Это я, бегущий Кролик...
Там горит камин, а свечку
Зажигают Мумитроли.
День, как след слезинки высох
У невесты под фатою.
Здравствуй, девочка Алиса,
Здравствуй, детство золотое!
Здесь мы жили, как дышали,
И минут не засекали,
Как умели утешали
Это наше зазеркалье...
Всем дялясь: землёй и небом,
Дружбой новой, песней старой,
Свежевыпеченным хлебом,
С берегов Невы гитарой...
Это сказка нас связала
Чувств невидимую нитью...
Тех, кто чувствовал – спасала,
Кто не понял – извините...
Если в душу нас пускают,
Будем, братцы, осторожны.
Эти обувь не снимают,
Те толкаются безбожно.
Знать освоились, осели
Да колючки отрастили...
Нашумели, насорили,
Без спиртого загрузили...
Меч для справедливой битвы,
Колет ближних безнаркозно,
Но покаяться в молитве
Никогда не будет поздно...
Позабыли кто откуда,
Посрывали гроздь гнева,
Но в Стране Большого Чуда
Есть Палач и Королева.
Морж и Плотник, кот Чеширский,
С бесконечным чаем столик...
Бывший подданный овирский
От себя бегущий Кролик...
Он спешит, сгущает краски,
Избегает пасторали,
Ибо в жизни, словно в сказке,
Почему-то нет морали.
Пошлость пыжится в гордыне
А уж времячко к закату,

Грустно... с веку и по ныне
Не бывает виноватых...
День, как след слезинки высох
У невесты под фатою...
Где ты, девочка Алиса?
Где ты, детство золотое?

Когда настанет август

Милочке

За окошком звезда-полуночица
Серебристой дугой пронеслась...
Не печалуйся, лето не кончится,
Пока нас не нарядует всласть.

Уведёт у любви до утра гостить,
Загадает звезду на заре...
Это будет всё в августе, в августе,
А сегодня июнь на дворе.

Он встретит цветастою просекой,
Камышами у кромки пруда,
И душисто-медовою пасекой,
Там над ней «Золотая орда».

Время праздновать, пестовать слабости,
И о яблочной грезить поре...
Это будет всё в августе, в августе,-
А сегодня июнь на дворе...

И не нам торопить в нетерпении
Дней, идущий вперёд, караван.
Губ касание, пальцев сплетение,
Сносит лодку к иным островам.

Где так ярки глаза, кудри так густы,
Что не помнится о сентябре...
Это будет всё в августе в августе...
А сегодня июнь на дворе.

Век уходит

Век уходит. Двухтысячный Лота женой
Вслед за ним... Не могли обернуться.
Все системы от солнечной и до земной
Прогибаются, но не сдаются.
Наших тайных желаний прозрачен секрет,
Но не ведая то беспристрастно
Время, строгий художник, готовый портрет
Переписывает ежечасно.
Ему вольно прилежно очерчивать круг,
За беспечность готовить расплату.
Кисти наших судеб, краски встреч и разлук
Размечают дорогу к закату.
Но и там дозревают в печи калачи,
Меж ладоней священные свечи,
Да в безлунной ночи небеса из парчи,
Да негромкая песня под вечер.
Там любимые плечи плащом оберни
Разговоров неспешных, домашних,
Облетают снегами студеные дни,
Оседая грачами на пашнях.
Так на что опираться, на что уповать?
Да на то что предписано Богом.
Ещё долго кукушке лета куковать
И подкове висеть над порогом...

Не списывайте на берег матроса

Когда тебе нашептывает некто:
Года берут своё, бросай штурвал...
Сидеть с погасшей трубочкой на кнехте?
Отбороздил своё? Отштормовал?
Когда по стеклам дождь ударит косо
И море жизни всхлипнет за кормой,
Не списывайте на берег матроса,
Какие наши годы ! Боже мой!
Когда планета бед сосредоточье:
Друзья уходят, лгут и предают,
А паруса, разорванные в клочья,
Не тянут, не звенят и не поют, -
В недобрый час мигни маяк с Фороса,
Где мы глушили ром и кальвадос!
Не списывайте на берег матроса,
Покуда он хоть чуточку матрос.
Нет времени! Над кончиком бушприта
Бледнеет нашей юности звезда...
Ужели всё хорошее забыто?
Я в это не поверю никогда!
Желание увидеть дальше носа
Разгонит облака над головой!
Не списывайте на берег матроса
Он штурман сам себе и рулевой.
Два океана материк качают,
Где мы поём с гитарами и без...
Лишь черствые сердца не замечают
Глаз матерей, взирющих с небес!
Молитва их любви многоголоса,
Звучит оберегая и храня...
Не списывайте на берег матроса,
Не списывайте на берег меня!

ТЕЛОМ НА ЗАПАД – ДУШОЙ НА ВОСТОК

Выбор

Тень звездно-полосого флага
Прозрачна, светла и легка,
"Индийское лето" в Чикаго
Спокойней, чем осень в ЧеКа.

Я прыгнул... Так прыгают за борт,
Воистину, выбор жесток,
И телом шагаю на Запад,
Я телом шагаю на Запад,
Лицом и душой на Восток.

А где помирать - все едино!
Вот день уплывает за днем,
Банально летит паутина
И клены объята огнем...

Но сердце мириться не хочет,
Любой отмечая пустяк:
Вот день по-иному грохочет,
И речь по-чужому клокочет,
И дышим немного не так,
Мы дышим немного не так!

А лес так привычно прозрачен,
Но призрачны ветви судеб...
Я вроде бы, не одурочен,
Всё будет и крыша и хлеб,

Едва только выпрямлю шею
И сердце запру на замок...
От мысли крамольной шалею:
Сумею, сумею, сумею...
Сумею ль? Сумею ль?
Сумею ль?.. Жаль Галич не смог...

Осень 1992

В нашей жизни все устроилось иначе...

В нашей жизни все устроилось иначе...
Нам не снилось и не думалось и вот:
На Форосе государственные дачи,
Где хозяина меняют каждый год!

Море пенится, вздымается игриво,
Но, наверно, ни тебе, брат, и ни мне
Не расчесывать прибой пенной гривы,
Этой некоммунистической волне.

Мы бродяги, мы цыгане,
Мы живем на Мичигане,
Не поем крамольных песен,
Не витаем в облаках...
Пойте, дети, говорите,
На английском, на иврите,
Шарик маленький не тесен,
Жаль не встретимся никак...

Нам бы жить да не крутить в кармане кукиш,
Не томиться бы у совести в долгу...
Есть такое, что на доллары не купишь:
Наши ночи на Форосском берегу,
Наши тайны, наши бредни, наши страхи,
Черным морем полированный загар,
Предпосле... да и последние рубахи,
И ворчанье, и бречание гитар.

Мы бродяги, мы цыгане,
Мы живем на Мичигане,
Не поем крамольных песен,
Не витаем в облаках...
Пойте, дети, говорите,
На английском, на иврите,
Шарик маленький не тесен,
Жаль не встретимся никак...

Все, что с нами происходит - все от Бога,
Не пеняю, не роняю слез скупых,
Да и надо мне, по-прежнему, немного
В этих стритах чисто бритых и прямых,
В этих гарбиджах, картинах и витринах,
В этих лицах, узкоглазых и цветных...
Приходите, приезжайте в лимузинах,
Не теряйтесь, не меняйтесь на иных.

Чикаго, май 1993

Осень 93

Яблоком осеннего налива
Катит жизнь неведомо куда...
"Никогда не поздно жить красиво!"
Быть счастливым тоже никогда...
Никогда не поздно быть свободным
И не горбить спину под хлыстом.
Ни к чему гонимым и безродным
Оставлять свободу "на потом"...

Горек хлеб и не проста дорога,
Но такая выпала судьба...
Здесь людей негусто, там- немного,
Там, где нынче пробил "час жлоба".
Все иное... да и мы иные,
Не ищи, нас прежних нет уже...
... Отстучали ходики стенные
На моем десятом этаже.

Бьет иное время дня и ночи,
Скорости иные, а душа...
Примириться, бедная, не хочет,
Все живет бывшее вороша.
Ей молиться б, радоваться жизни...
"Хлеб насущный, Боже, даждь нам днесь..."

.....
По льняной и ситцевой Отчизне
Хлещет дождь, такой же, как и здесь...

Чикаго, осень 1993

Halloween в Нью Йорке

Вины волна на Halloween
 Не радует, а впрочем,
Я не ханжа и не раввин.
 Как радуга не прочен.
Горит фонарик на виске,
 Страны объятья странны,
А пальцы тонкие в руке
 Прохладны и желанны...
Эгоцентрический парад
 Одежд и декораций,
Мой малопродничный наряд
 В огнях иллюминаций.
А тело вмиг отозвалось
 Прерывистым дыханьем,
Все это кончится, авось,
 Коротким замыканьем...
Запахнет Грузией, вином,
 Любовью и аптекой,
Спит фортепьяно чутким сном,
 С расстрескавшейся декой.
Похмелье во чужом пиру,
 Где сладок голос крови,
И под Вивальди поутру
 Ладонь у изголовья.
Ворчанье стали, лунный свет,
 Осколки сновидений,
Так мы оставили свой след
 На празднике мгновений.
И не повержен я смешным
 Проигранным сраженьем,
Пока ты держишь неземным
 Каким-то притяженьем...
.....
Вины волна на Halloween...

Давай поплывём...

Э. Гнесину

Нелепо, очнувшись зимы посредние,
К промерзшим насквозь родникам припадать...
Обидная правда из мертвой латыни:
Народу до черта, людей не видать!
Душе пилигирма - далекая Мекка,
Свет Иерусалима и Торы слова...
Я счастлив, сегодня найдя человека.
Бывает, порою, молва не права...

Припев:
Легко говорить ни о чём...
Поплывем по реке,
Что течет вдалеке,
В камышах пропадая.
Их отодвигая плечом,
Поплывем налегке,
Жаль, вода ледяная... ледяная...

Нас перековать, обжигая до крика,
Уже невозможно, да и ни к чему...
Здесь пахнут иначе полынь и клубника,
А прошлое наше в огне и дыму.
И вооружась фонарем Диогена,
По-прежнему, бурно скорбя и любя,
Мы вместе порою, и попеременно,
Но безуспешно все ищем себя!
Припев.

Короче наш путь в пересчете на мили
И лихо небесная вьется стезя...
Она и твоя, и моя и Эмиля,
И нам разлучаться надолго нельзя.
Сплетение рук, и дорог, и созвездий,
Мелькание лет и мелькание дней...
Мы и в одиночку по-прежнему вместе,
Так дышится легче и мили длинней...
Припев.

Нас качает волна...

Мише Каменецукому

Было детство чревато отитами,
Но... мозги нам лечила страна.
Если ватюю уши набитые,
И не вишь и не слышь ни хрена!

Помнишь, Миша, генсеку овации
И особую елку в Кремле?
А теперь мы с стобой на одном корабле,
Нас качает волна иммиграции.

Подучились, чуток раскумекали,
Повзрослели, протерли глаза:
Где-то жизнь за молочными реками,
Если вражки не врут голоса...

Смена почвы - особенность нации,
Жаль мы долго блуждали во мгле.
Но зато мы теперь на одном корабле,
Нас качает волна иммиграции.

Сядем тесно в кружок, словно в кубрике,
Прикасаясь к друг другу плечом,
И споем для себя, не для публики,
Нам найдется о ком и о чем...

Помнишь, Миша, суды да кассации
И чеканный портрет на рубле?
А теперь мы с тобой на одном корабле,
Нас качает волна иммиграции.

Мыслим дюймами, футами, милями,
Продвигаясь неспешно вперед.
Нас погода то балует штилями,
То по-черному - наоборот.

Берег радости - не декорации, -
Коль довериться этой земле...
Мы, дружище, с тобой на одном корабле,
Нас качает волна иммиграции.

Я люблю в этом доме бывать

Аллочке

За стеной, за окном, за спиной
Тихий дождик неспешный грибной,
Остро пахнет родной стороной,
Пирогом именинным, цветами...
Время сердце зажало в горсти,
Мне в земле этой не прорасти,
А тебе, дорогая, цвести,
И почти не меняться с годами.

То и это порой затевать,
Принимать, привечать, запевать...
Я люблю в этом доме бывать,
Утонув на диванной подушке,
 Слушать неторопливую речь,
Что-то сбросив тяжелое с плеч,
В разговорах друг друга беречь
И балдеть на домашней пирушке.

Это, милые, не пустячок.
Мы вращаемся, словно волчок,
А сорвется порой матючок, -
Что ж! Россия у нас за плечами.
Оттого-то, чего там скрывать!
Я люблю в этом доме бывать,
Пировать, кайфовать, понимать
Ваши радости, Ваши печали.

Апрель 1994

Американская цыганочка

Жене и Илье С.

Нам бы чуточку везения,
Да здоровья, да друзей -
Зарастет травой забвения
В наше прошлое highway
Ни Азова и ни Терека,
Ностальгия не грызет.
Хороша страна Америка,
Если только повезет.

Обтесала, пообъездила,
Пообтерла пух и мех,
А долгов-то понавесила:
Вы теперь не хуже всех!
Что для новеньких истерика,
Старожилау - сущий вздор.
Хороша страна Америка,
Если в заднице мотор.

А прошло всего чуток-то лишь, -
Так какого вам рожна?
Если сам не зарабатываешь, -
Заработает жена.
На Майями хватит берега,
Только выдюжи, спина!
Хороша страна Америка,
Если денег до хрена.

Ты куда, судьба, забросила?
Слава Богу, что живьем!
У совсем иного озера
Мы сегодня водку пьем.
Что ж ты врешь, бумага-метрика,
Не стареем ты и я!
Хороша страна Америка,
Если рядышком дузья.

1992

Если бы...

Сострил когда-то Пушкин: "Угораздило, друзья,
Родиться мне в России и с талантом!"
Представьте, стал бы Пушкин эмигрантом,
Ему б иная выпала стезя...

Ах, как бы жил он славно:
Наталя Николавна
Кружила б всех в Париже
Своею красотой,
А он, умен и весел,
Шутил бы, куролесил...
А кто ж весельем брызжет
У власти царской под пятой?

Советская Россия воистину беда
Не в меру любопытного таланта...
Вот Бабелю судьбу бы эмигранта!
И той Лубянки не было б тогда...

Купил бы домик в Village
Исаак Иммануилович...
А может и в Нью-Йорке
На Брайтоне и вот:
Он не расстрелян в зоне,
Он с нами на Гудзоне
И вот она Одесса,
И белый-белый пароход!

Страна то уकोшит, то голоса лишит,
Или еще: собьет тебя машиной...
Прости - прощай Союз, еще когда-то нерушимый,
Нам на свободе хочется пожить.

Прощайте воронье
И дымные пивные,
Мы здесь совсем иные
И трезвые вполне,
Но в этой круговерти
(Хоть верьте, хоть не верьте)
То Пушкин на пролетке,
То Бабель на коне...

1994

Письмо в Чикаго 1992

Держу зубами мат многоэтажный,
А он то там то здесь выходит вон.
Поелику работают неважно
Правительство, желудок, телефон!

Пока придет валюта деловая,
Покуда "деревянный" оживет, -
Работает сволота теневая,
Которая и мелет и кует.

Припев:

Все то, что наболело - околело,
Все то, что околело - не болит!
И на продажу и мозги и тело,
И то, что мама делать не велит.

Хранит нас Бог, запоры и заборы,
И то, что накопили прозапас...
Законы спорны, а в законе воры!
И не погас энтузиазм масс,
Всегда живущий в пролетариатах.
Тогда вперед. Где водка? Где махра?
Им только покажите виноватых...
Крутые молодые фюрера!

Припев.

Пускает пузыри сопротивление
И нет крамольных мыслей в голове.
Аэрофлот дарует сновиденья
Для избранных и то за эс ка ве!
И тыщу лет покой нам только снится!
Средь копоты и грязи "на совке"...
Нам впору штурмовать свои границы,
Но как всегда, граница на замке.

Припев.

Родная иммиграция не сетуй!
Все ваши неурядицы - дерьмо!
Мы пишем письма нынче на кассету,
Она уже дешевле, чем письмо!
Мы с вашей ситуацией знакомы,
И только нехватает пустяка:
Я намекну - готовь аэродромы.
До встречи, до свиданьица, пока...

Аналитические куплеты

Судьба со мной сыграла шутку злую:
Перешвырнула через океан...
Любя народ, трубя напропалую,
Страна опорожняла мой карман!
Прогнозам вопреки я все же с Вами,
Акулам капитала не еда.
А мог бы отдыхать бы на Майями,
Но, из объятий вырвавшись с боями,
Свалил... но совершенно не туда!

От нас до них полету... нет, не сутки!
14 часов - и ты в раю!
Мне тычут телефоны проститутки.
Мне Буш вверяет Родину свою!
Прогнозам вопреки, Вы говорите,
Не принял никаких серьезных мер?
Я мог бы отдыхать бы во Флориде,
А ежели хотите, на Таити,
Но я, как сэр, вернулся в эс эс эр.

Забыл очаровательные ночи,
Чужой обворожительный пейзаж,
Где Пентагон стальные зубы точит,
Где "Пэтриот" испытан, но не наш.
Я начисто лишен замашек барских,
Мне избыток ихнее не впрок...
Я мог бы отдыхать и на Канарских,
А не уютится, сидя по-татарски,
Вблизи неповторимых Ваших ног!

Извилины спрямляю по привычке,
Дороги выбираю потрудней,
Икру из кабачков, по благу спички -
В итоге вялый счет из трудодней.
Ну, я такой! Придите, посмотрите.
Не верится? Потрогайте рукой.
Я боссом мог бы стать на Уолл Стрите,
Так не корите, лучше накормите...
Ведь я Вам дорог именно такой.

1991

Письмо руководителям развитых стран,
Написанное в минуту отчаянья и волнений
о судьбах моих единоверцев

Гутен морген, Канцлер Коль!
Здрасьте! Битте-дритте!
Мы ответим Вам: Яволь!
Только позовите.
Ганза люфт (а может лифт?)
Кофеек, лимон и...
Расстоянье сократив,
Высадимся в Бонне!

Гутен абен, Канцлер Коль,
Мы, на радость готтам,
Фатерланд освоим вдоль-
Поперек в два счета!
И наполним города
Музыкой прекрасной!
Извели своих тогда
Немцы понапрасну...

Гутен абен, гутен таг!
Мы пока тутешні*...
Тонем в ворохе бумаг,
Хоч и незалежні.**
Каждый на слово остер
"В сім'і вольній, новій", -
Только крылья распростер
Адлер двухголовый!

Гутен абен! Ком агер!
Нам живется туго...
Вы меня зовете "хер",
Что же, по заслугам...
Юден фрай... Пора спешить
Из глубокой жопы.
Очень хочется пожить
Посреди Европы.

Хай! Хеллоу, мистер Буш!
Голубок наш сизый,
Мы за гуж возьмемся уж,
Дайте только визу!
"Вы на кой нам? На шиша?
Голы да разуты...
Всех устраивает США...
Жаль, но нет валюты..."

И ни Коль, ни Миттеран,
Даже Буш не смог бы
Души вылечить от ран,
Цезия и смога...
Адоним Рабин, шолом!

Как-то утром ранним,
Спрятав в задницу апломб,
Мы к тебе нагрянем...

Украина 1991

- * местные (украинский)
- ** независимые (украинский)

Старт

С печатью бумага, бодяга, передряга,
Поклонниц ватага (еще один барьер)
Под сень чужого флага седеющий бродяга
В бандитский Чикаго летит из эс эс эр.

Счастливо, счастливо!
Вот баночное пиво,
Оранж из Тель Авива,
А это только старт.
Простите, Бога ради,
Лечу, весь опыт сзади,
И бомбу в шоколаде
Вручает мне стюард.

Сосед кивает: граци... Мы ж, дети разных наций,
Боимся провокаций и, пристегнув ремни,
Стремимся, что резонно, добраться до Гудзона,
А здесь моя персона "нон-грата" - извини!

Пол-шага до шмона,
От зоны - до ОМОНА,
От тупости купона
До "Коки" за мерси...
Крещу живот интимно
Под плач родного гимна,
Прощай, мой город дымный,
Селедка "Иваси"...

Прощай, на сахар норма, платформа и реформа,
И доза комбикорма, менты и Бэ Тэ Эр,
И мафия, и рента, и рожа президента,
Все сложности момента - короче: эс эс эр!

Цепная забота
"Надежды и оплота".
Всем из тебя охота,
Хоть локоть укуси...
Прощайте эврибади!
Проблемы где-то сзади,
Улыбка на фасаде
И убраны шасси!!!

Январь 1991

Письмо из Чикаго

Привет, «совки», пишу к Вам из Чикаго.
В бассейне ноги, гёрл у плеча.
Все это пустяки, иные блага
Здесь просто по заветам Ильича.
И лайбрери (экскьюз, библиотека).
И пицца для мозгов и живота...
Они наш лозунг: "Все для человека" -
Еврея, мексиканца или грека,
Буквально вырывают изо рта.

И не спасают виски и лекарства,
А удивляться просто нету сил!
Все это компромат на Карла Маркса.
Чего трендел он? Кто его просил?
Зачем позвал в зияющие дали
Страну, в которой можно б жить да жить?!
Мы, братцы, обожглись на "Капитале",
А те что поумнее - умотали,
Чтобы сандали в кучку не сложить...

Привет, моя немытая Россия!
Тебя любили, но издалека:
И Герцен, и женевский наш мессия,
И гордый буревестник, - я ж пока
Пакую чемодан невероятный
(Ну как же не порадовать семью?)
И комкаю билет на путь обратный,
Одет, обут, и где-то даже статный,
Я песенку прощальную пою:

Привет, совки! Спешу к Вам из Чикаго,
Детройта, Филадельфии... Привет
От Нёмы и отца "Архипелага",
Иосифа и Васи (Ви хев мет!)
А также и от тех, кто и поныне
Средь будней раскаленных до бела
Тоскует среди зелени и сини
О радиоактивной Украине,
Где наша с ними молодость прошла!

Ресторанный дебют

Дело не запутано. В штате Иллинойс
Помню, у "Распутина" выпить довелось...
Песенкой побаловать бывших россиян,
За победу вкальвать, как Моше Даян.

Белая скатерка,
Трепетный хрусталь,
Весело и горько
Подпевает сталь,
Но надежда хилая
На крутой роман,
Между нами, милая,
Цельй океан.

В зале не политики. Кушают и пьют.
Выше всякой критики водка "Абсолют".
Им на кой (не зря ли я)? слезы и ОВИР?
И сыны Израиля, и Ицхак Шамир?

Белая скатерка,
Ломятся столы,
С рюмочкой "шестерка",
Крики похвалы.
Вижу, не насилая,
Буду сыт и пьян...
Между нами, милые,
Водки океан...

В души Ваши с "фомкою" не ломился я,
Но в объятых комкает иммиграция...
И летим, добрея, мы в сказочном пике
С русскими евреями в русском кабаке.

Белая скатерка
Скомкана судьбой.
Вылет из Нью-Йорка,
Празднику - отбой!
Где цвела смородина,
Вымахал бурьян...
Между мной и Родиной
Только океан...

1991

Собери нас, Сеня!

Крутовата, что ни говори,
Эта примечательная дата.
Собери нас, Сеня, собери,
Даже если будет тесновато!
Собери и чаю завари,
Бог с ней, с водкой, перебьемся, братцы!
Полный мрак. Разбиты фонари,
Муторно снаружи и внутри,
Но давайте все же собираться!

Нас немного, в этом прав поэт,
А врагов - ошибся, очень много,
Даже в переменах проку нет,
Все округ печально и убого...
И пока не грянул трубный глас,
Не пришла минута беспредела,
Дорог свет знакомых лиц и глаз,
Тот, что нужен именно сейчас,
В час, когда полстайа улетело...

Широка родимая страна,
Много в ней... но не того, что надо,
А того, что хочешь - ни хрена!
Здесь не Иллинойс и не Невада,
И не Гефсиманские сады,
Где друзей преследуют виденья,
Как сомкнув нестройные ряды,
Мы своею глупостью горды,
Празднуем обычный день рожденья...

Ты гори звезда его, гори,
Но не красным, а прекрасным светом.
Собери нас, Сеня, собери,
Накорми обычным винегретом.
Собери и чаю завари,
Мы пьяны от запахов осенних,
За окном, надеждой на спасенье,
Ты гори, звезда его, гори!

Суэта, дай-ка место Надежде.
Ей бы здесь ночевать и дневать!
Жаль, она не такая, как прежде,-
Чему быть, того не миновать.
Всё ж приходит... И не в одиночку!
Крикнет гусем, спасающим Рим.
И приводит и внучек и дочку,
Пьём чаёк, говорим, говорим...

К старикам не идут от безделья
В этой самой прекрасной стране.
Плохо и без друзей, и без денег, -
Без детей существуют вполне...
Доброта – подзабытое средство
Для родительских слабых сердец.
А наследство, что родом из детства,
Тихо тает, что твой леденец.

Жаль под звёздным и под полосатым
Флагом (в самой богатой стране),
Не сподобился стать я богатым,
Впрочем это нормально вполне.
Но за несколько зим или весен,
Среди крупных и мелких причуд,
Накропал пару простеньких песен,
Но таких, что не стыдно ничуть.

Нет, за них не получишь ни цента,
Лишь немного тепла к холодам,
Не пристроить их в банк под проценты,
Для подмоги преклонным годам.
В них сидит непонятное что-то,-
Из которого шубы не сшить...
Пару строк неразборчивых, нота...
Три аккорда... и хочется жить!

28 мая 1999 года

Звезда над дорогой

Марте А.

По весеннему зябко и сыро,
И кольшет дорог забытьё.
Беспокойные дети эфира
Поднимают антенны копьё.
Выбираясь из шорохов станций
Возникают тепло сохраня,
И сомнений холодные пальцы
Уступают надежде меня.

Пусть иные, как прежде далече,
Вы же не из заоблачных сфер...
Я скучаю по музыке речи
С беспокойно рокочущим “эр”...
Надвигается города глыба,
Убегает волна в никуда...
Но я помню: в созвездии “Рыба”
Есть её небольшая звезда.

Мне луны золотая заплата
Раздвигает дорожную тьму,
И раздумий шестая палата
Пусть не надолго, но ни к чему!
Я живу по березкам не плача,
Лишь бывшее и думы во мне,
Да шаланда с названьем “Удача”
По утрам на знакомой волне...

Разорвавшись на дольки равные,
Словно солнечный мандарин,
Я бы знаки вниманья явные
И не явные всем дарил.

Жить рисковано, жить расковано -
Оказаться в душе с дырой!
До чего же мы бестолковые
И безжалостные порой...

Море жизни всегда в волнении,
Но привывкнуть нам не дано...
Вот и капает яд сомнения
В счастья благодное вино.

После маемся, после каемся,
Возвращаемся на круги,
Ошибаемся, но пытаемся
Знать где наши, а где враги.

Не едина дверь заколочена
От немислимой той возни...
Так советская чревоточина
И тебя и меня казнит.

Оттого-то и души рваные,
Что не в силах на всех один
Разделиться на дольки равные,
Словно солнечный мандарин.

Баллада о подземном переходе

Памяти Наташи Берман

Над гитарой чёлочка из пакли,
Эхо на пол-шага отстаёт...
В переходе розами не пахнет,
В переходе женщина поёт.

Не чураясь серебра и меди,
Опираясь о рекламный щит,
Позабыв, что выгнали намедни,
О любви пронзительно кричит.

Бьётся голос в стенах перехода,
Бряцает гитарная струна,
И всего еврейского народа
Мука на лице отражена.

Родины дороги и остроги...
Гулко «эр» раскручивает стих.
Что ты им о Правде и о Боге?
Хватит им забот и без твоих...

Позовёт смущённою улыбкой
Над футляром вместо кошелька,
Конкурент с классической скрипкой...
И прервёт течение ручейка.

Женщина поёт, швыряет зёрна
На бетон протоптанный до дыр...
Нищим быть поэту не зазорно,
Он незрячим глас и поводырь.

А вода по стеночке сочится,
И не остановится никто...
Выглядит то раненой волчицей,
То ковёрным в жалком шапито.

Запрокинув голову поёт и
Смотрит на прохожих свысока...
А над нею Форды и Тойоты
Мчат, не понимая языка...

Не от мудрости ль житейской
я предчувствием томим?
Санта Клаус мой еврейский
укатил в Иерусалим.
В свете скудного огарка,
об утерянном скорбя,
Я не жду уже подарка
от него и от тебя...
Год уход не обозначит,
не споёт труба отбой,
А судьба в архив упрячет,
всё, что связано с тобой.
Занесёт в графу "потери"
неспасённую любовь...
Ах, как больно в это верить,
но судьбе не прекословь.
Выноси её удары
и дыши, открывши рот.
Это в юности задаром,
нынче - денежки вперёд.
Рассчитаться б, не сорваться
и в беде не спасовать,
И с любимой просыпаться,
от страсти уставать.
Быть единым во трёх лицах,
делать то, к чему привык,
Быть и притчей во языцех,
таблеткой под язык...
От помоста до погоста
"дольше века длится день..."
Уцелеть совсем не просто
мне с мозгами набекрень

Течение наших рек спокойнее и тише,
Забвения трава растёт по берегам,
Прощай “железный век”, иной в затылок дышит.
Вот падает листва, смолкает птичий гам,
Беззвучные часы мир не оповещают,
Не двигают с ума ни боем, ни звонком,
И стрелочки усы колёса не вращают,
Полки слизала тьма коровьим языком.
Да... Счёт пошёл на дни... Промашки и смятенья
Своих друзей седых мы холим, хошь не хошь!
И вырастут они размером в преступленье...
Ты ветер не посеи и бурю не пожнёшь.
Пока воздушный столб не гнёт и не корёжит,
Волной на рубеже вздымаются бока...
Ещё за общий стол усядемся быть может,
Подумав о душе, плеснём вина в бокал.
И то что, столько лет нас связывало прочно,
Легко наложит швы на раны наших бед,
Не дымом сигарет, не пьянкою всеночной,
А тем, чего увы, давно в помине нет...

Мичуринское

В эту землю пересажен,
Разум необезображен
Знанием чужого языка.
Но зато навалом каши,
Слева наши, справа наши,
Каждому - молочная река!
Ветви тонки, корни хрупки,
Необдуманы поступки,
Но обратно, кажется, не рвусь.
Древо из чужого сада...
Поливать меня не надо,
Если приживусь, то приживусь
Эх, дороги пилигрима!
Кто их Рима, кто из Крыма...
Наших, правда, видно за версту!
Льют дожди, метут метели,-
Получили, что хотели.
Вот весна, и может прорасту.
А пока я дурью маюсь
И за доллар кувыркаюсь,
Утешают близкие друзья:
Кто-то скепсисом здоровым,
Кто душевным тёплым словом,
Кто-то мёдом сладкого вранья.
Подставляй, дружок, посуду!
Гадом буду, не забуду...
Разгонюсь, подпрыгну, полечу,
Обласкаю, обустрою,
Хоть и сам в душе с дырою,
Чем смогу с лихвою отплачу!
Даже если буду нищим,
Поделюсь теплом и пищей:
Питой, пицей, хлебом, калачом...
Ничего для вас не жалко!
Другу - всё, собаке - палка.
Впрочем здесь собака ни при чём.

Е.Б.Ж.

«...надеюсь на встречу, Е.Б.Ж. (если буду жив)»

Лев Толстой в письмах

Хорошо леталось, братцы...
Пелось, прыгалось, спалось,
Не заглядываясь в святцы,
Безнаказано пилося.
Ну, вчера... Совсем недавно...
Кто ещё, а кто уже...
И рука моя исправно
Пишет в письмах Е.Б.Ж.

Е.Б.Ж., Е.Б.Ж...
В беспредложном падеже.

Стала улица негладкой,
А над нею воспаря
Нимфа юная... Украдкой
Смотрят сверстники, а зря.
Укрощают, то что пашет,
Обязует положе...
Коль тебе в башку втемяшет
Классик фразу: Е.Б.Ж.

Е.Б.Ж., Е.Б.Ж.,
Есть куда попасть вожже!

Жаждет око мёда в сотах,
Даже если зуб неймёт.
Всё чижом свистеть охота,
Но уже не тот помёт...
Удержи коня за гриву!
Не сорвись на вираже.
Не разбился – быть счастливу.
И добавлю: Е.Б.Ж.

Е.Б.Ж., Е.Б.Ж.,
Рай устоим в шалаше.

Хряк жиреет, бисер мелкий,
Всяк лелеет свой удел...
Глядь, на «юзаной» тарелке
Гуманоид прозвездел.
Всё путём. Всё наше – с нами:
В книгах, детях, багаже.
Не рубахой так штанами
Поделюся Е.Б.Ж.

Годы скачут, как дражке.
Пусть ни Е., ни Б., ни Ж.,
В эту глупость не вникая,
Пребывайте в кураже!

Антиресторанное

В этой жизни окаянной,
Может вам и невдомёк,
Мне во чреве ресторана
Всё уютно поперёк!
И в покинутой Отчизне,
И в стране миллионных жил
В ресторанах праздник жизни,
Той, которой я не жил!

Толь не дожил до безделья,
Толь до истины в вине...
Рестораны и веселье
Не стыкуются во мне.
Я пытался быть галантным
И об этом ни гу-гу...
Быть всё время толерантным
Я старался... не могу.

Говорю себе: не кисни!
Вон – шампанское рекой...
И немного больше шизни,
Спецефической такой...
Рюмку хряпки, дуркой брызни,
По колено гладь морей!
В ресторанах праздник жизни...
Почему-то не моей!

Речное

Серёже и Ане Свербиловым

Жизни вёсла весёлыми крыльями
Раскручу, пятерней обхватив.
Сколько лет по течению плыли мы,
А сегодня давай супротив!

подавляя к себе сожаление,
Выгнув спины в крутую дугу,
Поскользим, удивив население,
На прекрасном чужом на берегу.

Оттолкнёмся привычно-раскованно
От черты за которою тьма
Души, памятью татуированы,
Открывают свои закрома.

С губ срываю одни междометия,
Нам весна предоставит кредит!
И какое там тысячелетие!
Кто запомнит и кто уследит?

По Днепру, по Донцу и по старице,
Что Черничным зовут озерцом,
Мы вернёмся и прямо у станции
В трын-траву окунёмся лицом.

Отзовётся печальными струнами
То, чему уцелеть суждено...
Здесь мы были бессовестно юными...
Боже, как это было давно!

И нахлынувшей горечи полон я
Тихо праздную рай в шалаше...
Ведь, прошедших и воду и полымье,
Возвратить невозможно уже...

Разве только помятою, медною
Протрубившей «тревогу» трубой...
Поднимающей войско несметное,
То, где мы непременно с тобой...

Подруге

Когда заплачут монотонные
Дожди за тоненькой стеной,
А небо, некогда бездонное
Затянет скучной пеленой,
Когда над полем нерасцветенным
Декабрь вытряхнет суму,
Когда под вечер делать нечего
И тени прошлого в доме...
И телефона незвонящего
Терпеть молчанье нелегко,-
Напоминаю ненавязчиво:
Есть мы, притом недалеко.

Тамада

Голова моя седа... А ты помнитшь, Тамада,
Худо было не всегда в прошлой жизни
А у новых берегов ни опор и ни оков,
Сгинуть пара пустяков без Отчизны.
Нашей юности года, как весенняя вода,
Отшумели, Тамада, нет их боле...
Отчего ж я сыт и пьян через море -океан
Поднимаю свой стакан полный боли?
Тамада, Тамада, не ветрами нас сюда
Занесло не на года – навсегда, по Божьей воле!
Нам не даром, Тамада, светит в зной и холода
Пилигримова звезда Перекати-поле.
Тамада, тамада! Не ветрами нас сюда,
Занесло не на года нас стобой по Божьей воле...
Наливай-ка , Тамада, нпгадай-ка нагада...
Ветры выкатят куда перекасти-поле...
Может небо посиней, только бури посильней...
Как же это без корней, что я значу?
На погостах тень утрат, стон некрашенных оград,
Этой памяти не рад, пью да плачу...
Оглянулись - мы не те... В неприкрытой нагоде
Без обиды в тесноте жили -были...
Новый Свет и пьян, и сыт, перекошен от обид,
Даже друга дом забыт: или - или!
Тамада, Тамада! Всё бывает, не беда!
Отчего ж я, иногда, сострадательн, не боле?
Оттого что, Тамада, в дырах наши невода,
Счастье катится туда перекасти-полем...
Тамада, Тамада! Дети наши - кто куда!
Знать, от Божьего суда убежать никто не волен...
Я в смятеньи, Тамада, чем душа была горда,
Укатилось без следа перекасти-полем...

Германское

Внизу земли оживший глобус,
Рассвета кант...
Сел, с желтой птичкой аэробус
На Фатерланд.
Юнцов весёлое соседство,
Девичий альт...
А мне война кричит из детства:
«Цюрюк» и «хальт».
Не тронул стены древних башен
Столений бег...
А под землёю наши, наши...
Двадцатый век.
Там лик узрев единовеца -
Не осужу,
Но в разговоре память сердца
Не обнажу...
Соборы каменные строги
И холодны...
Там полицай у синагоги,
Как часть вины.
Там время прошлое вспахало
В умах людей!
И не под Мюнхеном Дахау,
А Бог весть где.
Проси, проси прощенья, Папа,
А Он решит
И пеплом здание гестапо
Припорошит...
.....
Когда в закатном освещеньи
Рейхстаг горел,
Подумал я о всепрощеньи...
Но не созрел.

Давай, брат, попеняем на судьбу...

Давай, брат, попеняем на судьбу,
Поплачем о её несовершенстве,
О дураках, живущих во блаженстве,
О мудрецах, блаженных во гробу.
О крае обцелованных вождей,
Где в реках, что ни рыбка,- то пиранья...
Живу, шалея от непониманья,
Казалось бы, таких простых вещей!
Мы молоты метали и серпы,
Пред пошлостью сегодня бисер мечем...
Оправдываться незачем и нечем,
Гол и король, и мальчик из толпы...
Скажи, кому нужны игра ума
И смысла потаенные глубины?
Но видит Бог, мы, все-таки любимы,
Хоть поняты не многими весьма...
Давай рванём рубахи на груди...
Пусть даже мы костями где-то ляжем,
Играючи докажем с эпатажем,
Ещё не вечер, что-то впереди!
И ежели с горы - то кувырком,
А с ярмарки, так тоже не в убытке...
Не с мелочью какой: иголки, нитки...
А с песенкою, в шляпе и верхом!

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЯМ И КОМПОЗИЦИЯМ

«КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ»

(По прозе Исаака Бабеля)

Пролог

Моя давняя и небезответная любовь, переменчивая, как цвет моря, пылкая и рассудочная одновременно, то сентиментальная, то насмешливо-наглая, то деловая, то ироничная, но всегда ни на что не похожая (и похожая на все сразу) - Одесса,

Вечер в Одессе. Угол Дерибасовской и Колодезного переулков. Крутые ступени вдоль мраморной плесени стен в царство пивного короля. "Гамбринус"... Знатоки сделают стойку, но я не буду с ними спорить. Конечно, это не "тот" подвал, который гениально прославлен А. Куприным. Не тот... Но и этот не плох.

Своды подвала заглушают звон посуды, возбужденные голоса отяжелевших от пива посетителей, шарканье ног, грохот передвигаемой мебели (это сбиваются в стаи по интересам), угар, запахи начала века и заката его конца.

Говорим о чем угодно, но я, как хромая лошадь, поворачиваю "оглобли" разговора в сторону дороги, имеющей начало, но не имеющей конца. Там светло от печали и зябко от ума, а мой возница, летевший по жизни с "гибельным восторгом", - Исаак Бабель. И дело не в том, что мною перечитано почти все из когда-либо им написанного (из обнаруженного, а точнее: из неуничтоженного), не в том, что вспаханная им почва еще будет и будет рожать мопассанов, не в прелести и обаянии этого колдовского подвала, а в звучащих во мне голосах его героев...

Песни героев И. Бабеля... Я их слышу. Что поделать, слышу и все тут! А воспроизвести страшно. Вдруг нарушу гармонию Творца.

Время беспощадно ко всему, особенно когда ему активно помогает глупость. Исчезает одесский колорит. Почти не слышно неповторимое "одесское арго". Но не все так мрачно! Пока шутит Михаил Жванецкий (спасибо ему), пока еще хоть кто-то "держит марку" Одессы, и многие другие "пока" - нам хочется песен. Так их есть у меня!

Григорий Дикштейн

Жестокое танго

Нет, мы не вкусили свободы России...
Достойных косили вождя холуи,
И в жажде по силе они голосили:
"Ты родина - серп! Мы - колосья твои..."
Вязали снопами, пел рупор на память:
"Не будем рабами...", но в этом бреду
Считали зубами, коленями, лбами
Ступени на Каме, на БАМе, в аду...

Нас лихо ковали, нас в землю вбивали,
Легко предавали нас "в доску свои"...
И звезды в эмали спасали едва ли...
Ты Родина - молот! Мы - гвозди твои...
Мы - алые гвозди на лобном помосте,
Кровавые гроздьа на гибкой лозе,
ГУЛАГовы гости в замшелой коросте,
Мы страшное семя на красной стезе.

Поборники цвета, не ржавчина ль этот
В умах и газетах спасительный цвет?
Но вместо ответа лишь колокол где-то,
Да голос поэта: "Мы были - и нет!"
О, сколько урона! Молись на тирана
И саван закона, как хочешь, крои...
Дай больше озона, спасай поименно!
Ты, Родина - крона! Мы - корни твои...

Версия

Памяти И. Бабеля

Еще один враг... Очкарик
Качнулся к стене лицом...
Палач раздавил чинарик,
В затылок плеснул свинцом.
Убитый рукой народа
Небритой сверкнул щекой,
Но Петр закрыл ворота,
А дуло отвел рукой.

Палач ухмыльнулся косо.
"Браслеты" апостол снял
И молвил: "Анклойф, философ..."*
Философ ему не внял.
Тать пушкой ерошил патлы,
Вязал желваков жгуты...
"Живучи, цедил он, - падлы,
Российской земли жиды!"

И пулю дослал и сладко
Нажал спусковой крючок...
И брызнула пылью кладка,
Оранжевым кирпичом,
И ропот достиг предела,
Но руки развел Господь:
"Бессмертно таланта дело,
Но смертна живая плоть..."

Разнузданной "Тройки" жертва,
Враг непосвященных масс,
В плюющие смертью жерла
Смеялся в который раз:
"Бесцельно у Вас занятье.
Мы смертью и смерть поправ,
Вернемся через проклятья..."
Он был, безусловно, прав...

* Анклойф - беги (евр.)

Биография

Папашка испоганил море крови,
Крутился, нанимал учителей, -
А мальчик не хотел сложить здоровье
На почву добывания рублей.
Вокруг же бесновалась природа,
Акации и женщины цвели...
А стоны возмущенного народа
Кто слушал глубоко из-под земли?

На шестнадцатой станции море и бычки,
Словно признак нации: скрипка и очки,
Плечики обвислые, взгляд исподтишка,
Но набита мыслями курглая башка!

А шо такое шо, скажи на милость?
Налетчик Пятирубель стал боец.
Поскольку революция случилась,
Он старым штучкам положил конец.
Забитый мальчик Бабель, этот цадик,
Гоцает с револьвером на ремне...
Какой там никакой, а все же всадник,
Не пешка, а при сабле, на коне.

На Привозе вымерло, хоть гоняй собак...
Можно корку выменять на потертый фрак,
Возле квелой лошади птичка ждет обед:
Прыгает по площади, - а навоза нет!

Вернулись с печальными глазами
Борцы за распрекрасное житье,
Что шло, как флотский тельник - полосами,
Покуда не повымели смитье...
Пришли живые лечь на Лонжероне,
Где шкары не скидай, а то сопрут,
С мечтой об там, где женщины и кони
На травке словно чистый изумруд...

На Девятой станции, словно арестант,
По гармошку с танцами жил себе талант
И писал, как каторжный, под брехню собак,
Искренний, загадочный, честный Исаак.

Звезда полей

Качает люльку месяц моложавый,
С устатку засекается конек,
Покрыта шашка кровушкой ржавой,
Вот победим - умоется клинок...

Припев:

А по земле трава некошена,
Хата заброшена -
А мы в седле...
И тьма уложено народу
За распрекрасную свободу
Во чистом поле, в ковыле...
Вражина контра вяжет наши руки
И вскинуть звонкий молот не дает,
Ох, да постыло с милой жить в разлуке,
Того гляди слезами изойдет...

Припев.

Звезда полей горит над отчим домом,
Там сладкий дух парного молока
И ветерок ласкает по-другому,
И матери печальная рука...

Припев

До местечка

До местечка Берестечка
Я несю коню уздечку.
Там видали у Гедали золотого скакуна,
Я прошу, чтоб мне продали.
Отвечают: "Ни хрена!"
До местечка Берестечка
Я несю золото колечко.
Там видали у Гедали шелком шитое седло,
Я прошу, чтоб обменяли.
Бают: "Время не пришло".
До местечка Берестечка
Я несю свое сердечко.
Там видали у Гедали полушалок дорогой...
Не рубились, не стреляли б!
Ох, мы б зажили с тобой!
У местечка Берестечка
От крылечка крови речка...
Ни цветастой полушали, ни седла и ни коня,
Ни хозяина Гедали, - только горе да война..
До местечка Берестечка
Я несю коню уздечку,
Я несю золото колечко,
Я несю свое сердечко...
Только горе да война...

Раненый

Головешка ли, огонь под рубахой?
Шашку золотопогонник-рубака
Сунул в брюхо... мать ядри! Неумельй...
Вишь я красный изнутри... Рожей белый...

Я свободу воевал, гнил в окопах,
Не за баб да сеновал землю лопал...
Нынче комкаю письмо в пальцах синих,
От убитого с тесьмой шаль - Аксинье...

Помираю... пожалей эскадронный...
Догораю на жаре, нет патрона...
Ствол нагана. Черный рот. Слезы в зенках...
И... пульсирует нутро на коленках...

Дорожная песня

Солнце белое палит, сотня красная пылит...
Убивать отца и брата бог мой, совесть, не велит.

Конный ты, иль пехотура,
Нынче смерти диктатура,
Ожигает пуля-дура,
Заедает вошь...
За державу-мать радели,
Даже телом оскудели,
Постны щи без соли ели,
А цена им - грош...

Солнце красное палит, сотня белая пылит...
Убивать отца и брата бог мой, совесть,
не велит.

Нынче худо, надо б лучше!
Не добыча в этой буче:
Кумачовые онучи, красные слова...
Нам бы живу быть - не боле,
Ключ найти во чистом поле,
Ломоть хлеба, щепоть соли, -
Радуйся братва!

Кровь родная на меже, на тяжелом палаше...
Со святыми отпевают упокой его душе..

Межи - пухом, вежи - прахом!
Дуй душа чумацким шляхом,
Крохи счастья - малым птахам,
А тебе - весь свет!
Под щекою опаленной,
Под чуприной убеленной
Ручеек слезы соленый, -
Бывшей жизни след...

Соль, соль, соль...
Бедовали, добывали
Соль, соль, соль,
Черта веселя!
Битва - это, брат, работа,
Вся от крови да от пота
Солона земля...
Соль, соль, соль...

Алиби

Ша! Послушайте ушами...
Вы, укутанный в пижаме!
Наши мальчишки в пластронах презирают пуль
И выходят брать излишки,
Пушки спрятаны под мышки
И насыпаны патроны Соне в редикюль.

А мы пошли неспешно в номера,
В пленительный салон мадам Алешкер,
Там с девочками щелкали орешки
И в шахматы играли до утра...

Миллиарды гнили в теле
Сейфа маленькой артели...
Сеня слева, Бенья справа –
Дальше, Божий суд!
Но Король гораздо выше,
И за это смачно пишет
Постоялец тети Хавы,
Мудрый, как талмуд.

А мы пошли в синемаграф "Арс"
Смочить сюртук слезою благородной,
Смотрели фильму с Верочкой Холодной
И никогда не потрошили касс.

Старый Цирес недостойно
Нас навел и он покойный!
Ты спроси для интересу:
Кто? Какой босяк
Хвост поднял на Исаака,
Что не фраер, не писака,
Сочиняет за Одессу,
А не лишь бы как?

А мы пошли, не пачкая штиблет,
Дворами, ибо нет другой дороги.
Нас видел Блиндер, сторож синагоги...
Стреляли где-то? Чтобы да, так нет!

Годы-птички улетели...
Кто в гробу, а кто в постели...
С ишиасом и одышкой,
Ой, какой налет!
Завязали - значит баста!
Но очкастый-головастый
Пропечатал нас, а книжка
Всех переживет!
Так мы пошли?

Нищий философ

А мне сдаётся ветра нет. Скидайте байковый жилет,
Мы по аллеям погуляем постепенно.
Там за воротами стрельба и перемены,
Но я пока еще имею интерес за этот свет!

Оставим глупые слова, они вылезут, как трава,
Вы лучше шлепайте в шаландах парусами...
Из вас родятся мудрецы и мопассаны.
А дальше что? Пускай за то болит у Дюка голова!

А люди бывшие лежат косточка к косточке,
И каждый ящичек прижат дощечка к досточке,
Там каждый нищий - это франт с клюкой и с посохом....
Там закопают мой талант - талант философа.

Хотите правду за медяк? Свободу с порохом едят
И умываются в крови холоднокровно...
Европа-дура с нас смеется, безусловно!
Когда колотится, как бешенный, народ на площадях...

А вы все ходите бочком. Зима за стеклами очков...
Там даже солнечные зайчики издохли.
Вы души ловите? Смешные мефистофли!
В кармане фи́га, а под носом не просохло молочко...

А люди разные лежат косточка к косточке,
И каждый ящичек прижат дощечка к досточке,
Там каждый нищий - это франт с клюкой и посохом...
Там закопают мой талант - талант философа...

Диалог

- Кто видел вашу драку на крестинах в Конотопе?
Вот свадьба, тычет фактами под нос:
Налетчики во фраках, штаны трещат на Степе,
И падают червонцы на поднос!
- Кто главный между главных?
- Вы думаете Лева? Я вас прошу, сходите до врача!
Тут вы ошиблись снова. Вот честное вам слово:
У них один король! Ах, вы не знаете такого?
Ну дай вам Бог не свидеться, особо по ночам.
- Не будем портить крови об задрипанных продуктов,
Которые как будто дефицит.
Мы ели на здоровье и овощей и фруктов
И все, что вам сегодня не грозит.
- Кто главный возле печки?
- Вы думаете глыба, толстуха эта с бюстом номер семь?
- Тут вы ошиблись, ибо фаршированную рыбу,
Причем, за просто так, за ваше тощее спасибо,
Горбатенькая Рейза приготовила совсем!
- Кто видел эти ваши шмаровозы на рессорах?
У нас невеста в Бенце-Мерседес!
Пахучая, как роза, горячая, как порох!
А тело! Это ж водочный компресс!
- А кто за жениха, кто?
- Вы думаете Моня, который стал покойник через год?
Тут вы ошиблись. Маня все придумала заранее.
Байстрюк ее катается, как будто сыр в сметане...
За что скажите, люди, идиотам так везет?
- Кто видел вашу драку на крестинах в Конотопе?
Вот свадьба тычет фактами под нос:
Налетчики во фраках, штаны трещат на Степе,
И падают червонцы на поднос!

Песенка молодого вора

Праздник - это, где светло и чисто,
Женщина и простынь из батиста...
На чесночной Молдаванке
Видим радостей с изнанки:
Мир - бордель, все люди - аферисты!

Сене, Соне, Соломону
Жить набрыдло по закону.
Счастья нет, карман проела моль...
Чем так жить... Чего беречься!
Царь - тот может и отречься,
А Король, он все-таки Король!

Вот он сам и в галстук с алмазом!
Мелочами руки не замазал...
Вся Одесса воровала,
Слава богу всем хватало!
Тьфу, тьфу, тьфу и чтоб никто не глазил.

Сене, Соне, Соломону,
Перекупщику Арону,
Фроиму, что свою играет роль...
Вот и Ночь! Чего беречься!
Царь - тот может и отречься,
А Король, он все-таки Король!

Только вор с куриными мозгами
Заезжает в рай вперед ногами...
Ша! Не надо крови лужи!
Что, вам плохо? Будет хуже.
Хочете, поделимся врагами...

Сене, Соне, Соломону
Лишь для шума по патрону,
Он им нужен, как зубная боль...
Хочешь жить? Чего ж беречься?
Царь - тот может и отречься,
А Король, он все-таки Король!

Папаша Крик

Ублюдок Левка Кнур, не соблюдающий субботы,
Сын балахманной Берты в перекрученных чулках,
Мне грубо заявил, что есть такие идиоты,
Которые до смерти быть имеют в дураках...

Припев:

А мне что надо? Будь оно неладно!
Овес у коней, под телегою прохладно,
Стакан горелки до обед и после стоко!!!
И молодая женщина под боком...

Два бугая, два бухера в малиновых жилетах -
Так им не заикайтесь, чтоб на жизнь наскрести!
Они с наганов бухают, елозят на паркетах...
Все! Кончено! Но дайте же руками развести!

Припев.

Холера им на головы, мгновенья нет покоя!
То ж ироды, не дети! Им копейки не отдам!
Рубаху сняли с голого! Вы видели такое?
Ну как за эти вещи не захватить по мордам?

Припев.

Король

Шо за страсти? Дамы, здрасьте.
Господа, привет!
Мне от сейфа ключ - вам три совета:
Там где Беня ходит, власти
Не было и нет,
И не будет (пристав знает это).
Чтоб привета с того света
С вас не получать,
Уважайте шуток! Вы ж в Одессе!
Если двину я предметом -
Не зовут врача.
Я клянусь здоровьем... тети Песи.
Кто в исподнем - те свободны!
У меня гешефт
Сложный, как работа организма...
Ах, Король уже не модно?
Так зовите: Шеф, -
Беня не сторонник монархизма.
Ставлю сразу оба глаза:
Левый у Грача,
Правый Савки Буциса, который
Знает: я сказал два раза -
Не зовут врача.
Сразу погребальную контору.
Может, судьи тоже люди,
Но напомним раз:
Чтоб мне лишних слов никто не ляпнул!
Я пошел. Облава будет ровно через час.
Сами понимаете, внезапно.
Верно, как у Дюка штука,
А на той печать...
Всё. Тикаем! Я запомнил с детства:
В жизни главная наука -
Вовремя кончать!
Чтобы Форд лишил меня наследства!
В руки ноги! На пороге
Бросим спесь свою.
Сердце греет золото под мышкой.
Я не кантор в синагоге,
Если я пою -
Даже миллион не будет слишком.
В шуме кражи вдруг промажу - это сгоряча!
Я клянусь и Вессоном и Смитом:
Если стрельну в воздух даже -
Не зовут врача...
Чтоб мне завтра встать антисемитом!

Плач невесты

Вся семья за то хлопочет, что курей не топчет кочет,
А меня другое точит, жизни не дает...
Мой лопух меня не хочет. Говорит, что нету мочи...
Я живая, между прочим, глупый идиот!

Ты знаешь, мама, есть таких вещей,
Которых не заставить через силу...
Желания сведут меня в могилу
Или по телу высыпет прыщей...

Твой зятек бледнее тени. Ест в чулане, спит на сене!
Ой, болят мои колени! Мама, ты права...
Если выкипит терпенье, пару слов добавит Бенья,
У меня есть подозренье: стану я вдова!

Ты знаешь, мама, розы отцвели,
Но жизнь прекрасна! (Пишется в газетах).
Мужчина ж, если шарит за корсетом,
Он просто ищет жирные рубли...
 Ой, мама...
Он просто ищет жирные рубли...

Чтоб он сдох, так это мало! Чтоб его до желчи рвало!
Пусть идет под одеяло, может, я прощу!
Нет? Так чтоб его сковало, грех собака оторвала!
Мама, я совсем пропала, я его хочу...

Ты знаешь, мама, есть таких причин,
Которых извиняет воспитанье.
Ой, люди, поймите состраданье,
Или в Одессе кончилось мужчин?
Или на свете больше нет мужчин?!

Последняя прогулка

С хризантемой в петлице, ой, везут меня жениться!
А мне хочется учиться добывать деньги.
Жлоб любой костями ляжет, только Беня слово скажет,
А я в этот экипажик сел и ни гу-гу...

Но-но-но-но! Но-но! Коняшки дорогие!
Дутые колеса, открытый фаэтон...
Кошелек мой тугие, будут женщины любые,
Но рассказывать за это - моветон.

С рыжим зубом - это Люба, вся как норковая шуба:
Весит мало, стоит много (но была моей!)
Чубчик высится плюмажем, пахнет морем, пахнет
пляжем...

А я мимо в экипаже и ни слова ей!

Но-но-но-но! Но-но! Коняшки, шибче ходу!
Дутые колеса, открытый фаэтон...
Где мы взяли эту моду: продавать свою свободу
И рассказывать за это? Моветон!

Шо я мчуся? Это ж Люся! В нашем вкусе, в вашем
вкусе...

Ой, боюсь, что укусит! Пламенных кровей!
Грудь в лиловом трикотаже, вся на стреме, вся на
страже

А я мимо в экипаже и ни слова ей!

Но-но-но-но! Но-но! Коняшки дорогие!
Дутые колеса, открытый фаэтон...
Кошелек мой тугие. Будут женщины любые,
Но рассказывать за это - моветон.

Вот моя невеста. В белом. Шнобель, словно парабеллум!
Грудь - кошелка и не жалко сажу для бровей.
Свадьба вся в ажиотаже, за столом урядник даже,
А я мимо в экипаже и ни слова ей!
"... Ямщик, не гони лошадей!"...

«Гамбринус»

Может жизни карусель
Вас забросила в Марсель,
Венский оперный театр выдал Вам аванс?
Нет? Так знайте есть еще
Де Рибаса детище...
Что Вы ждете? Там найдете нас,
И будет шанс.

Припев:
Забить воспаленные гланды,
Любить у причала шаланды,
Купить на пятак котрабанды,
Которой биндюжник не пьет...
Приезжому это не минус -
Зайти на мгновение в "Гамбринус",
Где пиво в разлив и на вынос,
И сладко так скрипка поет!

Почему болит в груди?
Виноватых пруд пруди!
Сколько горя видано! Так моим врагам...
Сколько с этой мостовой
Укатило... Что с того?
Как поется: Сердце рвется
К этим бергам.

Припев.
Разве скрипке нипочем,
Что витает над плечом
Не смычок ореховый и не херувим, -
А душа не из чего
Музыканта нищего...
Будь минуту человеком!
Сядь. Поговорим.

Припев.

Эпилог

Вот и все. Закрывается "Гамбринус", но еще ярок свет загадочной звезды над глубокомысленным Дюком. Затихает музыка и ее последние аккорды едва колышут остывающий воздух... Дальше у каждого своя дорога: пролетке - на Молдаванку, нам - домой, И. Бабелю - в легенду...

“До третьих петухов” (по сказке В. Шушкина)

Песенка Бабы Яги

В лесу я живу не по распределению,
Надеюсь, замужество мне не грозит!
Глухая тоска на моем поселении,
А молодец был, но сбежал, паразит.

Нет, я не споткнулась на кочке,
Я пала в неравной борьбе!
Какая ж я мать-одиночка?
Я вроде бы эмансипэ!

Вы все про метлу (постеснялись хотя бы).
Людская молва и не то наплетет!
Я Баба Яга, понимаете, Баба!
А ежели баба, у бабы - дитё!

Не важно, сынок или дочка,
Не век же одной куковать!
Не важно, что мать-одиночка,
Но очень-но важно, что мать!

Ах, мне бы умыться живою водою,
Чтоб стала мясной костяная нога,
Бывала, соколики, я молодою,
А в старости каждая баба - Яга!

Тем, кто опускается низко -
Не смей меня уподоблять:
Враги говорят "суффражистка",
Но это, простите, не ... так!

Я дока в любви, ибо сердце не камень,
Народу известно мое реномэ, -
И к Бабе Яге дураки косяками
Идут, а выходят себе на уме!

Чего ж вы, соколики, скисли?
С мужчинами я не строга,
Я женщина в истинном смысле,
Не то что там Баба Яга...

Песня Ивана-дурака

Открывала Простота ворота,
Выносила каравай Доброта,
И входило в дом проклятое Зло,
Пило, ело, с Красотою спало...

И селась по углам Маята,
И кутили в доме Ложь да Беда,
А под окнами стояла Тоска
И входила, на помине легка...

Уж за Смертью побрела Простота,
Да Надежду привела Доброта...
Похудело и скукожилось Зло
И с Бедою да с Тоскою ушло.

И росли цветы, и пахла трава!
Всем казалось будто Правда права...
А когда пришла Любовь точно в срок, -
Не пустил ее никто на порог...

Песня дочки Бабы Яги

Где же мне набраться прыти,
Стати или красоты?
Как же девке замуж выйти?
Лес кругом на три версты!
Правда, есть один, противный,
Но, признаюсь я, увы!
Он жених бесперспективный
Три имеет головы...

Как же этот станет мужем?
Я и так его и сяк...
Эти головы не вскружишь,
Сразу три, никак нельзя.
На свиданьях не активный,
Только знает есть да спать...
Он жених бесперспективный,
Только где другого взять?

Взяли б с приданным девицу
(С тещей Бабою Ягой)
Вдруг девица засидится
Станет старою каргой!
Жду-пожду с улыбкой дивной
Где ж он, туп и не речист?
Гадкий мой бесперспективный
Трехголовый эгоист...

Если ты мужчина

Милый мой, факир на час,
На расправу слабый,
Толку голову кружить,
Помирать в тоске!
Так вот раз, да еще раз, -
Стану снежной бабой...
Мне бы жить да не тужить,
Только б было с кем!

Припев:

Это не кручина, это не причина,
Если ты мужчина, если ты мужчина...

Ароматный ананас, голубую Рицу
На зарплату не сложить,
Сколько не крои...
Так вот раз, да еще раз -
Можно разориться!
Мне б, девице, жить да жить,
Чтоб не на свои...

Припев.

И складежка подле касс,
Вздохи до рассвета,
Тряпки, гульки, кутежи, -
Годы - чередой...
Так вот раз, да еще раз, -
Глядь - здоровья нету,
Мне ж охота жить и быть
Вечно молодой!

Припев.

И другие...

рогулка в старом авто

*Илье Ильфу и
Илье Сахновскому*

Дожди, жара и снег, железа краток век,
Люфт у руля и течь в бензопроводе,
И клапана постукивают вроде,
Но если вы приличный человек,
Поехали кататься по Одессе!
Кандидатура ваша мало весит.
Куда, зачем? Не задаю вопроса!
Пока я жив, и вертятся колеса -
Ту-ту, бип-бип - у "Антилопы Гну".

Я с детства занемог романтикой дорог.
Без Бендера тоскливо жить на свете...
Пускай бензин съедает пети-мети,
Поскольку очень грустный эпилог,
Поехали кататься по Одессе!
На поиски чужих двенадцати кресел.
Пускай шпана посыплется с откоса...
Пока я жив, и вертятся колеса -
Ту-ту, бип-бип - у "Антилопы Гну".

Мотор с недавних пор заброшен на позор
В мой старый двор, где флаги бельевые,
Но мы побьем рекорды мировые,
Когда негромко свистнет командор:
"Поехали кататься по Одессе!"
Вы не Остап, не Хейфец и не Гнесин.
И я на вас, клянусь, не гляну косо,
Пока я жив, и вертятся колеса -
Ту-ту, бип-бип - у "Антилопы Гну".

Я встрече нашей рад. Прошу вас в аппарат!
Нам жить пока не поздно и не рано.
Пока вода "шпринцует" из фонтана,
А время не испортило фасад,
Поехали кататься по Одессе!
Покуда круг друзей еще не тесен,
И видится немного дальше носа,
Пока я жив, и вертятся колеса -
Ту-ту, бип-бип - у "Антилопы Гну"!

1986

Песня горошины

*(к спектаклю по сказке Г.Х. Андерсена
"Принцесса на горошине")*

Проста моя задача в сказке,
Но без меня нельзя никак.
Я на принцессу без огласки
Ставлю знак качества - синяк.
Среди подруг моих горошин
Лишь у меня и вид и вес -
Будет синяк большой, хороший,
Если принцесса из принцесс.

Значит, как Гамлет, я решаю:
"Главное - быть или не быть?"
В жизни и в сказке помогает,
Если где надо надавить.
А надавить, как надо, может
Тот, у кого и вид и вес,
Будет синяк на бледной коже,
Если принцесса из принцесс.

Это пока темно и тесно,
Ну, а итог совсем не плох:
Станет горошина известной,
Как ее прадед царь Горох.
Да, я оружие в этом деле,
Что будет дальше - темный лес...
Разве большой синяк на теле,
Если принцесса из принцесс.

Жуткая история, или опыт рекламы застёжки «МОЛНИЯ»

Ох, бывают в жизни трюки!
Случай тот с Никитой был.
Уважал Никита брюки,
Ну, а джинсы не любил.

Поотстал чудака от моды,
Изводя наукой кровь,
Дамы в карточной колоде -
Вот и вся его любовь!

Так случилось, что однажды
В электричке он сидел,
А она взглянула дважды,
И Никита обалдел!
А она стояла рядом
И глядела вновь и вновь,
Изучая странным взглядом
Часть Никитиных штанов.

И скосив глаза, все понял
Диссертант и кандидат,
О, кошмар, на черном фоне
Виден беленький квадрат.
Не спасти любовь от краха!
Все пропало! Хоть кричи!
Это ж белая рубаха
Промеж пуговиц торчит!

И с лицом окаменелым
Грех прикрыв "Цветами зла",
Затолкал квадратик белый,
Под штаны и все дела!
А она, белее пешки,
Перекошенный роток,
Наблюдала как в прорешке
Исчезал ее платок.

И ни возгласа, ни стопа,
Посрамлен Шекспир-старик...
Не страдала Дездемона
Так от яговых интриг!
Это дело подытожим:
Все купить себе должны
Или джинсы, что дороже,
Или «молнию» в штаны!

Суровая мужская охотничья песня

Нет беды в ничейном счете:
Рыбка - плюх! Птичка - фьюить!
На охоте без охоты
Просто нечего ловить.
Прочь капканы и ружьишко
И сетей коварный шелк...
Ты не кошка, я не мышка,
Ты не заяц, я не волк!

Ну любили, было дело!
Кто не любит, тот не жив.
Гарь души не станет белой,
Зря бывшее ворошим!
Рухнул карточный домишко,
Патефон любви умолк...
Ты не кошка, я не мышка,
Ты не заяц, я не волк!

Не смогли начать сначала,
Словно с белого листа,
То ли сердце запрещало,
То ли совесть нечиста,
Иль старались мы неслишком,
Или час не подошел...
Ты не кошка, я не мышка,
Ты не заяц, я не волк!

Можно с мельницей сражаться,
Можно фикус поливать, -
Вот что значит разбежаться
И в колодцы наплевать!
Так закончилась интрижка,
Вот куплет - последний долг:
Ты не кошка, я не мышка,
Ты не заяц, я не волк!

Ты, головушка льняная

Песня к спектаклю "Мы войны прошедшей дети..."

Ты, головушка, льняная,
Не от солнышка бела...
Пуля глупая, шальная,
Тебя, умную, нашла...

Не в поход, брат,
Их похода,
Полземли отвоевал...
Шел солдат четыре года,
Под завязку сплеховал...

Мы винтовку разрядили,
Как в копейку, в белый свет,
Мы, голубчик, победили!
На семь бед - один ответ.

Только ты не пьешь, не пляшешь,
Намечтал конец войне.
Отписал письмо мамаше, -
Сам остался в стороне...

Слава Господу из рая!
(Ты же в ад попасть не мог!)
Тащит почта полевая
Треугольное письмо.

А слеза глаза повьест,
Горе - раной ножевой...
Все слова в письме живые,
А солдатик - неживой...

Ты, головушка льняная,
Не от солнышка бела...

Ретро

Хоть разбейся или тресни
Подавай Одессе песни!
Ой, как вы играете, брүнет!
Что без песен за веселье?
Свадьбы нет и новоселья
Даже пасхи, извините, нет!

Под графин "лимонных корок",
Под мелодию "семь сорок"
Позабудешь свой радикулит!
Если слышится: "Лехаим!"
Мы не пьем, а отдыхаем...
Моня, уберите динамит...

Веселите ваши души!
Можно выпить, можно кушать.
Чтоб лицом показывать товар,
Отложите дело на ночь.
Есть такое слово "карбач"...*
Кто ж со словом ходит на базар?

Хедер** - мальчику газета
Все мы с детства знаем это,
(Вытирает бабушка слезу).
Но умеем мы по-русски
Залпом рюмку без закуски,
И при этом ни в одном глазу!

Говорила Соня Мане:
Мы почти уже, славяне!
И вообще, весь мир наоборот
Нет бы фраера "на пушку",
А мы капать друг на дружку!
Что творится, просто дым идет!!!

* *карбач (жаргон) - доля в барыше.*

***Хедер- школа(евр.)*

1969

Песня о барде, менестреле или трубадуре,
играющем на лютне, кифаре или бандуре.
Песня о стрелке, которому куда стрелять - всё едино,
была бы на то воля его господина...

Лиловый шрам - открытый рот,
Горбат урод, лохмат урод,
И черте - как поет урод,
И непонятно, чем берет,
Когда для нищих и сирот орет:

Что не пьет змея-пиявка,
Что не пьет комар-паскуда,
Вошь на теле - с колыбели
Выпивают господа...
А у нас топор под лавкой,
А у нас кулак с полпуда,
Для простого люда чуда
Не бывает никогда!

Горбатый в полный рост встает,
Винище льет в корявый рот,
Когда же струны он дерет -
Толпа себя по ляжкам бьет
И вместе с ним его народ поет:

Что не взял палач с удавкой,
Что не взял судья-иуда,
Вор на деле, дрянь в постели -
Забирают господа...
А у нас топор под лавкой,
А у нас кулак с полпуда...
Для простого люда чуда
Не бывает никогда!

А вот расплата простака:
(Ведь у стрелка тверда рука),
Стрела в полете, а пока
Стрелок куражится слегка:
За песню - жизнь, цена не высока?

Вот и все... Лежит на травке...
Вот и все, плюс дырка слева...
Было лихо стало тихо.

ХОР:
Сладко спите, господа...
А у нас топор под лавкой,
А у нас по горло гнева...
А певец? Святая дева!
Их достаточно всегда!

Песня ваганта

(Из цикла "Ваганты")

Путь- дорога хороша:
То кресты, то плаха!
Ох, болит, горит душа
Бедного монаха.
Душу черствую спасешь,
Размочив в винище...
Чем, скажи, еще зальешь
Это пепелище?

От лампадок да молитв
Воздух в келье спертый...
Вья кланяться болит
Богу или черту...
Лучше в путь, в жару да в стынь
Помолиться воле,
От сердечной глухоты
Излечившись болью...

Бил поклоны, плоть смирял,
Ан пора за лютню!
Души сонные мирян
Я наполнил сутью!
Чтоб весельем и тоской
Через песни звуки
Справедливости людской
Дать язык и руки.

На погосте

(Из цикла "Ваганты")

Эй, которые там, за литою оградой,
Чрево яду полно, черепок со свинцом,
Убедились, что правды бояться не надо?
Сколько стоит ее дорогое словцо?
Ох, ты правда моя, ты слуга, ты владыка,
Появись, заслужи отпущенье грехов...
Мне тебя не найти, ибо ты многолика,
И примет никаких, ни венков, ни оков...

За тебя, моя радость, и петли, и плети,
За тебя, мое солнце, без солнца жилье,
Кто еще в правдолюбцы отчаянно метит,
На кинжала, стилета, ножна острие?
Ищем, где же ты, где? Лет отстукало тыщи,
В правде зло и добро, ну а сколько долгов!
Всем должна, оттого-то никак не отыщем,
И примет никаких, ни венков, ни оков...

Нам убогим и сирым ни света, ни хлеба,
Ну кого ты спасла, пожалела, скажи?
Все по-божьи пощечины справа да слева,
Если есть она, правда, клянусь, без души!
Только правда вина совершенно невинна,
В каждой кружке на донце бальзам для мозгов,
Может правду распяли, как Божьего сына,
Ведь примет никаких, ни венков, ни оков!

Рае К.

Что ни год, не гладью вышит,
Что ни день – короче путь...
А друзья – одни не слышат,
А другие – как нибудь!
Ну, а третьи, только третьи
И услышат и спасут,
Обогреют в лихолетье,
И нальют, и поднесут.
С ними пьётся и поётся
(Нам без песенки нельзя).
Вдруг мелодия польётся
И отыщится стезя.
Отчего же их немного?
Может в этом благодать?
Ох, далече, брат, до Бога,
А до них рукой подать.
Год и хлещет и полощет,
Из-под ног дорогу рвёт...
Неохота мне попроще.
По теченью ВСЁ плывёт.
Плыть напротив – не малина,
Поперёк волны тугой.
Ох, судьба моя, судьбина...
Но, не надо мне другой!
Я люблю и ненавижу,
Ошибаясь и скользя,
И добра порой не вижу,
И что можно, что нельзя...
По земле бродить госями –
Хуже нет судьбы такой.
Если жить – то жить страсями.
А без этого какой?

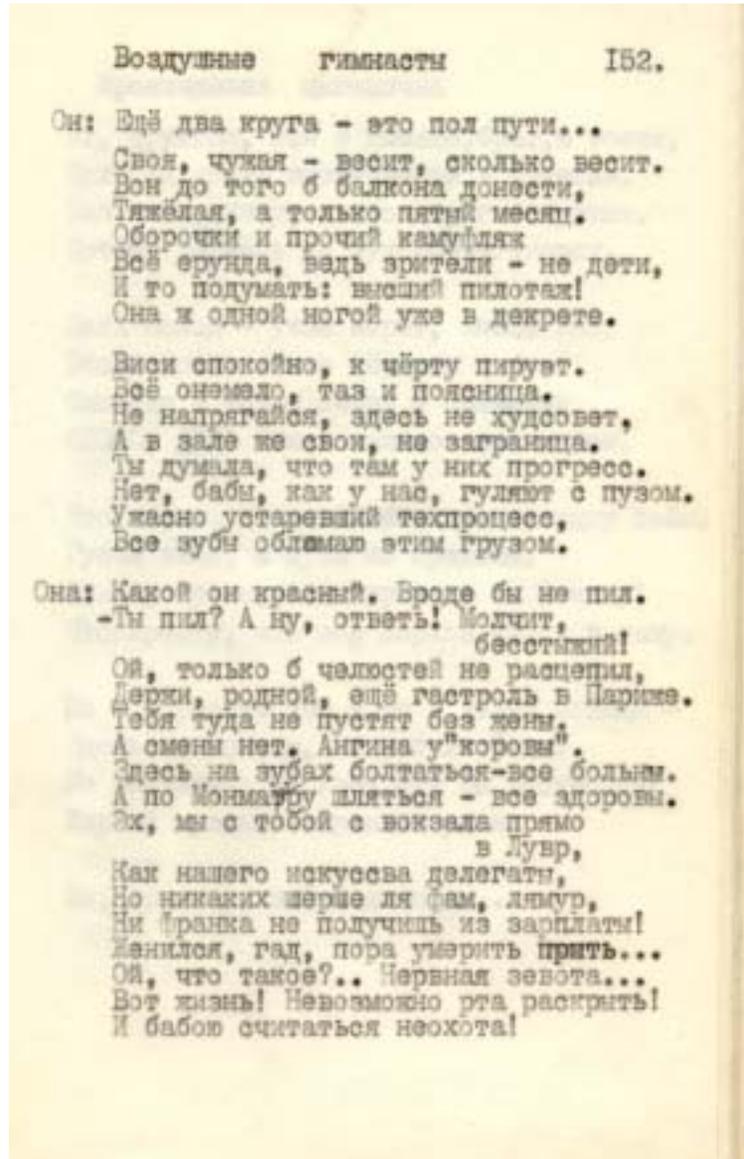
Интеллигент, «вставай» на лыжи!

Когда сидит на стуле каждый третий,
То гиподинамический террор
Произведёт естественный отбор,
Кому остаться жить на этом свете.
Отдай врагу обед и мягкий стул,
Продай автомобиль, к ядрёной Фене,
И запасись Сизифовым терпением,
Чтоб каждый мускул был, как на посту
 Интеллигент, вставай на лыжи,
 А коль не можешь – изучай азы.
 Лишь сила нужной железы
 Тебе, мой друг, поможет выжить.

А женщины, на том же сидя стуле,
Ещё мужчин пытаются сберечь...
Ах, нам бы таз чуток поуже плеч!
Чтоб каждый мускул был, как в карауле.
Итак бегом на месте и трусцой
Подальше от пивной и преферанса.
«Пять тысяч километров в день аванса!»-
вот лозунг, хоть суровый, но простой.
 Интеллигент, вставай на лыжи,
 А коль не можешь – изучай язык.
 Лишь сила нужной железы
 Тебе, мой друг, поможет выжить!

Переходи, не медля, на салаты.
Копи отгулы, силы, инвентарь.
Но, помни, в магазине ждёт удар:
Две лыжи – это две твоих зарплаты.
А ежели в крленках слабоват –
Есть каратэ, воспользуйся моментом!
Чтоб никогда «гнилым интеллигентом»
Не обзывался пролетариат!

Воздушные гимнасты

Песня «Воздушные гимнасты» из моего самиздатовского сборника «Я пою не затем, чтобы время убить...»

1969 год

Очерки

«... И по щеке моей румяной слеза катится...»

Всё произошло довольно неожиданно: и само решение фирмы «Мелодия» запустить в работу вторую пластинку, композицию моих песен по прозе Исаака Бабеля, и срочный приезд в Москву, и ночные смены на «Мелодии», где и происходила эта запись... Было мне фирмой отпущено всего три смены. Одна из них была уже израсходована, когда подруга из театра кукол вручила мне номер домашнего телефона Зиновия Гердта. А надо вам сказать, что я давно носился с идеей, уговорить Зиновия Ефимовича читать в моей композиции бабелевский текст, предворяющий каждую из моих песен. Сперва на эту роль я прочил Эммануила Виторгана, играющего Короля в бабелевском «Закате».

Идея появилась не на ровном месте. Во время гастролей в 1988 году в Харькове театра им. Маяковского, кто-то сказал Виторгану, что мол есть в нашем городе автор, написавший серию песен по прозе Бабеля. Эммануил, человек не ленивый и любознательный, позвонил мне и мы встретились. Итог этой встречи - надпись на моей афише его рукой «Как прекрасен этот мир, когда такие таланты в нём проживают!» и... приезд в Москву.

Я был представлен пред светлы очи главного режисёра театра Андрея Гончарова. Он не просто встретил меня доброжелательно, а собрав группу свободных актёров на сцене театра, прослушал мои работы, восторженно тряс мне руку и решительно пообещал взять что-то для спектакля. И не грех бы, ибо он видел реакцию на песни. Слушатели приняли меня, что называется «на ура». А сидели передо мною знакомые лица театральной Москвы. Уж как я старался, можете предположить... Актёры натурально плакали при исполнении песни «Раненый», хохотали до истерики слушая «Плач невесты», видел я пробежавших на репетицию, да так и застывших в дверях театральных звёзд первой величины... Эмма провожая меня сказала: «Гриша, не обольщайся... Уже завтра Гончаров в беседе о сегодняшнем твоём триумфе скажет что-то вроде: «Да-да... пел у меня тут один... Липштейн, Финкельштейн или Гурфинкель. Короче, один еврей...» - и забудет». Так оно и вышло. Однако поезд уже шёл во всю. Композиция была практически закончена. Я выслал Эмме её запись и по телефону предложил читать отрывки бабелевской прозы на пластинке. Ему же (Виторгану) в это время было предложено несколько работ в кино. Короче, в чью пользу был сделан выбор, догадаться не трудно.

И вот опять Москва. Работа в студии будет поздно вечером. Мои друзья Миша и Боря, аккомпанирующие мне при записи, со своими непьющими скрипками поехали к кому-то в гости. А в моей руке записка с номером телефона Зиновия Гердта. В голове же, как я теперь понимаю, «шизовая» идея о чтении им рассказов Бабеля вперемежку с моими песнями. Звоню. Трубку берёт хозяин дома. Пытаюсь коротко и внятно объяснить суть моего предложения. И слышу в ответ: «Приезжайте. Записывайте адрес... Метро... Улица Строительная...» Начало многообещающее.

Я уже не помню, как я долетел на Тверскую-Ямскую в дом к Веронике Долиной, как схватил гитару (слава Богу не её, а свою), отыскал улицу, дом... Звоню. Дверь открыла жена Зиновия Ефимовича, Таня. Я представился.

«Проходите, сейчас будем обедать», - сказала так запросто, будто я у Гердтов обедаю ежедневно. Прошел на кухню. Стол накрыт. Зиновий Ефимович встал из-за стола. Протянул руку.

И вот начался будто-бы обед, а скорее некий великолепный тонкий спектакль, где реплики придумываются на ходу, летая, как мячики от остроумицы домашней работницы (кивок в сторону Зиновия Ефимовича: («Ох, и строг он у нас»), колдующей над кастрюлями, к хозяину восседающему вроде бы и с краю, а в

действительности во главе стола («Прекратите немедленно ваши инсинуации! Как вам не стыдно. При госте!»).

Таня же объясняет мне, свежему человеку, что при всей домашней неорганизованности, суп да второе – всегда на столе. Сказано слишком скромно. У нас в доме хорошие хозяйки, но и они порадовались бы развёрнутому хлебосольному застолью. Через минуту я почувствовал себя настолько своим, что забыл зачем явился сюда. Так бы и сидел да болтая перепрыгивал с темы на тему, с лёгкостью присущей подвыпившим людям, хотя был трезв, как стеклышко. Очевидно щадя мою некую малоосведомлённость о театральной московской жизни, разговор всё больше о вещах мне хорошо известных, о нашумевших фильмах, о старых ролях, о любимых романсах. В этом месте беседы Зяма своим воркующим баритоном напевает что-то знакомое, вроде «Катясь на тройке полупьяный, друзья, я вспоминаю вас и, по щеке моей румяной, слеза катится с пьных глаз...» Все растроганы. Повисает некая хрупкая тишина, которую-то и нарушить грех.

Однако послеобеденной лени не дал растечься хозяин дома.

«Так, давайте займёмся делом»,- сказал он и провёл меня в кабинет. «Не заглядывать и к телефону не звать!»,- скомандовал властно .

«И вправду строг», - вспомнил я реплику во время обеда.

Далее происходило нечто особенное. Мне всегда было почти безразлично количество слушателей. Главное – внимание с каким принимается то, что я демонстрирую. Но Гердт – слушатель особого склада. Так пристально, так «въедливо», если хотите, слушать – удел не многих. Он не отвлётся ни на мгновение за все полтора часа демонстрации материала. Это сейчас пластинка вышедшая в 1990 году звучит 45 минут. А тогда, в расчёте на большие куски прозы и на сценический вариант, было и впрямь около полутора часов. Но и они пошли...

Я спел «Гамбринус», заключающий композицию, и замолчал в ожидании решения мэтра.

Гердт задумался, что-то вспоминая, или прокручивая в памяти услышанное. Пожевал губами, как бы разминая их для продуманного ответа, а затем , коснувшись рукой грифа моей гитары, с присущими только ему интонациями, произнёс:

«Знаете что, Гриша? Не морочте вы себе голову. У вас интонационно (слово-то какое подобрал!), тембрально (ещё лучше), исполнение ваших песен, а они мне очень понравились, и отрывков бабелевского текста, сливаются в единое гармоничное полотно. Поверьте мне, актёру с не маленьким опытом: вы должны всё делать сами. Сами! Вот так, как мне это показали сейчас. Вы продемонстрировали достойную работу. (Достойную чего? Бабеля, актёра, автора? Так я тогда и не понял). Не передоверяйте её никому. Даже мне.»

Убедительный это был монолог. И, поверьте, после него согласиться с вышесказанным было просто приятно.

Я засобирался. Уже были произнесены все слова благодарности по всем поводам, когда Гердт сказал: «Погодите, Гриша, я вас сейчас отвезу на машине.» Я стал слабо отнекиваться, хотя перспектива проехать с самим Зямой прельщала невероятно. Доторговались до варианта «к метро».

«Жигулёнок» уже юрко катил по Ленинскому проспекту, когда вдруг Зяма проиграл мне, его единственному в данной ситуации слушателю, одну из своих баек, как выяснилось, позднее знакомую по его многочисленным выступлениям на сценах страны. Я же был тогда «свеженьким» и слушал её покатываясь со смеху. Кося глазом на дорогу, Гердт доверительно, как в первый раз, преподносил мне историю из своей жизни.

«У меня,- говорил он, - одно время была машина с правым рулём. Не самый лучший вариант для Москвы. Из-за тролейбуса выехать мука, да и в дорожной толчее неуютно. Так вот, водили эту машину и я и Таня. В гости я – обратно Таня. Удобно, в смысле выпивки. Возвращаемся мы как-то из гостей глубокой ночью. Тепло. Окно открыто. Я «проветриваюсь», причём весьма активно. Но руку

выставляю, то голову, то сам по пояс. Такая езда не могла быть не замечена дорожной властью. ГАИшник свистнул, подошёл к нам и, узнав, укоризненно начал выговаривать, как мол не стыдно, заслуженный человек, гордость театральной Москвы в нетрезвом виде за рулём...

А я ему: «Постите, дорогой, но когда я выпивши, руль передаю жене. Можете убедиться». Вы представляете лицо этого «мента», заглянувшего в машину и убедившегося, что руль и впрямь в руках жены пьяненького водителя, но справа!?»

Прошло с тех пор 10 лет. Друзья настаивают: «Напиши об этом. Как можно такую историю хранить только в голове! Эгоизм!»

Ну так вот она, эта история. И небольшое послесловие к ней.

И как всё это было,
Ей Богу, не пойму...
Меня волной прибило
К порогу твоему.
Порой не лучшей самой,
Дождями орошен,
Я на обед был, Зяма,
Тобою приглашен.
Ты встретил, ироничный,
Привычный с давних пор...
За стопочкой «Столичной»
Струился разговор.
И угощая супом,
Печаль стерев со лба,
Ты знал, что нашим судьбам
Скреститься не судьба.
Я вынул из футляра
Свой семиструнный зонд,
И песенок отару
Погнал за горизонт
К неведомым потомкам,
Но ты не отставал...
Лицо ладонью скомкав,
Не слушал, а внимал.
Ты ведал, грустный гений,
Невидимый отсель,
Что жизнь мою изменит
Фортуны карусель.
Того-то не случайно
Вздохнули мы вдвоём...
О прошлом знал ты тайну
И будущем моём.

Легенда о «главной прелести»

Записки автора передачи "Поющие поэты"

(радио «Новая жизнь». Чикаго)

Весной прошлого года (1997-*прим. автора*) пригласили меня с концертом в Канаду, а конкретно - в Торонто. Всё прошло довольно славно к взаимному удовольствию сторон. А после концерта, по установившейся традиции, организаторы и лица к ним особо приближенные, учинили небольшую посиделку. Хозяйка дома, молодые ребята, только-только ставшие владельцами просторного сооружения, расположенного в уютном и зелёном районе города, накрыли стол, выставили всё, что Бог послал и, «повесив свои уши на крюк внимания», стали ждать от гостя чего-нибудь внесценического. А лёгкая тёплая обстановка действительно располагала к демонстрации «раскованного» репертуара.

Отыскав в своей памяти соответствующую ожиданию песню, я приступил к изложению, довольно таки накатаного за многие годы исполнения, вступления к ней. Однако не успел я произнести и двух фраз, как хозяин вскочил, как ужаленный, и через секунду раскрыл перед моим ошалелым взором книгу:

«Античный шедевр!...Перед школой стоят голые мужчины во всех подробностях! Здесь что- медосмотр? Баня? А девочки, значит, на переменах играют вокруг этого безобразия!» И дальше: «И вот, так через недельку, как раз перед большой переменной, приезжает «Москвич»-полугрузовичок. Из него вылезают двое весёлых белозубых ребят, вытаскивают ящик с инструментами и начинают при помощи молотка и зубила приводить композицию в культурный вид.»

Погоди, погоди... Так ведь это же слово в слово то, что я говорю без малого три десятка лет перед моей песней «Лаокоон»! Перелистываю страницу. Рассказ называется «Лаокоон»! Закрываю книгу. Имя автора: Михаил Веллер. «Легенды Невского проспекта». По возможности спокойно перечитываю весь рассказ, то бишь легенду. Господи, да он и песню мою пересказывает настолько близко к тексту, что возникает желание поискать сочувствия у окружающих. Они и выражают его, агрессивно и настойчиво советуя требовать сатисфакции у автора книги. Милые мои! Это же легенды!!! Какие к автору могут быть претензии! Байки они и есть байки...

И всё же, как стала легендой фабула песни написанной мною в конце шальных шестидесятых, обколесившей весь бывший Союз, исполняемой как со сцены, так и вне её, петой автором и его друзьями. Особенно усердствовал в её исполнении мой ленинградский коллега и друг Юра Кукин. Ленинградский! Стоп! Меня вдруг просто осенило: вот где собака зарыта! Вот вам и легенда Невского проспекта...

И всё же по порядку.

В конце апреля 1969 года компания сравнительно молодых людей (в число которых входила моя семейная ячейка) кормила комаров на берегу Черничного озера в сосновом леске, вдали от «гэбни» и их стукачей, в традиционном месте наших сборов. Мы только что притопали со станции Занки, гадали, устанавливали палатки, разжигали костёр, - короче: происходило то, что обычно бывает в подобных ситуациях. Вместе с нашим другом, уже тогда доктором-астрофизиком Виктором Канторовичем, мы неспеша собирали дровишки для костра. Говорили обо всём понемногу. Не помню кто из нас первый произнёс слово «ханжество». Помню только, что Виктор, как яркий пример этого порока, припомнил фельетон о каких-то манипуляциях с обнаженной скульптурой. Не то дорисовали трусики, не то просто убрали с глаз долой. Припомнили и историю с одесским Лаокооном, что пребывает ныне в сквере у бывшего министерства Морского Флота. Бедным ребятам (это уже по легенде Дерibasовской) каждая проходящая в город новая власть, в лице матроса, солдата и крестьянина, считала своим долгом отбить прикладом оружия борьбы за светлое, для кого вчера, для кого завтра, - мужские достоинства у скульптуры греческих борцов за собственную свободу от змея.

Чем не песня?- подумал я. Всё остальное было делом техники. Но поскольку это был уже 1969 год, “оттепель” на спаде, особенно не распоёшься, я начал изобретать предисловие к песне, якобы опираясь на вышеназванный фельетон и одесскую легенду. Так и говорил: прочитал, мол фельетон и решил с ханжеством бороться его же методами. Далее привожу полностью сочинённое мною вступление к песне “Лаокоон” (которую многие знают по названию данным ей Юрой Кукиным - “Фонтанчик”. Но об этом после. Итак:

“ В городской музыкальной школе (город не называю умышленно, но намекаю на Одессу) у директора, страстного коллекционера античности, была небольшая древнегреческая скульптура работы родосских скульпторов Агезандра, Полидора и Афинодора, изображающая Лаокоона с сыновьями, сражающихся со змеем. Особо подчёркиваю: со змеем, а не со змием (небрежно касаясь веянья безалкогольной эпохи). И решил директор установить это произведение искусства во дворе вверенной ему школы. Решил и сделал. Скульптура стояла, дети мирно гуляли вокруг и при этом культурно развивались. Так было до тех пор, пока кто-то из Горсовета, расположенного напротив школы, не усёк это “безобразие”. Тогда появился слесарь с зубилом и убрал всё “лишнее”. Об этом был написан фельетон, а я придумал песню, добавив ещё один поворот действия.” Он то и дал песне, изначально названной “Лаокоон”, дополнительное имя - “Фонтанчик”. Но это было позднее.”

Вот так излагал я вступление к песне, следующей за ним. Через год или два по приглашению донбасских любителей авторской песни я выступал в городе Славянске. Богатенький завод союзного значения выписал к себе сразу трёх авторов: Юру Кукина из Ленинграда, Бориса Вахнюка из Москвы и меня из Харькова. Этот концерт мне запомнился ещё и потому, что впервые к нему была отпечатана настоящая программа выступлений. С нашими фотографиями, биографиями, перечнем исполняемых песен и ещё по одной песенке каждого из выступающих было “тиснуто” на обороте буклета. Юра и я были просто в восторге, а Борис ворчал: “ Ну что тут они написали: Кукин родился в 1932 году, Вахнюк в 1933, а Дикштейн - в Харькове! Потому что мы с Юркой “москали”, а Григорий свой.”

Я пел вторым, после Бориса, и уже в антракте Юра Кукин усадив меня в артистической комнате (дело было в заводском клубе), заставил немедленно переписать слова и “цифровку” аккордов песни “Лаокоон”. Он на ней, что называется, “заторчал” и после того концерта прочно включил в свой репертуар. А ездил он в ту пору по стране уже от Ленконцерта, и репертуарные программки свои сдавал в ВААП (бюро охраны авторских прав), откуда мне незамедительно поступили бумаги для регистрации произведения под названием “Фонтанчик”, т.е. “Лаокоон”. Как ни странно, это была моя первая официально зарегистрированная песня. Она же была первой песней вызвавшей скандал в репертуарном отделе Ленконцерта, первой моей песней, попавшей за границу, и давшей мне валюты аж на 8 наших рублей. Правда, попала песня в соц. страну, а именно - в Чехословакию (точнее в Словакию), на страницы газеты типа нашей “Литературки”. А соседкой по странице была у меня Вероника Долина с песенкой “Пастораль” (так мне помнится). Позже эти же переводы были использованы при публикации словацкого сборника нашей авторской песни “Атланты держат небо”.

Короче говоря, пел мою песню с моим вступлением Юра Кукин в Ленинграде многожды. Бывало, что от выступления к выступлению произносимый текст он “совершенствовал”. Так в одной из имеющихся у меня записей он говорит, что копию скульптуры выставил на обозрение директор детского сада, а фельетон в газете, купленной для определённых целей, я, якобы, прочитал будучи на юге в отпуске. Но в основном, канонический текст не менялся. Если откровенно, то на основную идею, замены генеталий у скульптуры “Лаокоон”, я не претендую. Ибо анекдотичная эта ситуация витала в воздухе. Но вступление и детали (детали песни) - мои. И давно. Хотя ещё в Харькове, на моё пятидесятилетие, мне на сцене

во время чествования юбиляра, вручили посылку с надписью: “Запасные части к “Лаокоону”. Обратный адрес: “Париж”, тем самым утверждая моё право и на детали скульптуры. Читая текст песни, приведенной ниже, профессионалы заметят мне, что оригинал скульптуры находится в Ватикане. И будут правы. Но хорошая копия есть и в Лувре. Кстати, об упомянутом в рассказе Веллера писателе-юмористе из Ленинграда Семене Альтове. Когда выступая в моём родном Харькове он прочитал рассказ “Геракл”, то тут же получил записку: “Зачем у Дикштейна сюжет стащил?”. Будучи человеком не только талантливым, но и совестливым, страшно смущался, но это уже легенды харьковских окраин. А может и впрямь моя песня стала легендой Невского проспекта? А с легенды что взять? Для полноты изложения осталось дать вам, мои читатели, полный текст песни. Так сказать, первоисточник. Прочитайте. Потом откройте книгу “Легенды Невского проспекта” Михаила Веллера, что вышла через 29 лет после написания песни и придуманого к ней вступления. Сравните сами. Кстати, книга написана увлекательно. Более того, талантливо. И к её автору, повторяю, у меня претензий нет. Недавно был у нас в Америке (и, естественно, в Чикаго) Юра Кукин. На концерте пришла ему записка с просьбой спеть этот злополучный “Фонтанчик”. Он посетовал, что подзабыл слова и обещал спеть в следующий приезд. А вечером мы погрузили на тему “ускользающего авторства”. Но было нам совсем не обидно. Разве что чуть-чуть досадно. А чего, и самим не понять. А песня, вот она:

Лаокоон (Фонтанчик)

Город маленький на юге,
Где в сердцах и страть и пыл,
Где всё знают друг о друге,
Даже то, что сам забыл,-
Потянуло на культуру,
Выствяют на газон
Знаменитую скульптуру
Имя ей - Лаокоон.

Вточь такую, как в Париже,
Но поменьше раза в три...
Мышцы разные наружу
Выпирают изнутри.
Хоть героев породили,
Строй не тот, не та среда,
Но змею они давили,
Как ударники труда.

Но заметили где надо,
Что напротив детский сад,
И небось видать из сада
Тыл и профиль и... фасад!
Может просто пожурили,
Только явно неспроста,
Аккуратно обрубали
Неприличные места.

Вот тогда случилась драма
И газетъ бежал народ,
Как белеет свежий мрамор

Там, где грешный был перёд!
В Академии, не ниже,
Был скандал от тех вестей
И заказаны в Париже
Были копии частей.

Изготовлены с природы...
Только, черти их дери!
Наша копия скульптуры
Чуть поменьше... раза в три!
И поскольку рядом дети -
Прочь шедевр мировой...
Лишь остались "штуки эти",
Как фонтанчик питьевой.

Вот такая "легендарная" песенка оказалась. И ещё одну притчу присовокупляя я иногда к исполнению этой песни. Подсказал мне её на этот раз мой знакомый, преподававший "Историю искусств" в Институте Культуры в нашем городе. Он говорил, что об античных скульптурах иные студенты повествуют примерно так: "Древние скульптуры дошли до нас в ужасно изуродованом виде. У них нет рук, ног, голов, но *главная их прелесть сохранилась*".

Две встречи

*Записки автора радиопередачи “Поющие поэты”
(Радио «Новая жизнь». Чикаго)*

О мастере удивительных мистификаций, розыгрышей и экспромтов Юрии Визборе, жертвы таковых рассказывают немало увлекательных историй. Но эта было со мной, и мои друзья, Володя Ланцберг (Туапсе) и Серёжа Свербилов, ныне живущий в Филадельфии, тому подлинные свидетели, и более того, участники действия, Вам охотно подтвердят, что нижеизложенное правда, правда, и только правда, господа сомневающиеся.

В одной из моих первых статей из цикла “Записки автора радиопередач “Поющие поэты”, я уже упоминал о самом большом фестивале авторской песни страны, “Памяти Валерия Грушина”. Приглашения принять участие в нём, я получал где-то начиная с 1969 года. Поехал же только в 1975 году. Там и познакомился с Юрием Визбором, живой легендой, членом жюри фестиваля, его душой и прекрасным футбольным нападающим в сборной команде фестиваля. Станным образом произошло это знакомство. Недавно у нас в Чикаго был творческий вечер Володи Ланцберга и я на этом вечере поведал притчу о том.

Ехал я на этот Восьмой Всесоюзный и поезд в Куйбышев (читай Самару) безбожно опаздывал. На перроне ждали специальные команды сопровождающих, потом одинокие доброхоты, однако к моменту моего прибытия, встречающих и вовсе не осталось. Всезнающие таксисты подсказали мне, как добраться до Матрюковских озёр (старика Волги), и я, 39-летний “романтик”, казня себя за нездоровое любопытство, с огромным рюкзаком, прижимая к себе гитару, цепляющуюся за кусты и стволы деревьев, продираюсь напрямую через лес на звук уже бушующего во всю фестиваля. Я шёл и сомневался, втайне считая себя уже сложившимся автором песен, коему конкурсы только во вред. Бывал я и членом жюри, и даже порой его председателем в конкурсах разного калибра, а в прошедшем 1974 году стал победителем регионального конкурса авторов песен, устроенного Тираспольским Советом по туризму. Там я познакомился с Володиёвым Ланцбергом. Он то меня и «совратил», утверждая: «В Самару (так и сказал) надо ехать непременно!» Шёл я, естественно, ни о каком прослушивании не помышляя. Да и на участие в фестивале уже не рассчитывая. Но когда с высоты гиганского косогора усыпанного семнадцатитысячным человечеством жаждущим песен, мне открылась водная простыня с возлежащей на ней многометровой гитарой... «Нетушки!- подумал я, - Уж коли припёр я сюда свой рюкзак и гитару, быть вам, ребята, слышавшими меня ...» Спускаюсь к столику жюри. Председательствует Александр Городницкий, а текстами «заведует» Визбор. В паузе между песнями робко стучусь в его спину: «Здравствуйте. Я Григорий Дикштейн... Приехал...» Он не дав мне закончить фразу, таким знакомым по записям говорком, басит через плечо: «Так... Прямо сейчас и пойдёшь. Тут за тебя Ланцберг твои песни мне спел. Петь будешь вот эту (тыкает пальцем в текст песни «Жить!») и ещё чего-нибудь на свой вкус. Но эту обязательно. Длинновата правда... Ну, давай!» Как он усёк в Володином исполнении то, что я вкладываю в эту мою песню, один Бог знает. Что Володя картавит извесно всем поклонникам жанра. Однако, то что совершенно не является недостатком для автора, может помешать исполнителю. Это, как бы вам сказать, не обижая любимого мною Володю, так же, как Рабинович, демонстрирующий по телефону, исполнительскую манеру Карузо. (Здесь в скобках вы вполне резонно можете поворчать: Тоже мне Карузо нашёлся! И будете правы). Тем не менее, восхищаясь Володиным поступком (что я не устаю делать уже более двух десятков лет), пробираюсь к гитарному грифу на «пятак» ожидающих выхода к микрофону. Многих я знаю. Вон сидит Дима Дихтер из Москвы и весь его ансамбль «Жаворонки», Саша Суханов, тоже москвич, Гена Васильев из Челябинска

и ещё и ещё... Тихо переговариваются в ожидании своего выхода. «Прямо сейчас», фраза сказанная Визбором, как я понимаю, чисто условная. Время идёт. На фестиваль свалилась чернющая волжская ночь. Сцена выхвачена из тьмы прожекторами. Поют разное. Но невероятно много заунывных «костровых» песен. «Гора», так называют массу слушателей сидящих на косогоре, начала менять позы. Сначала сидели на обычных «трёх точках», затем стали облакачиваться на локоток и вскоре вовсе легли на спальнички. Всё же ночь на дворе. Я наблюдая эту картину с «пяточка» начинал догадываться, почему выбор Визбора пал на песню «Жить»(она же «Оптимистическая»). И вот моя очередь. Пробегаю по грифу гиганской гитары к микрофону и во всю силу, тогда ещё не старого организма, вонзаю в тишину ночи:

Ценю этот воздух, листву и кору,
И грубый асфальт, и жука на ладони,
Люблю эти мятые лица в вагоне,
Весёлую давку люблю по утру...
Толкаюсь, живу, об костры обжигаясь,
Дышу, задыхаясь в дыму сигарет,
И крики люблю петухов на заре,
И в хлебную корку зубами вонзаюсь!
Живу каждой клеткой и кредо моё,
Любое движенье: полёт, восхождение...
Кончина приходит без предупреждения ,
Но жизнь - это жизнь, а не куцый паёк!

«Гора» проснулась. Какое-то беззвучное шевеление... Спасибо, Юра! Похоже, ты «вычислил», что им нужно. Меня «несло», захлёстывали эмоции, динамики ревели и где-то им вторило эхо над Волгой:

Она полновесна, не жалкий обмылок,
Живу и надеюсь, дышу глубоко,
И снова люблю широко и легко,
Как будто мне душу дождями омыло!
И всё, как рукой, если песня рекой,
С ней легче увидеть чужую обиду,
А злиться умею я больше для виду,
Я жгуче люблю и любить мне легко
Людей, облака, уходящее лето,
И скрежет трамвая, и эхо лавин...
Чуть больше я женщин люблю, чем мужчин,
Но это понятно, и дело не в этом.

А на «горе» уже происходило что-то необычное. Она взьерошилась фигурами поменявшими позы. Похоже, что лежащих не осталось. Выступая впервые на такого ранга фестивале я не мог знать его законов и обычаев. Вот почему вид вспыхнувшей огоньками «горы» едва не сбил меня с ритма. Это зажглись фонарики, спички, маленькие бумажные факела. «Гора» реагировала. Я слышал её дыхание. Мы заряжали друг друга и петь было необычайно легко...

А время лихое закрутит - держись!
И болью сожмёт, будто тесной одеждой,
Но, брошен пращой Любви и Надежды,
Я камнем врываюсь в лохматую жизнь!
И снова люблю, об костры обжигаясь,
Смеюсь, задыхаясь в дыму сигарет,
И крики люблю петухов на заре,

И в хлебную корку зубами вонзаюсь.
Живу каждой клеткой и кредо моё
Любое движенье, полёт восхожденье...
Кончина приходит без предупрежденья,
Но жизнь - это жизнь, а не куцый паёк!

Дальше - взрыв. И ради него стоило ехать... И был диплом за первое место среди авторов, и хитрая улыбочка Визбора: «Если петь в таком темпе, то песня совсем не длинная.»

Ну вот, хотел поведать о Визборе, а вышло о себе. Не обессудьте, уж больно приятные воспоминания.

И всё же наше первое знакомство имело продолжение. Вот о нём-то я и хотел рассказать.

Весной 1976 года на здании ДК Строителей в Харькове появилась афиша: «Поёт наш гость - актёр кино и журналист Юрий Визбор». Зал, конечно, битком. Но сцена почему-то была уставлена сияющими, как ёлочные игрушки, инструментами для большой группы модных в то время ВИА (вокально-инструментальных ансамблей). И, представьте, таковые появля-ются! Платное комсомольское приложение к выступлению Визбора. Пережили мы и это. И вот среди аппаратуры, слепящей никелем и лаком, стоит смущенно улыбающийся, невероятно обаятельный Юрий Визбор. Песни, байки о съёмках фильмов, остроумные ответы на записки. Одним словом, кайф. Когда объявили перерыв, я решил: «Подойду поздороваюсь. Ведь он гость нашего города, а значит немного и мой». Продвигаюсь по коридору в направлении артистической. Дверь комнаты открыта. Увидев меня, Юра уже издали, широко распахнул руки, со словами: «Гриша! Ты!»(неформальную лексику подставить с ласковой интонацией). Можешь умыкнуть меня от ваших комсомольских вождей? Я через 30 минут буду свободен.» Надо ли было меня об этом спрашивать?

Через час мы поднимались ко мне на десятый этаж. Пешком, ибо лифт, как обычно не работал. По пути вспомнили о предстоящем Куйбышевском фестивале этого года. Я говорил Визбору, что эксперимент мой был хорош, но повторять его смысла не имеет. Возраст не тот. Юра возражал: «Брось, Григорий! Я вон толстый и лысый, а ездил, езжу и буду ездить!» «Так не в качестве же участника»,- думал я. А он словно подслушав мои мысли продолжал: «Ты - автор-победитель. В этом году получишь приглашение прибыть в статусе гостя. Так что вперед и с песней!» Всё было именно так.

А дальше случился прекрасный вечер плавно перешедший в ночь. Было мало выпивки, но много песен. Едоком Юра слыл, на радость нашим хозяйкам, отменным. В злоупотреблении же алкоголем его обвинить нельзя. Ну, никак! Это я для сплетников.

И вот расчехлили гитару... Зазвучали первые аккорды...

Горит лампада под иконой,
Спешит философ на экзамен,
Плывут по Охте полусонной
Трамваи с жёлтыми глазами...
Трамваи с жёлтыми глазами...
И заняты обычным делом
Четыре ветра над верстами
По городам заледенелым,
По белым стаям...

Наша небольшая компания переглянулась, а он мгновенно усёк с кем имеет дело и песню, в которой мелодия была, мягко говоря, заимствована из «Рождественского

романса» Евгения Клячкина (на стихи Бродского), подавал с такой обворожительно-обезоруживающей ухмылочкой, что напрочь исключал какие-либо упрёки в свой адрес. «Вообще-то, если мне нравится мелодия песни, я считаю её своей», - сказал он настолько серьёзно, что сомнения о шутке отпадали. Но ведь это Визбор! Ну кто ему дурное что-то скажет! Потом были прекрасные совершенно новые песни, и, конечно, старые... Пели их то в одиночку, то хором... А байки какие! Чего стоил только рассказ о полёте в Италию съёмочной группы фильма «Красная палатка». Юра в лицах показывал каждого героя этой истории. «Борис Хмельницкий, - говорил он, - актёр Театра на Таганке начал комплексовать ещё в самолёте. Все брали пиво, и он взял, считая, что пиво, как и вода «на шару». Ан нет. Когда смолёт начал благополучно приземляться, к нему подошёл стюард и предложил расплатиться. Заикаясь больше обычного, Борис жалобно прижимая руки к груди свистящим шёпотом объяснял, причём по-русски: «Ну, н-н-ет у меня де-де-нег, старик! П-п-понял? Ну не захва-ва-ва-а-тил!» Стюард не понимал, как это нет денег за банку пива стоял в молчаливом ожидании. Дальше Юра поведал, как Хмельницкий уговорил его пойти в соседний салон, в котором летел Симонов и попросить у того займа, не хотел не расплатившись выходить из самолёта твердя: «Эт-т-о про-во -ка-ка-ция! Я никуда не пойду!» Как на принесенную от Симонова крупную купюру стюард небрежно махнул рукой. Похоже, что понял. Особенно лихо Визбор изображал актёра Баниониса, сидящего в кофейне и пересчитывающего деньги наощупь, не вынимая руки из кармана, глядя в потолок и беззвучно шевеля губами. «Считает...экономный литовец», - сказал он и добавил, разрешая наши сомнения: «Я, кстати, тоже литовец.»

Вечер благополучно переломился за полночь и неспешно двинулся к рассвету. Сколько лет прошло, сколько концертов Юриных у меня в памяти, но такого - небыло больше никогда. В ту ночь его окружала компания энциклопедистов авторской песни, что накладывало некие обязательства на корифея жанра. И он был в ударе. Но даже у самых прекрасных встреч есть начало и есть конец. «Спать буду в гостиннице», - решительно сказал наш гость и неспеша двинулся вниз в сопровождении небольшого эскорта. Дальше произошло следующее:

Шанс поймать такси в четыре утра был нулевым. Оставалось одно: «левак». Но, как назло, мой привокзальный район был на редкость пуст. Однако где-то в переулке затарахтел мотор и через минуту пред нашим ошалелым взором оказался старенький, но живо двигающийся...»Опель». Даже издававший виды Визбор охнул: «Откуда ты, дитя войны?» Мы тормознули «антиквариат», оказавшийся, ко всему, без лобового стекла, уселись, и двинули в «Интурист». Рядом с водителем восседал мой друг Серёжа, принявший на себя порывы весеннего, далеко не ласкового ветра, на заднем сидении Юрий и я. А надобно вам сказать, что в ту пору были модны такие вязаные шапочки с жёским каркасом и козырьком, на манер немецких фуражек с отворачивающимися бортами. Я таковой обладал. Ко всему прочему, на мне была куртка защитного цвета с погонами. Юра, спасаясь от пронизывающего ветра, поднял воротник плаща. Так мы и ехали тихо беседуя о превратностях ночной жизни, когда вдруг с переднего пассажирского сиденья за сначала несмелым покашливанием и похихикиванием раздался хохот, причём взахлёб, с подпрыгиванием и подрыгиванием ногами. «Ты чего, Серёга?» - спросил я. «Ш-ш-ши-ши...», - заливался он, - Шти-ти-ти... Штирлиц с Борманом беседует!» И снова в хохот. Мы посмотрели с Юрой друг на друга. «А и впрямь похоже». Ну если это сказал сам «Борман», то так оно и было.

«Напиши об этом», - много раз просили меня друзья. Всё было недосуг. А недавно подумалось: «Пиши, пока свидетели, слава Богу, живы!»

Были с Юрием Визбором ещё встречи, но эти две первые лежат в моей памяти на самом почётном месте. И, думается мне, не напрасно.

Рикошет

Записки автора передач «Поющие поэты» на радио «Новая жизнь» (Чикаго)

Готовил я материал к передаче посвященной дню рождения Александра Галича. Однако, так бывает, начинаешь об одном, а потом Бог весть куда тебя мысль уводит. Юра Визбор говорил: «Надо идти туда, где темно», т.е. в неизведанное... Вот я и пошел. Получился материал... но не по теме. И всё же это история моей жизни. Жизни в песне и с песней. Со своей и не со своей. Возможно это покажется кому-то интересным. Через ситуацию, подобную моей, прошли миллионы...

Более 30 лет прошло с той весны, с той поры, когда в моём городе «лепились» дела диссидентов, когда разгорелась послеоттепельная «охота на ведьм», до поры впрямую меня не тревожащая. Будем честными, инакомыслие всегда было отличительной особенностью нашей интеллигенции. Оно не просто украшало её, а вселяло страх и надежду. Страх за своё будущее и будущее детей наших, надежду на некое новое просветление. А маяком в ту пору были для многих песни Александра Аркадьевича Галича. Яростные и непримиримые, крамольные по сути своей, гениальные по содержанию и технике стиха – они вызывая восхищение, смешанное с беспокойством, внушали многим из нас мысль: «Как он решился?» Был тогда, да и сейчас, под их влиянием и я. Не довелось мне повстречаться с Александром Галичем, хотя и близко от меня проходила встреча его с Борисом Чичибабиным. Они не просто были знакомы, а посвящали друг другу свои стихи. Помните, галичевское «Я вышел на поиски Бога...»

Прекрасные записи Галича, две большие профессионально записанные кассеты (бобины), мне на работу (наивная конспирация) прислал из Ленинграда Евгений Клячкин, самый близкий по духу мне автор песен и друг. С ними-то, с записями этими, и связана история, которую я попытаюсь изложить Вам соблюдая наиболее интересные подробности её.

Итак, как я уже упомянул, стояла весна 1970 года, тёплая внешне и ледяная внутренне. Мы были молоды, но несколько великолепных весенних вечеров провели не гуляя по саду Шевченко, не за питием горячительных напитков, не на танцульках, - а слушая у меня дома в детской комнате, за закрытыми дверями те самые кассеты из Ленинграда, прокручивая ещё и ещё раз «Кадиш» памяти Януша Корчака, «Балладу о бегуне на длинную дистанцию», «Караганду»...

Был обычный день. Помню, я вернулся с работы и жена показала мне повестку в военкомат. Меня совершенно не удивил тот факт, что повестка была не в мой районный военкомат, а в другой, соседний, хотя и расположенный так же неподалёку. Через несколько дней, я предъявив повестку на работе, отправился на соседнюю улицу, в квартале от меня, на свидание с военкомом. Стояла не повесенному изнурительная жара. Я двигался лениво, благо времени было вдоволь, не выходя из тени деревьев, помалу приближаясь к дверям особняка, где и располагался тот военкомат. У самой двери мне дорогу преградил молодой парень, спортивного сложения, выше меня на голову.

- Григорий Дикштейн? – он скорее не спрашивал, а утверждал сказанное
- Да, - сказал я с каким то мерзким предчувствие неприятностей.
- Тогда вам сюда, - и он указал на белую «Волгу» припаркованную неподалёку.
- Да мне, собственно, в военкомат, - вяло засопровтивлялся я.
- Вот мы и есть ваш военкомат, - беззлобно отпарировал он, и жестом дал понять, что я должен следовать к машине.

Там уже сидел на заднем сидении «близнец» моего провожатого, отворившего предо мною именно заднюю дверь. Я сел и попал в тиски, ибо теперь слева и справа от

меня возвышались спокойные, хорошо тренированные парни, с безразличными лицами. Тут автор должен написать классическое: засосало под ложечкой. Ибо и вправду засосало. Поехали. Один из «ангелов-хранителей» не удержался:

- Вы знаете куда мы едем?
- Догадываюсь, - я отчаянно попытался изобразить беззаботность.
- Вот и отлично,- глядя прямо перед собой сказал второй.
- А почему собственно...- сделал я попытку продолжить разговор.
- Узнаете на месте,- не дал мне закончить фразу первый, и как мне наивному показалось, более любезный гид.

Мои земляки знают это мрачное темносерое здание на улице Совнаркомовской. Прохожие идущие мимо невольно у него ускоряют шаг. Недобрая слава у этой «конторы». Вон в те железные ворота въезжали «воронки» и люди пропадали бесследно сотнями, нет, тысячами. И какие люди! Так куда же меня везут? Однако «Волга» остановилась у главного подъезда. Мы вышли. Тяжелая дверь была заботливо распахнута одним из конвоиров и... я переступил порг харьковской «Лубянки».

Машины в стену фарами
Молча жду...
Уводят корридорами
На беду.
На муки, на закляние,
На убой
И глушат стены здания
Плач и вой...

Эти строчки свои я вспомнил не памятью, а кожей, подкоркой...

Путь до дверей камеры, или комнаты для допросов, был бесконечно долгим. Так мне во всяком случае показалось. Тривиальная нехитрая обстановка. Стол, пара стульев. Никакой лампы в лицо. Свет падал сверху из некоего подобия люстры-светильника расположенного довольно высоко над столом.

Позднее мне неоднократно устраивали «промывание мозгов» и в этих стенах и вне, но это первое, честно признаюсь, было самым страшным.

Дверь за провожатым захлопнулась. По ушам ударила вязкая тишина. Звуки не достигали комнаты. Они вязли в толстых стенах, окованных железом дверях, в мощных старинных перекрытиях здания, скрывая суть вокруг происходящего, подавляя неизвестностью. Не думаю, что тогда в семидесятом, КГБ располагало техникой дающей возможность следить за арестованным. Да это было и не нужно. Психологи этого ведомства прекрасно понимали магическое воздействие стен этих на субъекта заключенного в клетку, сидящего на стуле прикрученному к полу, не видящего внешнего света, теряющего ощущение времени. Дверь открылась бесшумно. Никакого скрипа засовов, лязга ключей, окриков охраны. А может быть я оглох от тишины? Не помню...

Вошел тип в сером (в каком же ещё) костюме, - любимый цвет гвардейцев ведомства «железного Феликса». Вместо какого либо приветствия резким голосом выплюнул:

- Вставать нужно, когда входят старшие! Интеллигентами себя считают! Простых вещей не умеют понять!
- Здравствуйте, - сказал я моментально подсевшим от долгого молчания голосом, - Вы не в форме, а по возрасту мы, скорее всего сверстники. И к тому же я надеюсь, что нахожусь у вас, как гость. А хозяин приветствует гостя...
- Гость?!- он не дал мне закончить фразу. -Гость... повторил и криво усмехнулся, - сюда в гости не ходят. Может тебе (о, уже «на ты!») чаю с вареньем подать?

- На чай я не рассчитываю, но стакан водички бы...
- Воду, - сказал он в пространство.

Нет, всё же какая-то техника у них была. Солдат принёс графин с водой и стакан. Я неосмотрительно выпил сразу два. Когда я поглощал второй стакан, то заметил выражение лица развалившегося за столом человека.

- Пиши, - скомандовал он указывая на лист бумаги на столе и плохо заточенный карандаш.
- О чём? – искренне спросил я
- Обо всём. – сказал он многозначительно и загадочно.
- Не понял...
- Сейчас поймёшь, - сказал и вышел.

Я сидел неподвижно ожидая продолжения разговора. Однако человек не возвращался. Я встал и легонько толкнул дверь. Закрыто. Нажал посильнее. Никакой реакции. Вернулся и сел на свой отполитрованный многими задами стул. Что они от меня хотят? По какому делу затолкали сюда? Кто о чём «настучал»?

Слежки я за собой никогда не замечал, а значит точно привезен «по стуку». Время шло, но ничего не происходило. Хотя нет, происходило. Я, наконец, понял ухмылочку того типа по поводу выпитой мною воды. Она просилась на свободу более чем я. Поборов связанное с этим некое смущение, я постучал в дверь. Сначала осторожно, а потом всё требовательней и требовательней. До позора было ещё далеко, но кто знал сколь долго придётся терпеть ещё... Придуманно было простенько и со вкусом. Никто и пальцем меня не тронул, а попытка получилась по высшему разряду. Потом, не взирая на подписку о неразглашении тайны (какой?), я рассказывал моим близким об этих мучениях, но всегда вместо сочувствия рассказ мой встречался смехом. Мне же было уже не смешно. Наплевав на этику, я уже стучал кулаком в дверь. Безрезультатно. В голову приходили мысли о невероятных возможностях йогов, о тривиальном освобождении организма прямо в угол этого мерзкого подвала. Вспомнилось: «Интеллигентами себя называете!»

Н-е-е-т, психологом этот парень был отменным.

Дверь открылась, когда я уже потерял надежду дожаться этого момента.

- Ну. Что ты тут начерта? - мой мучитель глянул на чистый лист бумаги.
- О чём?- снова спросил я его. И тут произошло чудо. Начисто исчезло желание посещения туалета. Его как небывало! Вода перестала давить на мозги и пришло чувство странного покоя .
- О чём? - искренне спросил я ещё раз.
- Галича поёшь? - не спросил а произнёс он полуутвердительно и с угрозой в голосе. При этом постучал костяшкой согнутого среднего пальца по столу.
- Пою. Это заслуженный талантливый советский драматург и киносценарист.
- Ты Ваньку не валяй. Знаешь о каких песенках я спрашиваю
- Если о «Бегуне», так культ личности был оуждён партией ещё в 1956-ом...
- Тайное прослушивание и распространение записей порочащих советскую власть карается законом. Понял?
- А я для себя пою и слушаю, -уверенно соврал я
- За дачу ложных показаний – статья. И он не врал. Есть ведь такая.
- А я уже привлечён? – мною, наконец был задан самый точный в этой ситуации вопрос. Скорее всего «привод» в моём случае был мерой запугивания, выявления новых фактов для уже существующих дел об «антисоветчиках». Ответа на вопрос не последовало.
- Все записи принесёшь сюда сам.
- Это моя коллекция. Я собираю её уже 10 лет. Причём лично для себя,- угадал я с ответом.
- Изымем сами, сказал, но уже без раздражения.
- Коллекционеры собирают знаки отличия фашистской Германии и никто у них их не забирает...
- Так их коллекции безвредны для страны, соврал теперь он.

- А дух?- отпарировал я
- Дух? А у песен твоего Галича дух или душок? И о ком это ты: «искусствоведы в штатском?»

Он открыл папку. Чьё это? Тоже Галич?

Я свой пиджак на стул повешу
Прижму гитару к животу...

-Нет, это я...

Откуда у них моя песенка «Об искусствоведах»? Причём, оригинал! Это мой листочек. Кто утащил, кто передал? Предал!

Я свой пиджак на стул повешу,
Прижму гитару к животу.
Потом с оглядкой,
Каюсь... Грешен
Спою вам песню, но не ту.
А кто вас знает,
А кто вас ведаёт!
Все нынче стали искусствоведами.
Им даже в полной пустоте-с
Везде мерещится подтекст!

Поймите сами обстановку,
Включите радио, друзья!
Враги маскируются ловко
Внедря буржуазный яд.
И кто вас знает
С какого голоса,
Про чьи глаза вы,
Про чьи вы волосы.
И непонятно ни шиша,
Где ваши горы? Может в США?

На днях один, мне неизвестный
Стихи на память стал читать:
«Приют певца, угрюмый, тесный,
И на устах его печать».
И с этих пор , друзья,
А кто вас ведаёт?
Повсюду вижу, тля!
Искусствоведа я...
И твёрдо верую я в то,
Он носит штатское пальто...
И потому не пойте песен, не пойте песен....
А я пою...

- Учти парень, крути свои плёнки, но...если появится хоть одна копия – пеняй на себя. Подпиши бумагу о неразглашении. Вот тебе телефон. О любой антисоветской выходке – звони. Это твой долг.Всё.

- В моём окружении нет людей приносящих вред стране. Так что спасибо за доверие, но телефон мне не пригодится.
- Мы не торопим с ответом, пропуск на выходе.

«Неужели всё? Неужели свободен?» - думал я следуя за уже знакомым, доставившем меня сюда, парнем.

Он подписал пропуск, пожал мне руку... « Я слушал вас в университете. Мне очень понравились ваши песни...» «Значит и здесь работают люди,» - наивно подумал я и... вышел на свободу. Темнело. Сколько же я пробыл там? Кончился день, наверное самый длинный день в моей жизни. Стрела пущеная в Александра Галича задела меня только рикошетом. Каково же было ему?

Да в той конторе работали разные люди. Но сколько душ погубили и изуродовали они! Было у меня два ближайших друга. Одного из них запугиванием и принуждением к сотрудничеству довели до психушки. Сначала он отрубил себе палец, чтоб не брать в руки гитару. Потом его долго накачивали какой-то успокаивающей химией. Однажды, прийдя в себя по возвращению из больницы, осознав безвыходность ситуации, мерзость доноительства, двойственность своего положения, - он ушёл из жизни выбросившись из окна шестого этажа своего дома . Второй вступил в партию, стал на заводе большим начальником. Мы перестали общаться. Встречались в домах наших общих знакомых, где он уже никогда не пел крамольных песен. Только советско-комсомольскую классику или народные. Вот такой у него, обаятельного исполнителя и умницы, появился репертуар. Положение обязывало. А вы говорите: песенки...

ОБ АВТОРЕ ПИШУТ...

Борис Чичибабин

Чтобы понять глубинный смысл...

Хорошее в искусстве всегда индивидуально и редко. Поэтому я с радостью рекомендую читателям книгу песен Григория Дикштейна. Их нужно, конечно, слушать в авторском исполнении, отдельно от него они неизбежно что-то теряют. Но я уверен, что даже перенесенные на книжные странцы певучие слова дадут представление не только о таланте и профессиональном мастерстве автора, но и о его темпераменте, артистизме, вкусе, о каких-то личностных качествах, о свойствах души. Его песни настолько откровенны и искренни, что из них видно, какой человек их сложил. Видно, что это человек добрый и страстный, остроумный, размышляющий, склонный к философскому созерцанию. Видно, что он не может мириться и не мирится с социальной несправедливостью, с несвободой и ложью.

У него есть песни смешные и печальные, публицистически-гражданственные и потаенно-лирические, веселые и серьезные, даже трудные, заставляющие прослушать и перечитать их не один раз для того, чтобы понять глубинный смысл.

Мне особенно дорого и близко, что Григорий Дикштейн пришел "оттуда", из моих шестидесятых, - именно в эти годы он начал писать свои песни, - но мне кажется, что эти песни проживут еще многие десятилетия. Я люблю его песню "Легенда о мастере", в ней речь о Булгакове, но по сути это гимн профессиональному мастерству, которое Дикштейн ценит в других и к которому сам причастен в высшей степени. Казалось бы песни даются ему легко, безусильно. Но ему нравится самому себе ставить самые трудные технические задачи и разрешать их легко и весело. Такое стихотворное мастерство представляется мне замечательным и удивительным. Настоящая песня не может не быть профессиональной. И в моих глазах, как и в глазах многочисленных слушателей и почитателей, автор замечательных песен Григорий Дикштейн прежде всего профессионал и мастер.

Борис Чичибабин:

То что я читал и слышал, было подлинной поэзией, то-есть, самым главным, обнадеживающим и прекрасным в этой жизни...

Лев Ленчик.

«Мы дети погонь и агоний...»

Заметки о первой книге Григория Дикштейна
"...и отзовется эхо"

Книга - как дом. Перед тем, как войти в нее, в особенности, не -знакомую, я часто задержи- ваюсь на ее пороге - на обложке. Верчу какое-то время в руках, не раскрывая. Пробую на вкус и цвет. Раздумываю над названи- ем. Так и на этот раз. "И отзовется эхо...". Хорошее, чуть ли не библейское название. Но не сразу врубаюсь в смысл. Мешает какая-то заведомая поэтичность. Красиво, наверняка, но что оно означает. Только эхо отзовется? И ничто другое? И никто другой? Тогда какая мощь затаенной одиночества!.. А если не в этом суть, тогда в чем? Что еще может означать этот емкий динамичный образ с таким явным налетом традиционного эстетизма и афористичности? Пока раздумываю, глаза слизывают с задней обложки прекрасные отзывы знаменитых имен. Чичибабин, Клячкин, Ланцберг, Ким, Вероника Долина, Жванецкий. Определение Долиной бардовской поэзии как песен "наших будней" кажется и оригинальным, и метким. Однако, что в ней (в этой самой бардовской или поющей поэзии) первично, что образует ее как жанр? Слово или мелодия? Ведь она живет, по преимуществу, в исполнении автора, в его голосе, в его обаянии, в гитарном аккомпанементе, в большей ритмической свободе, то есть - в ауре каких-то дополнительных подпорок и украшений. В какой же мере она еще и поэзия? С этим, несколько ворчливым старомодным настроением вхожу, наконец, в саму книгу. Причем где-то в середине, почти напролом:

*Яблоком весеннего налива
Катит жизнь неведома куда...*

Зацепило сходу и дальше, не отпуская, потянуло от страницы к странице, отбивая охоту к произвольному, полуденивому листанию:

*Все это кончится, авось,
Коротким замыканьем...
Запахнет Грузией, вином,
Любовью и аптекой...*

Господи! Какой замечательно свежий, случайно-не-случайный изобразительный ряд! Хотя, с точки зрения грамматики, что может быть скучнее однородного перечисления признаков?

*Запахнет Грузией, вином,
Любовью и аптекой,
Спит фортепьяно чутким сном
С растрескавшейся декой.
Похмелье во чужом пиру,
Где сладок голос крови,
И под Вивальди поутру
Ладонь у изголовья.*

Сочно, живо, безыскусственно, как дыхание. В самом стихе, еще до гитары, до исполнения, до голоса есть уже свой музыкальный объем, весомость и легкость. Колорит клавиши или струны. Я не знаю. Конечно, филолог и критик не дремлют во мне никогда, но вот встречаются тексты, которые совсем незаметно отодвигают их

куда-то на периферию сознания, и сами заполняют его, вопреки моей воле, оголяя нервы, душу, слух - весь механизм чисто стихийного, органического восприятия. Такие тексты называют, обычно, подлинными. Подлинным искусством. Подлинной поэзией.

Мое внимание задерживается на этой мысли, видимо, потому еще, что встречи с подлинным и настоящим случаются сейчас все реже. И не оттого, что мы беднее талантами, а, скорее всего, оттого, что богатеем бесталанными, которые, подобно сорнякам, растут и множатся среди нас с необоримым напором и самозабвенным натиском. что нам малярам! Свобода есть свобода. Свобода - для всех. Срифмовал две строчки - и уже поэт. И я.И я.И я...

Ну что ж, как говаривал Кузьма Прутков, хочешь быть счастливым, будь им. Возможно, что массовая тяга к рифмованию - не обязательно всегда порочна. Во всяком случае, подвергать запретам ее и не гоже, и не под силу. Так что, ничего другого не остается, как только научиться отличать. Ведь плевела рвут любую почву с назойливой безжалостностью. "О бумажный безжалостный фарс!" - восклицает Дикштейн по другому поводу, но с какой поразительной точностью - в унисон вышесказанному! Словно, по заказу:

*Выше гордо изломанных уст
Гнев эмалевым глазом косится.
И тела разделяет и лица
Этот пошлый жасминовый куст.*

Сила и жизнь образа - в игре значений. Он о том и не о том сразу, в одном захвате. Между эмалевым глазом, если допустить, что таковой бывает, и гневом нет прямой связи, как, впрочем, и между пошлостью и кустом жасмина. Нет и, вместе с тем, есть, но не иначе, как на уровне эстетическом - в смысле прямого попадания в душу читателя и сотворения в ней эмоционального отклика. В этом природа и чудо искусства. На бытовом языке - Божья искра.

*Уже родниковой воды
Не видно под радужной пленкой,
Вбивают копыта орды
Талант, как ребенка в щепенку!..
И узок рассвета просвет,
Пока нас тасуют на масти...
И все-таки в жизни участие -
Вот главное! Прочего нет!*

Я намеренно привожу примеры стихов, не узнаваемых в качестве песен. И для меня, как критика, и, думаю, для многих читателей и поклонников творчества Дикштейна чрезвычайно важно увидеть, что они (стихи эти) не придаток песни, не фон ее, а самостоятельная поэтическая реальность, со своей собственной напряженностью, драматизмом и свежей, подчас искрометной образностью. "Пока нас тасуют на масти" - а разве нет?! И там тасовали, и здесь не прочь. Кто же? Не мы ли сами? На ум невольно приходит цветаевское о себе и Пастернаке: "Разбили нас, как колоду карт" - в значении "разъединили". У Дикштейна - та же форма безличного предиката. "Разбили нас" - "нас тасуют". В обоих случаях субъект-преступник - некое безликое "они". Но мы знаем, кто "они". И всегда знали. И у нас нет нужды называть их поименно. Однако, несмотря на общность сердцевины (колода карт), поэтическое пространство в стихе Дикштейна гораздо шире. Во-

первых, его заполняет ординарный человек, некоторое коллективное "мы" ("нас") - люди вообще. Во-вторых, в его орбите - образ копыта, ближайшая рефлексивная реминисценция которого - стадо, стадность. Не инстинкт ли стадности делит нас на свояков и чужаков, тасует на масти, на расы, на веры?! Я отнюдь не уверен, что Дикштейн, как автор, имел в виду и это значение. Но в том-то и дело, что мастерски "сработанный" образ всегда неожиданно шире и глубже даже хорошо продуманного авторского замысла. Язык образного мышления трудно поддается логизированию. Как бы близко ни подходила логика к образу, как бы прочно, казалось бы, не "раскусывала" его, в нем всегда остается еще что-то, какой-то остаток, который, как это ни парадоксально, не всегда и не обязательно меньше "раскусанного". Это с одной стороны. А с другой: наше читательское восприятие ведь тоже не просто "губка", которая механически впитывает в себя воду. Оно непременно активно. Воспринимая худо- жественную реальность, мы неизбежно становимся соавторами творца. Каждый берет из нее то, чем сам наполнен. Отсюда наши нескончаемые споры об прочитанном и увиденном. Отсюда и долгожитие самого искусства. В научных текстах - мы усваиваем чужой, неизвестный нам материал. В искусстве мы познаем, узнаем, открываем, прежде всего, самих себя. На этом узнавании собственного опыта (духовного, прежде всего) и зиждется наш эмоциональный взрыв, волнение, сопереживание. И если это так по отношению к текстам отдаленных от нас эпох, то это тысячекратно так в тех случаях, когда автор и читатель выползли, по сути, из одного котла, из одного чудовищного месива:

*Вбивают копыта орды
Талант, как ребенка в щебенку!..*

Честно говоря, в целом, мне трудно назвать талант Дикштейна драматическим. Он, преимущественно, лиричен, щедр, великодушен, во многом - романтичен. Даже это анализируемое стихотворение, довольно грустное и безысходное по существу ("Быть! Это и яда глоток..."), прошито упрямым - всем чертям назло - жизнеутверждающим рефреном:

*И все-таки в жизни участие -
Вот главное! Прочего нет!*

Ну, конечно, прочего нет. В другом стихотворении он скажет: "любовь и надежда, а третьего нам не дано". Кстати сказать, тоже рефреном - этаким стилистической метой автора, единственной, может быть, которая визуально и ритмически напоминает песню - ее припев. чаще всего это грустная, но светлая нота человеческой незащищенности - животрепещущего нерва самой бытийности, тепла, жизни. И все же...

И все же, несмотря на романтический оптимизм и лирику, Дикштейн - по-настоящему драматичен. Просто это черта его поэтики происходит, видимо, не из природной склонности к надрыву и коллизии, а из простой человеческой порядочности. Поэт, проживший жизнь в стенах "строгого режима", не может не быть драматичным уже по одному этому факту.

Стих Блока "мы дети страшных лет России" стал хрестоматийным. Мы износили его в бесконечных цитатах, как будто он о нас - о "детях" эпохи развитого социализма. С приходом Галича, мы перестали быть детьми. Мы стали "сволочами": "Как гордимся мы, сволочи, что он умер в своей постели". Казалось бы, что еще можно добавить к этой предельно испепеляющей эволюции образа от Блока до Галича? Но оказывается, можно:

*Мы дети погонь и агоний
С дымящейся пеной у рта...*

В моем восприятии, этот вершинный образ Дикштейна, как бы, соединяет лексическую переключку Блока и Галича - нашу родимую отеческую темочку - в единый неразрывный трагический узел. И дети, и сволочи вместе. Потому что "дети погонь" - это не только погоняемые, но и погоняющие в равной степени. Сочтемся славою. Говоря так, я, разумеется, не имею в виду, что эта "доводка" известного образа до последней грани трагизма произошла у поэта на какой-то умозрительной основе. Мол, сидел, сидел на завалинке - и придумал. Нет, такие стихи не имеют, понятно, ничего общего с техникой рационального ремесленничества. Такие стихи вырываются из горла - да! - но и вместе с горлом, с глоткой, со всеми потрохами. Надо, черт знает как, остро и глубоко переживать каждую клеточку бытия, своего и чужого, чтобы такой стих случился. Именно случился, пришел, свалился, как случаются подчас немота или прозрение. О даре уже не говорю - здесь все налицо. Образ "погонь и агоний" - по гармонии, по корневому ассонансу звука и смысла можно сравнить разве что с образами такого непревзойденного в этом деле мастера, как Окуджава: "наша судьба - то гульба, то пальба". В своем коротком предисловии к книге Борис Чичибабин пишет: "Хорошее в искусстве всегда индивидуально и редко. Поэтому я с радостью рекомендую читателям книгу песен Григория Дикштейна. Их нужно, конечно, слушать в авторском исполнении, отдельно от него они неизбежно что-то теряют". Теряют, но не все. И это, собственно, я и пытался показать в приведенных примерах. Лучшие стихи сборника поэтически полновластны и полноценны и вне исполнительного мастерства автора. В одних из них превалирует индивидуальность авторского мироощущения:

*Уймите дни свой бег! Нам ни к чему поспешность...
Еще стоит тайга, и что ей до поры!
Ведь каждый новый век своих отыщет грешных,
Кому - леса в снегах, а для кого - костры.*

В других - активная формальная мелодичность и особое лирическое сердцебиение:

*За стеной, за окном, за спиной
Тихий дождик неспешный грибной,
Остро пахнет родной стороной,
Пирогом именинным, цветами...
Время сердце зажало в горсти,
Мне в земле этой не прорасти,
А тебе, дорогая, цвести,
И почти не меняться с годами.*

А в третьих - колорит площадного карнавала:

*Вся семья за то хлопочет, что курей не топчет кочет,
А меня другое точит, жизни не дает...
Мой лопух меня не хочет. Говорит, что нету мочи.
Я живая, между прочим, глупый идиот!*

Последний пример взят из цикла песен к рассказам Бабеля - особая глава не только в рецензируемой книге, но в творчестве Дикштейна в целом. Сюда же следовало бы отнести и прекрасные песни к различным спектаклям (в частности, по сказкам Андерсена, по рассказам Шукшина). Однако все это выходит уже за рамки моей задачи: показать Григория Дикштейна, человека несмолкаемой житейской пучины и разносторонних дарований, прежде всего, как поэта в собственно литературном (а не только песенном) значении этого понятия. А если обобщать, то как ни крути, а

бардовская песня (или песня "поющих поэтов", как многие из них себя называют) тем-то и отличается от обычной, что она вне сильной лексико-смысловой фактуры попросту не могла бы существовать. Окуджава принес нам не столько песню, сколько слово - новое понимание человека и мира, совершенно новую шкалу оценок и ориентиров, новую поэтику. Так что совсем не случайно, что из пошедших по его стезе сохранились немногие - только те, кто, подобно Дикштейну, сумел показать "лица необщее выраженье".

Я закрываю книгу и снова задумываюсь над ее названием. "И отзовется эхо..". Ну, конечно, в нем тема поэта и толпы - надежда на отклик и читательское понимание. Но не только. В нем надежда на общественное пробуждение "среди тревог, предательства и крови" - вечно живого ландшафта нашего великого всемирного муравейника вообще и нашего незабвенного отечества - в частности.

*И отзовется эхо,
А женщина вздохнет,
Бесценному глупец назначит цену,
И на земле прореха
Травую прорастет,
Но это не конец и не измена!*

Грустная, тихая, вернее, приглушенная, как свет из глубин самого поэтического вещества, но все же - надежда.

Евгений Клячкин

(Надпись на афише)

Гришенька! Дожили всё же мы и до афиш, и до пластинок... Давай жить долго! Это так интересно
1985 г.!

Евгений Клячкин

(Поздравление с днём рождения)

Вот что, Гриша дорогой:
Я в мажор ни в зуб ногой.
Так что, бросив вострый взор,
Поздравлять, я вижу, не с чем...
Как там каркнул ворон вещей,
Что-то вроде «nevermore»?
Это значит никогда
Ни триумфом, ни монетой
Не воздастся нам за это –
Ни за звонкие года,
Что легли в десятилетия,
Ни за то, что солнце светит
Присно тем, кто с нами пел,
Днесь, тому кто с нами рядом
И вовек ... О тех ни взглядом,
Ни умом я не сумел
Различить, как ни старался...
Дело их, а нам остался
Стержень наш Закон и Мера,
Тот, что держит нашу жизнь,
Но не бронза и не жечь,
А Любовь, Надежда, Вера...
И, не ввязываясь в спор,
Дай вам Бог таких опор!

Ноябрь 1986 года

Владимир Ланцберг

Эти песенки я слышу
Полтора десятка лет...
Я люблю Дикштейна Гришу
И конца любви той нет.
Рвись струна в душевном стоне,
Пусть легчает на душе...
И «Оранжевые кони»
Замирают в «Камыше»...

Юлий Ким

(Поздравление ко дню рождения)

Полтинники наши итожа,
Я честно желаю тебе,
Всецело и точно того же,
Чего я желаю себе.
Пусть сдвинуты звонкие чаши,
И всё дорожает вино,
И даже пусть песенки наши
Никто кроме нас не поёт -
Всё равно:
Играй на гитаре, Григорий,
Выдумывай песни, твори!
И пей иногда алкоголий,
Зато никогда не кури!

Юлий Ким

(Предисловие к первой пластинка)

Сочинять песни для театра - дело не простое. Знаю по собственному опыту... Так вот Григорию и такое по плечу. У него есть несколько превосходных песен к спектаклям по прозе И.Бабея, В.Шукшина... А сколько ещё будет!

Вадим Левин

Затихла в восторге планента.
Искусства прекраснее нет,
Когда сам с собою дуэтом
Поёт композитор-поэт.
Какая прекрасная пара
В один воплотилась талант!
И вторит любовно гитара
Дуэту поэт-музыкант.
Какие высокие чувства
Вмещает поющий стих...
Ах.нам бы такое искусство,
Хотя бы одно на двоих.

Александр Дольский

...Как творческая личность Григорий Дикштейн для меня интересен очень, очень давно. Потому что он своеобразен, ни на кого не похож, у него свой почерк... В связи с этим, вы знаете, что такое свой почерк? Это так трудно понять! Рядом с Женей Клячкиным я жил столько лет мы с ним дружили, я его всегда любил. У него был свой стиль... И вот он так неожиданно ушел из жизни. Недавно был вечер его памяти, другие люди пели его песни, и вот я услышал... Как я Моцарта отличаю от Гайдна, так у Жени отчетливо виден свой стиль, совершенно ни на кого не похожий... Так и у Гриши свой стиль... Вот он рядом с нами... Живёт, поёт, - мы мало на это обращаем внимание. А у него есть свой стиль в поэзии, в музыке и в подаче... Он очень талантливый человек. Я его люблю...

Ну, а как о человеке, я могу сказать так: он соответствует всем самым высоким эталонам русского интеллигента...

(из интервью с тележурналистом 23 канала ТВ.Семеном Гольдштейном. Чикаго.США 1994 год)

Вероника Долина

(Предисловие к первой пластинке)

Быть, петь, и не желать себе ничего боле – стало уже хорошим тоном в нашей будничной песне. Дело в том, что я считаю эти музыкальные стихи песнями наших будней. Где-то есть и песни праздников, надо полагать. Но в поэзии будней помещается всё: трудности и надежды, стиснутость зубов и нежная беззащитность, прошлое, настоящее. Нелегкие, густые наши дни. Будни сильнее праздников, их просто больше. И вот идёт сквозь эти наши будни человек с гитарой – не мальчишка уж, идёт, поёт, ничего себе не просит. Но посмотрите –какая обаятельная его зрелость, какой сочный колорит в строчках и интонациях, а это умение отыскать радость во всём!

Дискография

И отзовется эхо... 1989 С60 28131 007.

«ФИРМА МЕЛОДИЯ» Москва. Запись 1988 года

Содержание: Если косы дождей...; Прощанье с летом; Седые углы у пруда; Носгальгия по детству; 21 июня; Не сотвори себе кумира; и отзовется эхо (Ю.Визбору); Памяти поэта (АГаличу); Баллада о свежем воздухе с эпиграфом из песни Вл. Высоцкого «SOS»: «Вот вышли наверх мы...»; Шансонье; Только музыка; Весенняя; Март; Притча; Вечное движение; Ворожея; Зрелость; Ещё не кончен бал; Григорий Дикштейн - пение, гитара; Борис Магальник (скрипка) и Михаил Розенталь, (альт):1,2,4,6, 15,18

Как это делалось... 1990 С60 29733 009

«ФИРМА МЕЛОДИЯ» Москва. Запись 1989 года

Песенная композиция по прозе И.Э. Бабея и воспоминаниям его современников. 95- летию со дня рождения И.Э. Бабея посвящается.

Содержание: Часгь1.Конармия. Жестокое танго; Версия; Биография;Звезда полей; Раненый; До местечка; Дорожная песня; Часгь2. Одесские рассказы. Нищий философ; Диалог; Песенка молодого вора; Папаша Крик; Песня Короля; Последняя прогулка; Алиби; «Гамбринус».

Григорий Дикштейн - пение гитара; Борис Магальник(скрипка) и Михаил Розенталь(альт): 1,2,4,10,14,15,16

Танго с секретом 1990 СО 31286 009

«ФИРМА МЕЛОДИЯ » Москва. Запись 1990 года

Содержание: Убегу всего- то лишь; Исход; Горькая песня; Письмо в Чикаго (1988); Жертвоприношение; Грузинская апрельская; Лето убегает; Танго с секретом; Длинная ночь; Взгляд; Не искушай- Элегия; Сезон отпусков; Среди авансов долгов; Зимний менует; Листок из альбома.

Григорий Дикштейн - пение гитара; Борис Магальник (срипка) и Михаил Розенталь, альт(1,2,4,6,7,8,9,10,13,17,18)

Две души 1995 Магнитный альбом

Vaza Record, Inc. Chicago. Запись 1995 года

Содержание: Попутная песня; Выбор; Две осени: а/-092, в/-93; Собери нас, Сенька!; Я люблю в этом доме бывать; Мои седины не судимы; Распалась связь времён; У той обители; Две души; Сезон охотничий открыт; Мы не те!; Я иной; Когда ты маленькой была; Моё взрослое дитя; Легко говорить; Вины волна; Американская цыганочка; Помнишь, Миша? В нашей жизни получилось...; Если бы; Памяти Е.Клячкина; Давай притормозим; Прячет облако...; И случилось так; Неточке; Ещё не кончен бал.

Григорий Дикштейн, пение, гитара. Борис Горелик – скрипка(1, 3в, 7, 8, 9, 20). Борис Магальник, скрипка и Михаил Розенталь, альт (26)

Крылья клеенные воском (CD)- 1998

«E/Z Steel» Chicago . Запись сделана в 1998 году

Содержание: Не от мудрости житейской; Попутная песня; Перезвон из темноты; Распалась связь времён;

Крылья клеенные воском; Натурщица; Две души; Небесгрешно дружище, желанье... ; У той обители; Это будет не завтра; Сезон охотничий открыт; Мои седины не судимы; Это возраст такой; Я люблю в этом доме бывать; Осень далека; Вины волна; Осень 93; Юбилейная; Булату Окуджаве; Февральский романс; Тамада; Американская цыганочка; Пиаф; Когда ты маленькой была; Моё взрослое дитя; Не списывайте на берег матроса; Может мы себя напрасно тратили? Новогодняя; Давай, брат, попеняем на судьбу.

Григорий Дикштейн – пение, гитара; Борис Горелик (скрипка); Евгений

Мучник(синтезатор)

Старое танго с секретом (CD) –1999

Запись сделана в Москве на фирме «Мелодия» и восстановлена на фирме «E/Z Steel». Chicago в 1998 г.

Содержание: От себя не убежишь; Исход; Горькая песня; Письмо в Чикаго; Жертвоприношение; Апрельская грузинская; Лето убегает; Танго с секретом; Длинная ночь; Не искушай; Элегия; Сезон отпусков; Зимний менюэт; Листок из альбома; Если косы дождей; Прощанье с летом; Седые углы у пруда; Ностальгия по детству; 21 июня; Не сотвори себе кумира; И отзовётся эхо (Ю.Визбору); Памяти поэта (А. Галичу); Баллада о свежем воздухе; Шансонье; Только музыка; Весенняя; Март; Притча; Вечное движение; Ворожея; Зрелость.

Григорий Дикштейн - пение, гитара,; Борис Магальник (скрипка) и Михаил Розенталь (альт)

Синтезатор- Евгений Мучник

Как это делалось... (CD) -2001

Запись сделана в Москве на фирме Мелодия в 1989 году и восстановлена и доработана в 2001 г на фирме«E/Z Steel» Chicago

Песенная композиция по прозе И.Э. Бабеля и воспоминаниям его современников.

Содержание: Пролог . Жестокое танго; Версия; Биография; Звезда полей; Раненый; До местечка; Дорожная песня; Нищий философ; Диалог; Песенка молодого вора; Папаша Крик; Песня Короля; Последняя прогулка; Алиби; «Гамбринус».;

Григорий Дикштейн - пение гитара; Борис Магальник (скрипка) и Михаил Розенталь(альт); Синтезатор- Евгений Мучник